

Источник: Два знатных родича. Перевод Н. Холодковского. С предисловием Р. Бойля // Шекспир В. Полное собрание сочинений / Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1903. Т. 5. С. 227-288.

ДВА ЗНАТНЫХЪ РОДИЧА.

Эта драма впервые напечатана въ 1634 г. (in 4°) подъ такимъ заглавіемъ:

The Two Noble Kinsmen
Presented at the Blackfriars
by the King's Majesties Servants,
with great applause.

Written by the memorable worthies
of their time:

{ Mr. John Fletcher, and } Gentl.
{ Mr. William Shakespeare }

Printed at London by Jho. Cotes for John Waterson: and are to be sold at the sign of the Crown in Pauls Church-yard 1634, (т.-е. – «Два знатныхъ родича». Представлена въ Блэкфрайерсѣ слугами его королевскаго величества съ великимъ успѣхомъ. Написана знаменитостями того времени: мистеромъ Джономъ Флетчеромъ и мистеромъ Вильямомъ Шекспиромъ, джентльменами. Напечатана въ Лондонѣ Дж. Котсомъ для Джона Уотерсона. Продается подъ вывѣской Короны въ оградѣ церкви св. Павла. 1634 г.).

Затѣмъ, пьеса появилась во второмъ изданіи (in folio) соч. Бьюмонта и Флетчера 1679 года; въ этомъ изданіи было напечатано 52 пьесы, на 17 болѣе, чѣмъ содержало 1-е изданіе in folio соч. Бьюмонта и Флетчера, выпущенное въ 1647 г. Текстъ пьесы для второго изданія in folio былъ взятъ изъ изданія in quarto 1634 года, какъ это очевидно изъ ошибокъ и опечатокъ, которыя перенесены сюда изъ этого изданія.

Затѣмъ пьеса появилась въ 1711 г. въ Тоусоновскомъ изданіи Бьюмонта и Флетчера и въ 1750 въ семитомномъ Тоусоновскомъ изданіи, съ критическими примѣчаніями Теобальда, Сьюарда и Симпсона.

Въ 1778 г. вышло изданіе соч. Бьюмонта и Флетчера въ 10 томахъ (изд. Кольмана Рида и др.); въ изданіи этомъ нашла мѣсто и наша пьеса.

Въ 1812 г. соч. Бьюмонта и Флетчера были изданы въ 14 томахъ Веберомъ. Это изданіе было перепечатано позднѣе Рутледжемъ въ двухъ томахъ (1839).

Въ «Иллюстрированномъ Шекспирѣ» Найта (Knight's Pictorial Shakespeare, 8 томовъ 1839-1841) пьеса наша была напечатана съ очень небрежнымъ текстомъ. Въ слѣдующихъ изданіяхъ Найтъ воспользовался прекраснымъ текстомъ Дайса, который между 1843 и 1846 г. выпустилъ образцовое изданіе соч. Бьюмонта и

Флетчера въ 11 томахъ. Наша пьеса была также издана Тиррелемъ въ его собраніи сомнительныхъ пьесъ Шекспира и Скетомъ въ 1876 г. въ школьномъ изданіи Шекспира. Но въ томъ же 1876 году появилось другое изданіе нашей пьесы, имѣющее большее значеніе. Это была перепечатка изданія in quarto 1634 г. «Новымъ Шекспировскимъ Обществомъ» (изд. Гарольда Литльдэля). Въ немъ старательно свѣрены разночтенія изданій in quarto и второго in folio.

Сюжетъ «Двухъ знатныхъ родичей» заимствованъ изъ «Паламона и Аркита» Чосера, который въ свою очередь заимствовалъ его изъ «Тезейды» Боккачіо. Сюжетъ этотъ значительно менѣе измѣненъ, чѣмъ въ другихъ шекспировскихъ заимствованияхъ изъ Чосера. Повѣствовательный элементъ въ нашей драмѣ получилъ гораздо больше развитія, чѣмъ драматическій. Длинныя описанія замѣняютъ дѣйствіе. Характеры столь же мало развиты, какъ въ самыхъ раннихъ пьесахъ Шекспира. Въ этомъ отношеніи интересно сравнить характеры Тезея въ комедіи «Сонъ въ Иванову ночь» и въ нашей пьесѣ. Въ «Снѣ въ Иванову ночь» мы находимъ опредѣленную концепцію характеровъ, и, конечно, было бы странно, если бы Шекспиръ, къ концу своей жизни, принимаясь за характеръ, очерченный имъ много лѣтъ тому назадъ, сталъ изображать его въ совершенно другомъ свѣтѣ. И, все же, именно это насъ поражаетъ въ «Двухъ знатныхъ родичахъ». Тезей изображенъ здѣсь такъ, какъ описываетъ его Чосеръ, - тираномъ, не знающимъ иного закона, кромѣ собственной воли. Онъ постоянно либо въ крайнемъ гнѣвѣ, либо въ крайней степени восторга,

228

и его приближенные безъ зазрѣнія совѣсти пользуются своимъ знаніемъ его настроеній, чтобы заставить его дѣйствовать сообразно своимъ видамъ. Ипполита, Эмилія и три царицы на колѣняхъ умоляютъ его выступить войной противъ Оивъ, наказатъ Креона и похоронить трехъ царей, погребенія которыхъ не допускалъ этотъ тиранъ. Тезей, прежде, чѣмъ уступить ихъ желанію, проявляетъ доходящій до комизма недостатокъ рѣшительности. И повсюду въ другихъ мѣстахъ пьесы мы видимъ то же самое; насиліе съ одной стороны и колебанія съ другой, разъ является необходимость составить или измѣнить какое нибудь рѣшеніе. И онъ никогда не ссылается на законъ, какъ на силу, равную или высшую его воли. Въ «Снѣ въ Иванову ночь» мы встрѣчаемся съ совершенно иной постановкой дѣла. Здѣсь Эгей приводитъ къ Тезею свою дочь Гермію и обвиняетъ ее въ неповиновеніи. Она отказывается выйти замужъ за человѣка, котораго отецъ избралъ для нея въ мужья. Тезей и не думаетъ разрѣшить вопросъ по своему личному усмотрѣнію.

Когда Эгей ссылается на древній аѳинскій законъ (дѣйствіе I, сц. 1, ст. 42) и говоритъ: «Такъ какъ она моя, то я въ правѣ располагать ею. Она должна или принадлежать этому человѣку, или умереть, согласно нашему закону, безъ промедленія прилагаемому въ этомъ случаѣ», то Тезей съ своей стороны говоритъ Герміи: «Знай, прекрасная дѣвушка: для тебя отецъ твой долженъ быть какъ богъ;

онъ тотъ, кто породилъ твою красоту; для котораго ты была только восковой формой, на которой онъ запечатлѣлъ свое изображеніе; и въ его волѣ оставить жить сотворенный имъ образъ, или разрушить его». Послѣ длиннаго разговора, который совѣтуемъ читателю просмотрѣть и сравнить со сценой упрощиванія въ нашей пьесѣ, Тезей говоритъ: «Ты же, прекрасная Гермія, должна склонить свои мечты предъ волею родителя. Иначе законъ Аѳинъ – который мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ отмѣнить, - присуждаетъ тебя къ смерти или къ обѣту дѣвственной жизни».

Въ «Снѣ въ Иванову ночь» Тезей изображенъ конституціоннымъ правителемъ, чѣмъ, несмотря на всѣ свои недостатки, была для своихъ подданныхъ Елизавета. Въ «Двухъ знатныхъ родичахъ» мы имѣемъ дѣло съ деспотомъ, отъ пароксизмовъ бѣшенства переходящимъ къ состоянію разслабленности, когда окружающіе беззастѣнчиво начинаютъ играть имъ. Возможно ли, спрашиваю я, чтобы Шекспиръ – если онъ авторъ «Двухъ знатныхъ родичей» - отказался отъ своей первой тонкой концепціи характера Тезея, чтобы замѣнить ее образомъ слабаго, вѣчно колеблющагося тирана? Какъ это ни странно, мысль сравнить Тезея нашей комедіи съ тѣмъ же самымъ лицомъ комедіи «Сонъ въ Иванову ночь» съ указанной сейчасъ точки зрѣнія не пришла въ голову никому изъ тѣхъ, кто принималъ участіе въ пререканіяхъ за и противъ участія Шекспира въ созданіи разсматриваемой пьесы.

Эти пререканія начинаются съ соображеній, высказанныхъ Спеддингомъ въ 1833 г. Его воззрѣнія ожили въ «Трудахъ Новаго Шекспировскаго Общества» за 1876 г. вмѣстѣ съ теоріей, что Шекспиру въ «Генрихѣ VIII» помогаль Флетчеръ (см. предисловіе къ «Генриху VIII»). Его увѣренность, что «Два знатныхъ родича» могутъ быть приписаны Шекспиру, главнымъ образомъ, основана на замѣчательной поэтической красотѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстъ пьесы, но онъ не пытался указать проявленіе важнѣйшей черты шекспировскаго творчества – развитіе характеровъ изображенныхъ въ пьесѣ лицъ. Къ воззрѣніямъ Спеддинга примкнули профессоръ Спальдингъ и Гиксонъ, оба позднѣе получившіе поддержку со стороны «Новаго Шекспировскаго Общества». Иной взглядъ высказалъ профессоръ Деліусъ въ статьѣ своей, напечатанной въ 13 томѣ «Shakespeare Jahrbuch» («Die angebliche Shakespeare Fletcher'sche Autherschaft des Dramas The Two Noble Kinsmen»). Онъ того мнѣнія, что Шекспиръ не принималъ никакого участія въ созданіи пьесы. Деліусъ указываетъ на отсутствіе въ ней всякихъ слѣдовъ развитія характера, а такъ какъ по времени появленія пьесы она относится къ послѣднимъ годамъ жизни Шекспира, то мысль объ его участіи становится недопустимой. Эта часть доводовъ Деліуса была безъ сомнѣнія удачна. Но когда онъ сталъ доказывать, что комедія была написана неизвѣстнымъ авторомъ, который умѣлъ съ внѣшней стороны подражать стилю одновременно и Шекспира и Флетчера, то этимъ онъ доказалъ только одно: что онъ не имѣетъ достаточныхъ познаній въ области драмы того времени. Вотъ почему эта часть его статьи была подвергнута въ Англійи весьма неблагосклонной критикѣ Фэрниваллемъ, Флэйемъ и почти всею фалангой «Новаго Шекспировскаго Общества».

Трудность вопроса заключается в томъ, чтобы указать автора, котораго можно было бы считать способнымъ написать такое произведение, какъ приписываемая Шекспиру часть пьесы. Авторъ настоящей статьи былъ тогда въ перепискѣ съ Фэрниваллемъ, председателемъ «Новаго Шекспировскаго Общества» и сообщилъ ему свое убѣжденіе, что искомымъ авторомъ былъ Мэссинджеръ (см. предисл. къ «Генриху VII» и «Троилу и Крессидѣ»). По приглашенію Фэрнивалля я изложилъ свои взгляды въ запискѣ и передалъ ее для обнародованія въ «Трудахъ Новаго Шекспировскаго Общества». Докладъ былъ напечатанъ и прочитанъ членамъ Общества 8-го декабря 1882 года. Онъ былъ принятъ благосклонно, но такъ какъ интересъ къ предмету между 1876 и 1882 г. очень ослабѣлъ, то докладъ не былъ подвергнутъ обстоятельному обсужденію. Знаменитый поэтъ Броунингъ, избранный въ это время президентомъ Общества, написалъ автору благодарственное письмо за удовлетворительное разъясненіе вопроса. Александръ Шмидтъ (составитель «Шекспировскаго лексикона») также заявилъ, что онъ присоединяется къ мнѣнію объ участи Мэссинджера. Фэрнивалль и Флэй приняли новый взглядъ – второй изъ нихъ однако только на короткое время. Впослѣдствіи онъ предложилъ другаго драматурга того времени – Чепмена вмѣсто Мэссинджера, но не встрѣтилъ поддержки.

Есть много важныхъ основаній для утвержденія, что сотрудникомъ Флетчера въ разсматриваемой пьесѣ былъ именно Мэссинджеръ. У Мэссинджера есть излюбленныя типическія фигуры, о которыхъ мы всегда впередъ знаемъ, что онѣ скажутъ въ каждомъ данномъ положеніи. Но все же нѣкоторые изъ этихъ типовъ получаютъ у Мэссинджера дальнѣйшее развитіе, чего никакъ нельзя сказать о лишенныхъ всякаго движенія типахъ Флетчера.

Имена Бьюмонта и Флетчера такъ тѣсно сплетены между собою въ исторіи англійской драматической литературы, что соединеніе Мэссинджера и Флетчера напугало многихъ изъ тѣхъ, кто безъ большихъ затрудненій усвоилъ идею о сотрудничествѣ Шекспира и Флетчера. Но мы имѣемъ, однако, свидѣтельство современника, друга обоихъ драматурговъ – сэра Астона Кокэнья, что Мэссинджеръ и Флетчеръ работали вмѣстѣ столь же часто, какъ Бьюмонтъ и Флетчеръ, и онъ упрекаетъ издателей перваго *in folio* Бьюмонта и Флетчера за то, что они не отдали должнаго Мэссинджеру. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что литературное сотрудничество существовало не только между Бьюмонтомъ и Флетчеромъ, но также между Мэссинджеромъ и Флетчеромъ.

Было потрачено не мало усилій, чтобы выяснить, въ какихъ именно пьесахъ Флетчера сотрудничалъ Мэссинджеръ. Но усилія эти не приводили къ яснымъ результатамъ, пока Флэй, изслѣдуя собственныя имена, встрѣчающіяся въ одной изъ 52 написанныхъ сообща пьесъ, - «Маленькомъ французскомъ законникѣ» (*The little french Lawyer*), - не замѣтилъ, что въ ней имя «Динантъ» произносится съ удареніемъ на первомъ слогѣ въ однѣхъ сценахъ и съ удареніемъ на второмъ

слогъ – въ другихъ. Дальнѣйшее изслѣдованіе показало ему, что каждая изъ этихъ двухъ группъ сценъ имѣетъ свой особый размѣръ. Такъ какъ размѣръ Флетчера извѣстенъ по такимъ пьесамъ, какъ «Бондука», «Валентиніанъ» и другія, которыя онъ написалъ одинъ, то явилась также возможность установить по размѣру пьесъ несомнѣнно принадлежащихъ одному Мэссинджеру («The Bondman», «The great Duke of Florence», «The Duke of Milan» и др.), какія части Флетчеръ-Мэссинджеровскихъ пьесъ принадлежатъ Мэссинджеру.

Такимъ образомъ былъ найденъ надлежащій путь, и трудный вопросъ, кто является сотрудникомъ Флетчера, въ цѣломъ рядѣ пьесъ, - былъ приблизительно разрѣшенъ. Кромѣ метра, однимъ изъ средствъ распознаванія является въ данномъ случаѣ и то, что Мэссинджеръ и Флетчеръ никогда не произносятъ собственныхъ именъ одинаковымъ образомъ. Въ «Испанскомъ Викаріи» лицо, называемое въ части Мэссинджера Бартоломъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ, въ части Флетчера называется Барто́ломъ – съ удареніемъ на второмъ слогѣ. Въ «Двухъ знатныхъ родичахъ» въ одномъ мѣстѣ Флетчеръ произноситъ «The-se-us» и «Pir-ith-o-us» (т.-е. 3 и 4 слога), а Мэссинджеръ произноситъ The-seus и Pir-ith-ous, т.-е. дѣлая только два и три слога.

Это – конечно, мелочи, но въ такомъ трудно разрѣшаемомъ вопросѣ нельзя пренебрегать даже и пустяками.

Между размѣромъ «Двухъ знатныхъ родичей» въ части, не принадлежащей Флетчеру, и размѣромъ Шекспира въ его послѣднихъ произведеніяхъ существуетъ столь очевидное сходство, что оно послужило сильнѣйшимъ

аргументомъ въ глазахъ членовъ «Новаго Шекспировскаго Общества» въ пользу авторства Шекспира. Въ виду этого я по просьбѣ Фэрнивалля составилъ вторую записку, которая была обнародована въ апрѣлѣ 1886 подъ заглавіемъ «Бьюмонтъ, Флетчеръ и Мэссинджеръ», также въ трудахъ «Новаго Шекспировскаго Общества». Въ этой запискѣ, объемомъ около 50 печатныхъ страницъ, приведено 1000 параллельныхъ мѣстъ, связывающихъ между собою пьесы, принадлежащія одному Мэссинджеру, съ пьесами Бьюмонтъ-Флетчера посредствомъ мѣстъ, общихъ и тѣмъ и другимъ. Однимъ изъ важныхъ выводовъ этого сопоставленія являются повторенія, столь характерныя для Мэссинджера. Уже Джиффордъ, тщательно издавшій многихъ старыхъ драматурговъ, и въ томъ числѣ Мэссинджера, замѣчаетъ о немъ: «Ни одинъ драматургъ не повторяетъ самъ себя чаще и съ такою безцеремонностью какъ Мэссинджеръ». Но Мэссинджеръ повторяетъ не только самого себя: онъ повторяетъ безпрестанно также Шекспира и очень любитъ уснащать рѣчь классическимъ аппаратомъ. Эта послѣдняя черта сама по себѣ, конечно, не имѣетъ рѣшающаго значенія для установленія авторства Мэссинджера въ каждомъ данномъ случаѣ, но она не безъ значенія въ связи съ другими его особенностями. Одинъ изъ доводовъ Деліуса, въ вышеупомянутой статьѣ его, противъ участія въ нашей пьесѣ Шекспира, состоитъ въ частыхъ

классических цитатах и многих намеках на пьесы Шекспира и заимствованийхъ изъ нихъ, чего самъ Шекспиръ никогда бы не сталъ дѣлать.

А для Мэссинджера повторенія чрезвычайно характерны. Въ упомянутомъ выше второмъ докладѣ моемъ, гдѣ даны параллельныя мѣста изъ пьесъ Мэссинджера, есть около 30 такихъ мѣстъ, связывающихъ пьесы, написанныя имъ однимъ, съ его другими пьесами, и около 15, - связывающихъ такимъ же образомъ комѣдii, въ которыхъ онъ былъ сотрудникомъ. Для нашей пьесы я указалъ 25 мѣстъ, связывающихъ ее съ другими пьесами Мэссинджера. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ чрезвычайно характерны. Такъ напримѣръ, въ принадлежащей Мэссинджеру части пьесы «Судьба честнаго человѣка» есть такое мѣсто (актъ III, сцена I):

«Cunning calamity,
That others' gross wits uses to refine,
When I most need it, dulls the edge of mine».

«Лукавая напасть, изоцряющая тяжелые умы, притупляетъ острые углы моего ума, когда я всего болѣе нуждаюсь въ этомъ (изоцрени)».

Въ «Двухъ знатныхъ родичахъ» (I. I. 119) мы находимъ эту-же мысль и то же сопоставленіе:

«Extremity that sharpens sundry
Wits, Makes me a fool»

т.-е.: «Опасность, изоцряющая умы другихъ, меня дѣлаетъ глупымъ».

Мэссинджеръ, повторяя свои собственныя мысли, не всегда измѣняетъ и улучшаетъ ихъ, но здѣсь, безъ сомнѣнія, дѣло было именно такъ; и это заставляетъ меня думать, что пьеса была написана позже «Судьбы честнаго человѣка», написанной, какъ извѣстно, въ 1612-1613 г. Такое-же художественное совершенствованіе мы наблюдаемъ еще нѣсколько разъ. Такъ въ «Двухъ знатныхъ родичахъ» (I. I. 153) мы читаемъ: The heares are gone to-morrow (приблизительный переводъ: пыль прошелъ завтра), - что въ томъ видѣ, какъ оно стоитъ передъ нами, едва понятно (фраза взята изъ того мѣста, гдѣ Тезей обѣщаетъ выступить противъ Эивъ послѣ своей свадьбы, между тѣмъ какъ три царицы настаиваютъ, чтобы онъ выступилъ немедленно). Но эта мысль ясна сразу, когда мы сравнимъ малопонятную фразу съ однимъ мѣстомъ изъ пьесы Мэссинджера «Императоръ Востока» (II. I.): The resolution which grows cold to day will freeze to-morrow т.-е.: Рѣшительность, которая начинаетъ холодѣть сегодня, на утро замерзнетъ.

Тутъ мы прямо имѣемъ комментарий къ неясности перваго выраженія одной и той-же мысли, родившейся, конечно, въ одномъ и томъ-же творческомъ мозгу.

Переходя къ языку «Двухъ знатныхъ родичей», мы должны помнить, что по живописности языка Шекспиръ стоитъ одиноко среди поэтовъ своего вѣка. До него и при его жизни, въ теченіе всей его писательской карьеры, ни одинъ изъ поэтовъ въ метафорической рѣчи не достигъ степени живописи. Другіе писатели того времени умственно созерцаемую картину отбрасывали, такъ сказать, на объективное полотно, откуда читатель или слушатель получалъ представленіе о той умственной картинѣ, которая стояла передъ духовными очами поэта и была

оригиналомъ созерцаемой читателемъ и слушателемъ объективной картины. Шекспиръ сталъ выше этого процесса;

231

онъ передаетъ своимъ слушателямъ и читателямъ умственные образы свои какъ бы электрическимъ токомъ, безъ всякой посредствующей среды. Другими словами, онъ былъ первый, доставившій картинамъ драматургій полную самостоятельность. И вотъ почему повѣрить, что Шекспиръ принималъ какое нибудь участіе въ созданіи «Двухъ знатныхъ родичей» или «Генриха VIII», для меня представляется невозможнымъ; такъ какъ только въ этихъ двухъ пьесахъ, между всѣми произведеніями того періода творчества Шекспира, который начинается «Гамлетомъ», нѣтъ ни одной изъ этихъ сверкающихъ электрическими искрами картинъ, буквально ни одной. Я собралъ въ упомянутыхъ выше двухъ докладахъ моихъ наиболее яркія картины изъ «Двухъ знатныхъ родичей», и всякій можетъ убѣдиться, что ни одна изъ нихъ даже приблизительно не можетъ сравниться съ изображеніемъ Гамлета въ комнатѣ его матери, когда онъ видитъ тѣнь своего отца, или съ тѣмъ ужасающимъ впечатлѣніемъ, которое производитъ на насъ безумный король Лиръ въ степи или воображаемый кинжалъ Макбета.

Изъ отсутствія характеристизаціи, отличающаго всю пьесу, Деліусъ, какъ указано выше, извлекъ самый важный аргументъ свой противъ авторства Шекспира.

Благодаря недостаточному знакомству съ драматургами того времени, онъ не замѣтилъ факта, который одинъ стоитъ всѣхъ остальныхъ имъ приведенныхъ, взятыхъ вмѣстѣ.

Ничто такъ рѣшительно не ставитъ Шекспира выше его современниковъ, какъ чудная нѣжность и чистота его женскихъ образовъ. Морина, Имогена, Пердитта, Миранда едва ли представляется намъ, какъ простыя смертныя женщины. Изабеллу сжигаетъ огонь поруганной въ ней чистоты, который гонитъ прочь нечистыя мысли и заставляетъ даже брошенную куртизанку Люцію сказать, что она смотритъ на нее, какъ на «небесное и святое» существо.

Если Шекспиръ дѣйствительно написалъ какую нибудь часть нашей пьесы, то Ипполиту и Эмилию слѣдуетъ сравнить съ этими чистыми, лучезарными созданіями. Посмотримъ, что получится при такомъ сравненіи. Въ актѣ I (сц. I ст. 82) первая царица говоритъ:

«When her armes
Able to lock love from a synod, shall
By warranting moon-light corslet thee; O, when
Her twinning cherries shall sweetness fall
Upon thy tastefull lips, what willt thou thinke
Of rotten kings or blubber'd queens? What care
For what thou feelst not, what thou feels beinh able
To make Mars spurn his drom? O, if thou couch

But one night with her, every hour in't shall
Take hostage of thee for a hundred, and
Thou shalt remember nothing more than what
That banquet bids thee to».

(«Когда ея руки, способныя самого Юпитера увлечь изъ сонма боговъ, при свѣтѣ луны-покровительницы обнимутъ тебя, когда ея губы, какъ пара вишень, изольютъ свою сладость на твои жадныя губы, о, неужели станешь ты думать тогда о гнѣющихъ въ могилахъ короляхъ и рыдающихъ царицахъ? какая тебѣ забота о томъ чего-ты не чувствуешь? А то, что ты самъ чувствуешь, способно даже Марса заставить отказаться отъ барабана (войны). О, если бы ты провелъ съ нею только одну ночь, то каждый часъ въ ней сдѣлалъ бы тебя заложникомъ на сотню часовъ и ты не сталъ бы помнить ни о чемъ иномъ, кромѣ того, что повѣлеваетъ тебѣ этотъ пиръ»).

Одно это мѣсто уже достаточно характеризуетъ манеру Мэссинджера относиться къ своимъ женскимъ типамъ. Въ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ журналѣ «*Englische Studien*», въ числѣ тысячи собранныхъ мною параллельныхъ мѣстъ, 62 точь-въ-точь такого характера, какъ приведенное выше. Значительное число ихъ повторяетъ слова приведеннаго мѣста почти буквально. Чувственность есть общая черта всѣхъ женскихъ типовъ нашей пьесы. Такъ Ипполита говорить (I. I. 190):

«Did I not by the abstaining of my joy.
Which breeds a deeper longing, cure their surfeit
That craves a present medicine, I should plucke
All ladies'scandall on me».

(«Если бы воздержаніемъ отъ моей радости, которая порождаетъ еще болѣе глубокое желаніе, я не излѣчила ихъ пресыщенія, требующаго такого лѣкарства, то вызвала бы по отношенію къ себѣ злословіе всѣхъ дамъ»).

Эмилиа въ актѣ I 3, 66 такъ говоритъ о своихъ собственныхъ прелестяхъ:

«My breasts, o, then but beginning
To swell about the blossom».

(«О, мои груди тогда только что начинали вздыматься вокругъ сосца»).

Напомнимъ также, что дочь тюремщика въ нашей пьесѣ сходитъ съ ума отъ разочарованія въ любви. Другими словами, всѣ

женщины нашей пьесы имѣютъ грубую чувственную натуру, которая дѣлаетъ невозможнымъ ни на одинъ мигъ допустить, что онѣ – созданія Шекспира.

Эмилиа пробуетъ убѣдить и себя, и насъ, что она такъ сильно любитъ Паламона и Аркита, что не знаетъ, кого изъ нихъ выбрать. Единственное чувство, которое она выражаетъ относительно поединка, въ которомъ рѣшается, кто изъ нихъ долженъ быть ея мужемъ, заключается въ опасеніи, какъ бы кому либо изъ

нихъ не испортили лица. Въ принадлежащей Мэссинджеру части пьесы «*Lover's Progress*» Олинда также любитъ сразу двоихъ, такъ что не можетъ рѣшиться, кого выбрать.

Она выражается при этомъ такимъ образомъ, что довольно самага малаго знакомства съ Мэссинджеромъ, чтобы придти къ заключенію, что творецъ Олинды есть также творецъ Эмилиі. Единственный слѣдъ характеристикаціи его женскихъ образовъ, это – чрезвычайно развитая чувственность.

Между мужскими образами мы видѣли, что Тезей является однимъ изъ многочисленныхъ типическихъ тирановъ Мэссинджера. Паламонъ и Аркитъ въ началѣ пьесы въ рукахъ Мэссинджера различаются нѣкоторыми индивидуальными чертами. Но различія скоро исчезаютъ, и то, что говоритъ одинъ, можетъ быть приписано другому, такъ что читатель этого и не замѣтитъ. Словомъ, тутъ нѣтъ и слѣда развитія характеровъ, столь замѣчательнаго у Шекспира.

Въ своихъ попыткахъ привлечь интересъ зрителя, авторъ «Двухъ знатныхъ родичей», будь то Флетчеръ или Мэссинджеръ, вполне полагается на однѣ только внѣшнія приключенія. Шекспиръ, конечно, тоже прибѣгаетъ къ занимательной фабулѣ, когда желаетъ привлечь къ пьесѣ интересъ, но главныя усилія свои онъ посвящаетъ развитію характеровъ.

Не взирая на все сказанное, слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что въ нашей пьесѣ встрѣчаются мѣста высокой поэтической красоты, что и дало нѣкоторымъ изъ нашихъ главныхъ авторитетовъ основаніе настойчиво высказываться за авторство Шекспира. Это было для нихъ тѣмъ легче, что въ подавляющемъ числѣ случаевъ они почти ничего не знали о Мэссинджерѣ. Удивительно, какъ мало подчасъ требуется научнаго багажа, чтобы сойти за ученаго шекспиролога.

Теперь необходимо дать нѣсколько свѣдѣній о Мэссинджерѣ въ добавленіе къ тому, что сказано въ предисловіи къ «Генриху VIII». Онъ родился въ 1583 г. (а не въ 1584 г., какъ это обыкновенно полагаютъ); первой пьесой, въ созданіи которой онъ участвовалъ, была, насколько это возможно установить, драма «*The Honest Man's Fortune*» (около 1612 года). Сотрудниками его въ этой пьесѣ были Бьюмонтъ и Флетчеръ. Вмѣстѣ съ тѣми же Бьюмонтомъ и Флетчеромъ онъ написалъ четыре другихъ пьесы около того же самага времени. Вмѣстѣ съ однимъ только Флетчеромъ онъ написалъ семнадцать пьесъ; пять въ сотрудничествѣ съ какимъ то другимъ авторомъ, двѣ въ сотрудничествѣ съ двумя неизвѣстными драматургами, три совмѣстно съ Фильдомъ и Деккеромъ, и наконецъ, четырнадцать пьесъ – одинъ, самостоятельно. Такимъ образомъ онъ былъ частью единственнымъ авторомъ, частью дѣятельнымъ сотрудникомъ въ созданіи сорока восьми драмъ.

Изъ того, что было сказано относительно характеристикаціи въ нашей пьесѣ, можетъ показаться страннымъ, что многіе и между ними даровитые критики приняли произведенія Мэссинджера за созданія Шекспира. Но такова сила предвзятости, и исходя изъ того, что пьеса шекспировская, непременно найдешь доказательства этому. Удивительнаго тутъ ничего нѣтъ: многочисленныя подражанія творческимъ приѣмамъ Шекспира, столь характерныя для Мэссинджера легко становятся подтвержденіемъ того, что пьеса написана

Шекспиромъ. Затѣмъ приверженцы этой теоріи никогда не пытались разобраться въ вопросѣ, почему въ мнимо-шекспировской пьесѣ нѣтъ шекспировской характеристикѣ. Для нихъ было достаточно, что въ пьесѣ встрѣчаются высоко поэтическія мѣста. Кромѣ того даже для природнаго англичанина невозможно отличить размѣръ Мэссинджера отъ размѣра Шекспира только на слухъ. Мэссинджеръ продолжилъ драматическое стихосложеніе съ того мѣста, гдѣ Шекспиръ оставилъ его, и развилъ его дальше въ томъ-же самомъ направленіи. Въ метрѣ Шекспира, - за исключеніемъ по моему не Шекспировскаго «Генриха VIII», - такъ называемыхъ *run-on-lines*, т.-е. стиховъ, въ которыхъ мысль не закончена, но переносится въ слѣдующую строку, встрѣчается въ крайнемъ случаѣ отъ 20 до 30 %. Между тѣмъ Мэссинджеръ началъ съ 31 процента такихъ стиховъ въ своей части пьесы «The Honest Man's Fortune» и дошелъ постепенно до 49. Точно такъ же онъ постепенно увеличивалъ

233

число двусложныхъ окончаній (прибавленіемъ лишняго, одиннадцатаго неударяемаго слога), хотя не заходилъ въ этомъ такъ далеко, какъ Флетчеръ, въ нѣкоторыхъ драмахъ котораго круглымъ счетомъ 4 стиха изъ каждыхъ пяти имѣютъ двусложное окончаніе. Однако Мэссинджеръ любилъ также оканчивать стихъ частицей, мѣстоимѣніемъ, вспомогательнымъ глаголомъ (такъ называемое легкое окончаніе), предлогомъ или союзомъ (такъ называемое, слабое окончаніе). Онъ, Бьюмонтъ и Шекспиръ въ своемъ метрѣ очень походятъ одинъ на другого. И какъ ни восхищался Мэссинджеръ Шекспиромъ – что мы можемъ видѣть изъ всѣхъ его произведеній – онъ усвоилъ себѣ манеру Бьюмонта изображать тирановъ и страстные характеры, самымъ яркимъ примѣромъ которыхъ является Тезей въ нашей пьесѣ. Кто сравнитъ Тезея съ Тьерри въ пьесѣ «Thierry and Theodoret» или съ Филастеромъ, Арбасесомъ или какимъ либо другимъ типическимъ героемъ Бьюмонта, тотъ увидитъ, что Мэссинджеръ усвоилъ себѣ манеру Бьюмонта, а не Шекспира. Къ тому-же, въ этомъ, благодаря избраннымъ имъ сюжетамъ, была своего рода необходимость. Поэты младшаго, чѣмъ Шекспиръ, поколѣнія умышленно предпочитали полагаться больше на изысканный вымыселъ фабулы, чѣмъ на трудный и опасный путь тонкой обрисовки характеровъ. Сознаніе этой важной особенности постепенно проникло въ новѣйшую шекспирологию и теперь уже мало кто рѣшается защищать участіе Шекспира въ созданіи «Двухъ знатныхъ родичей».

Въ заключеніе, сформулируемъ въ 2-3 словахъ *pro* и *contra* вопроса. *Противъ* – недостаточность переработки сырыхъ матеріаловъ источника. Они являются въ драмѣ почти совершенно въ такомъ же видѣ, какъ въ рассказѣ Чосера. Во-вторыхъ, нѣтъ развитія характеровъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Тѣ черты характера, которыя мы замѣчаемъ у дѣйствующихъ лицъ драмы, - не что иное, какъ результатъ ситуаціи, и онѣ измѣняются по мѣрѣ того, какъ мѣняется ситуація.

Въ третьихъ, въ разсматриваемой пьесѣ нѣтъ картинъ, сообщающихся непосредственно уму читателя какъ бы электрическимъ токомъ. Всѣ картины тщательно разработаны въ своихъ подробностяхъ, какъ отдѣлывалъ ихъ Шекспиръ только въ самыхъ первыхъ своихъ произведеніяхъ.

Съ другой стороны, за участіе въ этой пьесѣ Шекспира мы имѣемъ только два существенныхъ довода. Во-первыхъ, чрезвычайно сходство размѣра нашей пьесы съ размѣромъ послѣднихъ драмъ Шекспира – доводъ, который имѣлъ бы гораздо большее значеніе, если бы этотъ размѣръ не имѣлъ еще большаго сродства съ обычнымъ метрическимъ стилемъ Мэссинджера. Во-вторыхъ, истинная красота отдѣльныхъ мѣстъ нашей пьесы. Но въ пьесахъ, безспорно принадлежащихъ Мэссинджеру, мы встрѣчаемъ мѣста, столь же прекрасныя и съ замѣчательнымъ фамильнымъ сходствомъ въ тонѣ мысли и художественности выраженій съ самыми лучшими мѣстами разбираемой нами пьесы.

Робертъ Бойль¹

234

ДВА ЗНАТНЫХЪ РОДИЧА.

Дѣйствующія лица:

Тезей, герцогъ Аѳинскій.

Пиритой, аѳинскій генераль.

Артезій, аѳинскій капитанъ.

Паламонъ, } племянники Креона,
Аркитъ, } короля Ѡивскаго.

Валерій, ѳивскій дворянинъ.

Шесть рыцарей.

Герольдъ.

Тюремщикъ.

Женихъ дочери тюремщика.

Докторъ.

Братъ и другъ тюремщика.

Дворяне.

Джеррольдъ, школьный учитель.

Ипполита, амазонка, невѣста Тезея.

Эмилиа, ея сестра.

Три королевы.

Дочь тюремщика.

Служанка Эмилиі.

Крестьяне, гонцы, лицо, изображающее Гименя, мальчикъ, палачъ, стража, свита, дѣвушки-поселянки, женщины, изображающія нимфъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Аѣинахъ и окрестностяхъ Аѣинъ, кромѣ части
перваго акта, гдѣ дѣйствіе происходитъ въ Оивахъ и ихъ окрестностяхъ.

ПРОЛОГЪ.

(Трубы.)

Судьба дѣвицъ и новыхъ пьесъ сходна:
Поклонники и деньги къ нимъ стремятся,
Пока завѣты чести въ нихъ хранятся;
Такъ, если пьеса дѣльная скромна, -
То въ брачный день - въ день первый представленья -
Она полна невольнаго смущенья,
Дрожить за честь свою, подобно той,
Кто, бракъ святой свершивъ и первой ночи
Страхъ переживъ, стыдливо клонить очи
И кажется дѣвицей, не женой.
И съ нашей пьесой, если вамъ угодно,
Пусть будетъ такъ; прекрасно, благородно
Ея рожденье: авторъ былъ - поэтъ,
Какого знаменитѣй въ мірѣ нѣтъ
Отъ тѣхъ краевъ, гдѣ вѣетъ По, какъ лента,
До береговъ серебрянаго Трента.
Тотъ авторъ - Чосеръ; онъ намъ тему далъ
И всѣмъ вѣкамъ въ наслѣдье завѣщаль.
И если мы съ наслѣдьемъ этимъ чистымъ
Не справимся, и встрѣтите вы свистомъ
Дитя усилій нашихъ, чуть на свѣтъ
Оно родится, - то въ гробу поэтъ
Невольно содрогнется и застонетъ:
«О, кто мнѣ дастъ защиту, кто прогонитъ
Пустую эту болтовню писака,
Испортившихъ мои творенья такъ.
Что Робинъ Гудъ серьезнѣй ихъ стократно!»
Вотъ что намъ страшно! Было бы превратно
И безнадежно намъ мечтать о томъ,
Чтобъ съ нимъ сравняться собственнымъ трудомъ,
И можетъ быть, что на свое лишь горе
Отважились поплыть мы въ это море;
Но протяните руку намъ: тогда
Мы выплывемъ, быть можетъ, безъ вреда, -
Дадимъ рядъ сценъ, хотъ и не превосходныхъ,
Какъ далъ бы Чосеръ, но вполнѣ пригодныхъ,
Чтобъ часъ - другой занять васъ. Миръ костямъ
Поэта! Радость и веселье - вамъ!

Но если васъ развлечъ мы не съумѣемъ,
То докучать вамъ долго не посмѣемъ.
(Трубы.)

235

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Аѳины, передъ храмомъ.

Входитъ Гименей съ горящимъ факеломъ; передъ нимъ мальчикъ въ бѣломъ платьѣ, разбрасывающій цвѣты; за Гименеемъ нимфа съ распущенными волосами и въ вѣнокъ изъ колосьевъ; за нею Тезей между двумя нимфами въ вѣнкахъ изъ колосьевъ; затѣмъ Ипполита, невѣста, съ распущенными волосами, въ сопровожденіи Пиритоя и другого лица, держащаго надъ нею вѣнокъ; позади ея Эмилія, поддерживающая ея шлейфъ, Артезій и свита.

Хоръ (подъ музыку).

Ароматнѣйшія розы,
Безъ шиповъ и безъ занозы, -
По красѣ имъ равныхъ нѣтъ;
Маргаритки, видомъ скромны,
И гвоздики, нѣжно-томны,
И тимьянной травки цвѣтъ;

Первоцвѣтъ, весны рожденье,
Ранній вѣстникъ наслажденья, -
Колокольчиковъ пучокъ;
Бѣлыхъ буквиць цвѣтъ и почки,
Ноготки - могиль цвѣточки, -
Синій шпорника цвѣтокъ, -

Всѣ, природы милой дѣти,
Собирайтесь въ пышномъ цвѣтѣ
Предъ невѣстой съ женихомъ!
(Хоръ разбрасываетъ цвѣты.)
Хоръ воздушныхъ духовъ - птички,
Сладкогласныя пѣвички,
Всѣ слетайтесь здѣсь кругомъ!

Но ни воронъ, ни сорока,
Ни кукушка - вѣстникъ рока, -
Пусть не жалуютъ сюда,
Не грозятъ четъ прекрасной,

Не тревожать миръ согласный,
Но бѣгутъ отсель всегда!

Входятъ три королевы, въ траурѣ, съ черными вуалями, въ коронахъ. Первая королева падаетъ къ ногамъ Тезея, вторая - къ ногамъ Ипполиты, а третья - передъ Эмилией.

Первая королева.

Во имя милосердія и чести
Ты выслушай и пожалѣй меня!

Вторая королева.

Во имя матери твоей, во имя
Дѣтей, которыхъ ты зачнешь во чревѣ, -
Ты выслушай и пожалѣй меня!

Третья королева.

О, заклинаю суженымъ, который
Съ тобой раздѣлить ложе, - заклинаю
Твоею чистой дѣвственностью: будь
Заступницей въ тяжеломъ нашемъ горѣ!
Все, въ чемъ ты только погрѣшить могла бѣ,
За добрый подвигъ тотъ тебѣ простится.

Тезей.

Встань, грустная жена.

Ипполита.

Прошу я, встань.

Эмилиа.

Не преклоняй колѣнъ передо мною.
Когда я вижу женщину въ бѣдѣ, -
Сама невольно сердцемъ къ ней склоняюсь.

Тезей.

Въ чемъ ваша просьба, расскажите намъ!

Первая королева.

Предъ вами здѣсь три скорбныхъ королевы,
Мужья которыхъ пали жертвой злобы
Жестокаго Креона, - ихъ тѣла
Лежатъ добычей коршуновъ когтистыхъ
И пищею слетѣвшихся воронъ
Въ поляхъ нечистыхъ Эивъ. Тиранъ свирѣпый
Не позволяетъ намъ ихъ трупы сжечь
И въ урны пепель ихъ собрать, чтобъ вѣтеръ
Зловонье ихъ окрестъ не разносилъ,
Чтобъ свѣтлый Фебъ благословеннымъ окомъ
Не созерцалъ бы тлѣнья мертвыхъ тѣлъ.
О, сжался, герцогъ! Міра очиститель,
Ты извлеки за насъ твой грозный мечъ,
Которымъ столько благъ ты сдѣлалъ міру!

Намъ возврати тѣла супруговъ нашихъ,
Чтобъ мы могли гробницамъ ихъ отдать!
И, въ благости своей неизреченной,
Воззри на то, что мы, нося короны,
Увы, иного крова лишены,
Какъ сводъ небесный, кровлею служащій
Медвѣдю, льву, - и общій тварямъ всѣмъ!
Тезей.
Прошу, колѣнь своихъ не преклоняйте!

236

Услышавъ вашу рѣчь, я возмущенъ;
Мнѣ вашихъ жаль колѣнь, во прахъ склоненныхъ.
Супруговъ вашихъ гибель мнѣ извѣстна,
И столько же о ней я сожалѣлъ,
Насколько воспылалъ я жаждой мести.
(Къ первой королеви.)
Твой мужъ - король былъ славный Капаней:
Въ тотъ день, когда съ тобою въ бракъ вступалъ онъ, -
Въ такое жъ время года, какъ теперь, -
Предъ Марса алтаремъ его я встрѣтилъ.
Какъ ты была прекрасна! Плащъ Юноны
Былъ не пышнѣй кудрей твоихъ роскошныхъ!
Въ тотъ день колосья брачнаго вѣнца
Разсыпаться, увянуть не грозили:
Фортуна сладко улыбалась вамъ;
Самъ Геркулесь, мой родственникъ, - столь слабый
Предъ взорами очей твоихъ прекрасныхъ, -
Покорно булаву свою сложилъ
И, шкурой льва Немейскаго прикрывшись,
Свою вамъ кротко клятву приносилъ.
О, грозная печаль и злое время,
Какъ жадно вы готовы все пожрать!
Первая королева.
О, кажется, что нѣкій богъ внушаетъ
Тебѣ, герою, милосерднымъ быть!
Тебѣ онъ силу дастъ, чтобъ былъ ты нашимъ
Заступникомъ.
Тезей.
О, встань, вдова, прошу!
Молись у ногъ Беллоны шлемоносной
Ты обо мнѣ, о воинѣ своемъ!
О, какъ смущенъ мой духъ!

(Отворачивается.)

Вторая королева.

О, Ипполита!

Ты, амазонка грозная, чьей силой
Сражень клыкастый вепрь; ты, чья рука
Настолько же сверкает бѣлизною,
Насколько мощной силою полна;
Ты, чья отвага подчинить грозила
Поль сильный слабому, и подчинила бѣ,
Когда бѣ тебя властитель твой, - который
Рождень на то, чтобъ всюду водворять
Все естество въ природныя границы, -
Вновь не заставилъ подчиниться узамъ,
Которыя ты сбросить порывалась,
Плѣнивъ тебя и силой, и любовью;
Воительница смѣлая, чей гнѣвъ
Настолько жъ страшень, какъ прекрасна милость;
Ты, кто теперь, - я знаю, - больше власти
Имѣешь надъ властителемъ своимъ,
Чѣмъ надъ тобой когда-либо имѣлъ онъ, -
Онъ радъ служить по слову твоему,
О женственности чистое зеркало!
Проси его, чтобъ мы, огнемъ войны
Жестоко опаленныя, подъ сѣнью
Меча его, простертаго надъ нами,
Могли бѣ прохладу сладкую найти!
Моли его, какъ женщина лишь можетъ
Молить, такая жъ, какъ одна изъ насъ!
Плачь передъ нимъ, склони предъ нимъ колѣна, -
Хоть не на долго, хоть на краткій мигъ,
Достаточный, чтобъ встрепенулся голубь,
Которому головку отрываютъ;
Скажи ему, что сдѣлала бы ты,
Когда бы онъ лежалъ въ кровавомъ полѣ,
Оскаливъ мертвый ротъ навстрѣчу солнцу,
Ослабившись недвижно на луну!

И п п о л и т а .

Несчастливая, умолкни, успокойся!
Настолько же охотно я пойду
За вами вслѣдъ, какъ шла въ тотъ путь, который
Прервали вы, - а въ этотъ путь я шла
Всего охотнѣй въ жизни. Мой властитель
Глубоко тронутъ вашимъ горемъ. Дайте
Ему обдумать; послѣ я за васъ

Замолвлю слово.

Третья королева (къ Эмилиі).

О, я вижу, просьба

Моя была подобна льду, который,
Не растопленный жгучею печалью,
Лишь слабо каплетъ. Скорбь въ моей груди
Безформенною массою сдавилась.

Эмилиа.

Встань, встань, прошу я! На твоихъ щекахъ
Начертаны слѣды твоей печали.

Третья королева.

На нихъ ея не можешь ты прочесть;
Она едва-едва видна сквозь слезы;
Такъ камни дна кремнистаго ручья
Виднѣются сквозь струйки волнъ прозрачныхъ.
Кто хочетъ знать земли всѣ тайны, - долженъ
Въ ея проникнуть нѣдра, тотъ, кто хочетъ
Хоть малую рыбешку въ мѣрѣ скорби
Моей поймать, - тотъ пусть свою уду
Въ пучину сердца моего заброситъ.
Жестокая лишь крайность побуждаетъ
Меня къ сравненьямъ страннымъ прибѣгать.
Я, кажется, съ ума сойти готова.

237

Эмилиа.

Умолкни же! Я чувствую все это;
Кто подъ дождемъ не чувствуетъ дождя,
Тотъ понимать, конечно, не способенъ
Различья между мокрымъ и сухимъ.
Повѣрь мнѣ: еслибъ ты была картиной,
У живописца я бъ тебя купила,
Чтобъ сердце тяжкимъ зрѣлищемъ терзать
И упражнять его въ борьбѣ со скорбью;
Но я слаба, какъ женщинѣ обычно
Быть слабою, и грустный твой рассказъ
Меня такъ больно въ сердце ударяетъ,
Что, отразясь, ударъ тотъ сердцу брата,
Конечно, передается и заставитъ
Его невольно жалость ощутить,
Хотя бъ то сердце было тверже камня.
Утѣшься жъ, успокойся.

Тезей.

Поспѣшимъ

Скорѣ въ храмъ! Ни іоты не пропустимъ
Въ священной церемоніи.

Первая королева.

Увы!

Всѣ эти торжества продлятся дольше
И стоятъ вамъ дороже той войны,
Которую начать теперь мы молимъ!
О, вспомните, что имя ваше славно,
Что скоро поступить - для васъ не значитъ
Быть опрометчивымъ, что ваши думы
Сильнѣй вполнѣ обдуманнхъ рѣшеній
Другихъ всѣхъ смертныхъ; что рѣшенья ваши
Могучѣ, чѣмъ дѣйствія другихъ;
Дѣянья жъ ваши, - о клянусь Зевесомъ, -
Быстрѣй орла, хватающаго рыбу,
Едва возникнуть, - къ цѣли ужъ придутъ.
О вспомни, герцогъ, вспомни, что за ложе
Дано убитымъ нашимъ королямъ!

Вторая королева.

Какъ грустно наше ложе, на которомъ
Супруговъ нашихъ нѣтъ!

Третья королева.

И даже ложа,

Приличнаго для мертвыхъ, нѣтъ у нихъ!
О, даже тѣ, кому свѣтъ милый солнца
Наскучилъ, кто ужасной умеръ смертью,
Убивъ себя веревкою, кинжаломъ
Иль ядомъ, или бросившись съ горы, -
И тѣ имѣютъ миръ и тѣнь могилы,
Не лишены гробовъ!

Первая королева.

Супруги жъ наши

Лежатъ, подъ жгучимъ солнцемъ разлагаясь,
При жизни жъ это были короли!

Тезей.

Вы правы; я исполню вашу просьбу
И дамъ могилы вашимъ королямъ,
Для этого имѣть придется дѣло
Съ Креономъ.

Первая королева.

И немедленно теперь

Свершить тебѣ удобно это дѣло;

До завтра зной улегся; трудъ усталый
Испариной себя вознаграждаетъ,
И въ полной безопасности себя
Тиранъ считаетъ; онъ далекъ отъ мысли,
Что мы стоимъ здѣсь предъ тобой, стараясь,
Чтобъ ты прочелъ мольбу у насъ въ очахъ.

Вторая королева.

Онъ упоенъ теперь своей побѣдой.

Третья королева.

Насытись, отдыхаетъ вражья рать.

Тезей.

Артезий, ты всѣхъ лучше понимаешь,
Что нужно дѣлать въ этомъ предпріятіи, -
Съ чего начать и сколько войскъ собрать;
Устрой же это все, какъ можно лучше,
А мы скорѣй приступимъ къ исполненью
Торжественнаго акта нашей жизни, -
Въ супружество свершимъ мы смѣлый шагъ.

Первая королева.

Подруги вдовы, дайте руки: будемъ
Оплакивать втроемъ свое вдовство;
Отсрочка насъ томиться осуждаетъ
Голодную надеждою.

Всѣ королевы.

Прощай!

Вторая королева.

Не во-время явились мы; но развѣ
Печаль способна разсудать спокойно,
Какъ умъ, ничѣмъ не мучимый, - когда
О помощи просить всего удобнѣй?

Тезей.

Какъ, что вы говорите? Актъ священный,
Къ которому хочу я приступить,
Серьезнѣй всякихъ войнъ; онъ мнѣ важнѣе
Всѣхъ дѣлъ, какія прежде я свершилъ,
И всѣхъ, какія совершу въ грядущемъ.

Первая королева.

Я знаю: какъ бы ни молили мы,
Всѣ наши просьбы будутъ безуспѣшны.
Когда она лилейными руками,
Которыя увлечь могли бы Зевса

Съ высотъ Олимпа, шею обовьетъ
Тебѣ въ ночной тиши, при лунномъ свѣтѣ, -
Когда двѣ вишни этихъ алыхъ губъ
Къ устамъ твоимъ, любовью опьяненнымъ,
Прильнуть, - ужели будешь думать ты
О короляхъ гнѣющихъ, королевахъ
Заплаканныхъ? Какъ можешь думать ты
О томъ, чего не чувствуешь? Кто можетъ
Вновь пробудить воинственнаго Марса,
Чтобъ онъ ударилъ въ барабанъ войны?
О, если съ нею проведешь ты сладко
Одну лишь ночь, - то часъ одинъ той ночи
Залогомъ будетъ ста такихъ ночей!
И съ той поры ты будешь думать только
О новыхъ наслажденьяхъ!

И п о л и т а .

Нѣтъ, о, нѣтъ! (*Преклоняетъ колѣна*).
О, государь! Быть можетъ, прогнѣваю я
Тебя печальной просьбою своей;
Но еслибъ я отсрочить отказалась
Тотъ сладкій часъ, къ которому всѣмъ сердцемъ
Стремлюсь я, чтобы тѣмъ уврачевать
Скорбь этихъ вдовъ несчастныхъ, - навлекла бы
Я на себя проклятія всѣхъ женщинъ.
Итакъ, теперь рѣшаюсь испытать,
Имѣютъ ли немного силы просьбы
Мои передъ тобой, иль, можетъ быть,
Отъ просьбъ должна навѣкъ я отказаться.
Отложимъ наше дѣло! Подыми
Свой щитъ, надѣнь сверкающія латы
На плечи, дорогія мнѣ! Охотно
Готова я ихъ одолжить для дѣла
Несчастныхъ этихъ королевъ.

Всѣ королевы (*къ Эмилиі*).

Проси,

Проси за насъ! Обида наша просить
Колѣнопреклоненія твоего!

Э м и л і я (*преклоняя колѣна*).

О повелитель, если не исполнишь
Того, о чемъ сестра моя просила,
Съ готовностью и смѣлой быстротой, -
То никогда и ни о чемъ не буду
Тебя просить я; даже не отважусь

Себѣ супруга выбрать.

Тезей.

Встаньте, встаньте!

Я самъ рѣшилъ исполнить то, о чемъ
Вы просите такъ слезно. Пиритой!
Сопровождай невѣсту! Помолитесь
Богамъ прилежно о побѣдѣ нашей
И скоромъ возвращеньи. Торжества
Свершить всѣ безъ изъятя! Королевы,
Идите вслѣдъ за воиномъ своимъ!
Артезій, какъ тебѣ велѣлъ я раньше,
Сбирай войска; у береговъ Авлиды
Меня ты встрѣтишь съ половиной рати,
Достаточной и для труднѣйшихъ дѣлъ.
Итакъ, спѣшу! Дозволь же, дорогая,
Запечатлѣть мнѣ на устахъ румяныхъ
Прощальный поцѣлуй! (*Цѣлуетъ Ипполиту*)

Храни его,

Какъ мой завѣтъ. Скорѣе же въ дорогу,
Скорѣй! (*Артезій уходитъ*). Прощай, красавица сестра!
Ты жъ, Пиритой, заботься чтобы праздникъ
Своимъ порядкомъ шелъ и ни на часъ
Не сократился бѣ.

Пиритой.

Государь, дозволю мнѣ

Идти съ тобой; не въ праздникъ будетъ праздникъ,
Пока ты не вернешься.

Тезей.

Нѣтъ, кузень!

Прошу не дѣлать изъ Аѳинъ ни шагу.
Надѣюсь я, что мы вернемся раньше,
Чѣмъ кончится вашъ пиръ; прошу его
Не сокращать. Еще разъ, всѣ прощайте!

Первая королева.

Весь міръ тебя возславить!

Вторая королева.

Равнымъ Марсу

Ты станешь божествомъ!

Третья королева.

Быть можетъ, выше:

Затѣмъ, что ты, хотъ смертный, но смиряешь
Любовь передъ божественною честью.
Какъ говорятъ, такое испытанье
Едва выносятъ даже боги.

Тезей.

Мы же,

Какъ люди, это выдержать должны.
Когда своимъ страстямъ мы уступаемъ,
Мы недостойны имени людей.
Прощайте же; иду за васъ на битву.

(Трубы. Встѣ уходятъ.)

СЦЕНА II.

Фивы. Дворъ передъ дворцомъ.

Входятъ Паламонъ и Аркитъ.

Аркитъ.

О, Паламонъ, другъ милый, мнѣ родной

239

По сердцу даже больше, чѣмъ по крови,
Съ невинной, неспорченной душой!
Кузень, покинемъ этотъ городъ - Фивы
Со всѣми ихъ соблазнами, пока
Еще чиста, безъ пятенъ наша юность!
Оставшись здѣсь, обречены мы оба
На стыдъ, когда останемся воздержны,
И также - если бросимся въ развратъ.
Не плыть съ теченьемъ - значить погрузиться
И потонуть въ борьбѣ безплодной съ нимъ;
А если мы теченью подчинимся,
Оно насъ унесетъ въ водоворотъ,
Въ которомъ мы погибнемъ иль насилу
Лишь выбьемся, ослаблены навѣкъ.

Паламонъ.

Ты правъ; примѣры привести не трудно.
Съ тѣхъ поръ, какъ мы съ тобой учились въ школѣ,
Какъ измѣнился городъ нашъ родной,
Какое всюду видно разоренье!
Вездѣ вокругъ - лишь камни да трава;
Вотъ все, что пріобрѣлъ завоеватель,
Поставившій своею гордой цѣлью
Почетъ и слитки золота; и вотъ -
Того ужъ нѣтъ, за что борьба кипѣла!
И кто же смѣетъ Марсу предложить
Такой алтарь позорный? Право, кровью

Все сердце обливается, когда
Я вижу это. О, какъ я хотѣлъ бы,
Чтобы опять великая Юнона
Прониклась прежней ревностью своей,
Чтобъ воинъ снова получилъ работу,
Очистилъ бы презрѣнный этотъ міръ
Отъ гнуснаго обжорства, чтобы снова
Его смягчилось сердце, въ эти годы
Сильнѣе загрузѣвшее, чѣмъ было
Среди войны и тяжкихъ битвъ.

А р к и т ь .

И только?

Не видишь ты иного разоренья,
Какъ лишь паденье въ Эивахъ духа воинъ?
Когда ты началъ говорить, казалось,
Что и въ другомъ упадокъ видишь ты.
Ужель жалѣть намъ не о чемъ, какъ только
О томъ, что духъ военный здѣсь въ упадкѣ?

П а л а м о н ь .

Мнѣ жаль всего, что здѣсь въ пренебреженьи,
Но болѣе всего жаль тѣхъ, кому,
За жаркій пылъ труда ихъ ради чести,
Здѣсь платятъ льдомъ, чтобъ пылъ тотъ охладить.

А р к и т ь .

Я не объ этомъ говорилъ, а только
О томъ, что добродѣтель въ нашихъ Эивахъ
Не цѣнится; я говорилъ о томъ,
Какъ было бъ намъ опасно здѣсь остаться,
Когда хотимъ мы честность сохранить.
Здѣсь зло имѣетъ видъ добра, добро же
Считается за зло; не быть мерзавцемъ
Здѣсь значить быть чужимъ, а быть такимъ,
Какъ всѣ другіе - значить быть уродомъ.

П а л а м о н ь .

Все это такъ; но, право, въ нашей власти -
Вести себя, какъ надо; стоитъ только
Не брать примѣра съ обезьянъ. Кто можетъ
Меня принудить, чтобы я пошелъ
Чужимъ путемъ, идущимъ мимо чести?
Кто бъ могъ меня заставить перенять
Чужой языкъ, когда своею рѣчью
Могу я все, что нужно, изъяснить?
Чѣмъ связанъ я, чтобъ слѣдовать безумцу,
Слѣдующему прилежно за портнымъ,

Пока портной за нимъ слѣдить не станетъ?
Чѣмъ худъ мой брадобрей, а вмѣстѣ съ нимъ
Мой бѣдный подбородокъ, если бреюсь
Я не предъ моднымъ зеркаломъ? Какой
Законъ меня заставитъ, снявши шпагу
Съ бедра, къ рукѣ ее привѣситъ? Я
Хочу быть первой лошадыю въ упряжкѣ,
Иль вовсе не везти. Всѣ эти вещи
Такъ вздорны, такъ ничтожны, маловажны, -
Что стоитъ ли заботиться о нихъ?
Другая мысль меня терзаетъ, мучитъ
Мнѣ сердце; это...

А р к и т ь .

Дядя нашъ Креонъ.

П а л а м о н ь .

Да, онъ, тиранъ, забывшій честь и мѣру!
Его успѣхи повели къ тому,
Что гнѣвъ небесъ сталъ никому не страшень;
Всѣ негодяи думаютъ, что нѣтъ
Могущества сильнѣй ихъ гнусной власти;
Онъ даже вѣру подорвать готовъ,
Боготворя лишь гнусную удачу;
Чужія силы, умъ чужой онъ цѣнитъ
Своихъ лишь ради прихотей и цѣлей;
Добычу, почестъ, славу, - все себѣ
Онъ радъ присвоить; зла онъ не боится,
Добро жъ творить не смѣетъ. Всю ту кровь,
Какая есть во мнѣ ему родная,
Хотѣлъ бы я, чтобъ высосали пьявки
Изъ жилъ моихъ, освободивъ меня
Отъ этой злой заразы!

А р к и т ь .

Умъ твой ясенъ,

Мой дорогой кузень; уйдемъ отсель,
Чтобъ не дѣлать безчестья со злодѣемъ!
Вѣдь можетъ наше молоко принять

Вкусъ пастбища; придется подчиниться
Всѣмъ гнусностямъ, иль отказать ему
Въ покорности; не можемъ быть родными
Ему мы ни по крови, ни по духу.

П а л а м о н ъ .

Да, это такъ; согласенъ я съ тобой.
Мнѣ кажется, что оглушилъ онъ небо
Злодѣйствами своими, такъ что боги
Не слышатъ вопля вдовъ. Но вотъ Валерій!

В а л е р і й .

Король къ себѣ зоветъ васъ; но идти
Къ нему не торопитесь: пусть немного
Его утихнетъ ярость. Крики Феба,
Которыми онъ погонялъ коней
На лучезарной колесницѣ солнца,
Сломавши бичъ свой, эти крики - шепотъ
Въ сравненьи съ ревомъ гнѣва короля.

П а л а м о н ъ .

Его и слабый вѣтеръ потрясаетъ!
Но что жъ могло случиться съ нимъ?

В а л е р і й .

Тезей,

Котораго угрозы не напрасны,
Ему прислалъ сегодня грозный вызовъ
И обѣщаетъ Фивы разорить.
Онъ двинулся въ походъ ужъ, чтобъ исполнить
Свои слова.

А р к и т ъ .

Пускай себѣ идетъ;

Лишь гнѣвъ боговъ въ немъ страшень намъ, а самъ онъ
Нимало насъ не можетъ испугать.
Но какъ стоять за честь свою, - а это,
Конечно, неизбѣжно, - если ясно;
Что право не на нашей сторонѣ?

П а л а м о н ъ .

Теперь объ этомъ разсуждать не время:
Не за Креона мы стоимъ, - за Фивы.
Держаться въ сторонѣ - безчестно было бъ,
Сопротивляться - было бъ мятежомъ.
А потому должны мы быть съ нимъ вмѣстѣ
И покориться случаю, который
Засталъ насъ въ это время вмѣстѣ съ нимъ.

А р к и т ъ .

Да, это вѣрно. Что же, началась ли
Уже война, иль, можетъ быть, начнется,
Когда Креонъ условій не исполнить,
Поставленныхъ противникомъ?

В а л е р і й .

Война

Ужъ началась; гонецъ принесъ извѣстье
Объ этомъ вмѣстѣ съ вызовомъ.

П а л а м о н ъ .

Итакъ,

Идемте жъ къ королю. О, если бъ чести
Хоть четверть было въ немъ, въ сравненіи съ честью
Врага его, то кровь свою съ отрадой
Могли бъ пролить мы! Жертвой нашей жизни
Мы принесли бы пользу. Но увы!
Теперь сражаться будутъ наши руки,
А сердце будетъ чуждо имъ; смерть наша
Не принесетъ ни пользы, ни вреда.

А р к и т ъ .

Пусть будетъ рокъ судьбою; онъ единый
Не дѣлаетъ ошибокъ никогда.
Мы знаемъ только, что велитъ намъ совѣсть,
Судьба же пусть творитъ, что суждено.
(Уходятъ).

Сцена III.

Передъ воротами Аѳинъ.

Входятъ Пиритой, Ипполита и Эмилиа.

Пиритой.

Прошу васъ дальше не идти.

Ипполита.

Прощай же

И государю передай привѣтъ нашъ.
Не смѣю я питать сомнѣній робкихъ
Въ его успѣхъ; буду лишь желать
Ему избытка мужества и силы
Въ опасностяхъ. Спѣши къ нему скорѣй:
Какъ ни искусенъ полководецъ, - помощь
Излишнею не будетъ никогда.

Пиритой.

Хоть океанъ его могучей силы
Въ содѣйствіи моихъ немногихъ капель,
Конечно, не нуждается, но все же
Я дань свою обязанъ принести.

(Къ Эмилии).

Достойнѣйшая дѣва! Все, что небо
Даетъ своимъ созданьямъ лучшимъ въ даръ, -
Всѣ тѣ дары царятъ на пышномъ тронѣ

Въ прекрасномъ сердцѣ дѣвственномъ твоємъ!

Эмилія.

Благодарю, и царственному брату
Прошу привѣтъ мой передать. Я буду

241

Великую Беллону умолять
Помочь ему, и, такъ какъ просьбы смертныхъ
Безъ жертвы не доходятъ до боговъ, -
Я поспѣшу узнать, какая жертва
Пріятна ей. Душой мы съ государемъ
Въ бою, въ его палаткѣ.

Ипполита.

Въ немъ самомъ!

Мы сами были воины; не станемъ
Мы плакать, если въ шлемахъ на войну
Идутъ друзья, иль въ море отплываютъ;
Мы слезъ не льемъ, услышавъ о младенцахъ,
На копья воткнутыхъ, о матеряхъ,
Которыя дѣтей своихъ варили
И, събѣвъ ихъ, горько плакали о нихъ;
Будь мы такими пряхами простыми, -
Мы бъ васъ не отпустили отъ себя.

Пиритой.

Пошли вамъ небо миръ, пока я буду
Тамъ, на войнѣ: надѣюсь, что тогда
Исходъ ея вамъ не внушитъ сомнѣній.

(Уходитъ).

Эмилія.

Какъ онъ стремится къ другу своему!
Съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ Тезея съ нами, - въ играхъ
Хотя, какъ прежде, ловокъ Пиритой,
Но мало къ нимъ внимателенъ; удача
Не льститъ ему, а промахъ - безразличенъ;
Руками совершаетъ онъ одно,
А на умѣ его - совсѣмъ другое;
Такъ принужденъ онъ думать о вещахъ,
Несходныхъ межъ собою. Наблюдала ль
Его ты въ это время?

Ипполита.

Да, конечно;

И мнѣ онъ дорогъ сталъ. Они съ Тезеемъ

Вдвоемъ живали въ дикихъ захолустьяхъ,
Неся нужду, рискуя каждый мигъ
Своею жизнью; бурные потоки,
Изъ коихъ наименьшій былъ ужасенъ
Неистовою силою своей, -
Они вдвоемъ переплывали; вмѣстѣ
Они сражались тамъ, гдѣ смерть гнѣздилась,
И вмѣстѣ грозный рокъ ихъ пощадилъ.
Ихъ прочная любовь узлу подобна,
Который и завязанъ и запутанъ
Искуснѣйшими пальцами такъ сложно,
Что можетъ быть разрубленъ, но нельзя
Его ослабить. Кажется мнѣ даже,
Что самъ Тезей, когда бъ онъ могъ раздвоить
Свое сознанье и затѣмъ сравнить
Ту и другую часть, - рѣшить не могъ бы,
Которую онъ любить больше.

Э м и л і я .

Правда!

Но нѣкто есть, кого онъ любить больше,
И это - ты, конечно. Я сама
Была дружна съ одной подругой дѣтства;
Ты на войнѣ была, когда она -
Увы, такъ рано - въ гробъ легла печальный,
Въ роскошную, но грустную постель,
Простившись съ милымъ мѣсяцемъ, который,
Казалось, отъ разлуки поблѣднѣлъ.
Одиннадцать ей было лѣтъ, мнѣ также.

И п п о л и т а .

Я помню: то была Флавина.

Э м и л і я .

Да.

О дружбѣ Пиритоя и Тезея
Ты говорила; эта ихъ любовь
Взаимная - серьезна и разумна,
Возникла въ зрѣломъ возрастѣ она;
Ее могла бы я сравнить съ водою,
Повсюду пропитавшей развѣтвленья
Корней ихъ дружбы, тѣсно межъ собою
Сплетенныхъ. Наша жъ дѣтская любовь, -
Любовь моя и той, о комъ, вздыхая,
Сейчасъ съ тобою говорила я, -
Была едва сознательна, невинна
И всетаки сильна и глубока;

Какъ дѣйствуютъ стихіи, - безъ разсудка,
Не зная, что, и какъ, и почему, -
И все жъ творятъ великое, - такъ точно
Стремилась сердцемъ мы одна къ другой.
Что любо было ей, - мнѣ было любо
Безъ разсужденья; если я срывала
Цвѣтокъ, чтобъ межъ грудей моихъ воткнуть, -
Тогда еще едва лишь припухавшихъ
Вокругъ сосцовъ, - старалась и она
Найти цвѣтокъ такой же и спѣшила
Вложить его въ такую жъ колыбель
Невинную, гдѣ сладко умиралъ онъ,
Благоухая, фениксу подобный.
Любила ль я уборы головные, -
Они и ей служили образцомъ;
Любила ли она покрой одежды, -
Всегда изящный, хоть порой небрежный, -
И мнѣ покрой тотъ нравился всегда;
Когда я чуткимъ уловляла ухомъ
Мотивъ и напѣвала что нибудь, -
Старалась и она его запомнить,
И тотъ напѣвъ ея не покидалъ:
Сквозь сонъ его Флавина напѣвала.
Вся эта рѣчь, столь длинная, - какъ это

242

Легко понятно всѣмъ, кто чистъ душой, -
Лишь плодъ побочный сладкаго былого,
И цѣль ея лишь въ томъ, чтобъ показать,
Что и любовь простая дѣвы къ дѣвѣ
Порой сильнѣй, чѣмъ зрѣлая любовь.

И п п о л и т а .

Ты - внѣ себя. Ты хочешь этой рѣчью,
Столь быстрою и страшною, - сказать,
Что никогда не будешь ты мужчину
Любить такъ нѣжно, съ силою такой,
Какъ дѣвочку Флаvinу ты любила.

Э м и л і я .

Да, въ этомъ я увѣрена.

И п п о л и т а .

Увы,

Сестренка, въ этомъ я тебѣ не вѣрю,

Какъ не повѣрю, чтобы аппетитъ
Могъ быть совмѣстенъ съ отвращеньемъ къ пищѣ.
Но еслибъ я могла тебѣ повѣрить,
Меня ты оттолкнула бъ отъ руки
Героя благороднаго - Тезея,
О счастья котораго теперь
Готова я молиться, твердо вѣря,
Что царствую я въ сердцѣ у него
Прочнѣй, чѣмъ Пиритой.

Эмилія.

Не стану спорить,

Но при своемъ я мнѣнью остаюсь.

(Звуки рожковъ. Ипполита и Эмилія уходятъ).

Сцена IV.

Поле близъ Фивъ.

За сценой шумъ битвы. Отбой. Трубы. Входятъ Тезей, одержавшій побѣду, герольдъ и свита. Три королевы встрѣчаютъ Тезея и падаютъ передъ нимъ ницъ.

Первая королева.

Звѣзда твоя вовѣкъ да не затмится!

Вторая королева.

Земля и небо да благословятъ

Тебя на вѣки!

Третья королева.

Кто ни пожелалъ бы

Тебѣ всѣхъ благъ, - воскликну я: аминь!

Тезей.

Съ высотъ небесныхъ боги безпристрастно

На смертныхъ насъ взираютъ и творятъ

Свой правый судъ, карая по заслугамъ.

Идите же теперь, чтобъ разыскать

Тѣла супруговъ вашихъ; погребенье

Имъ воздадимъ мы съ торжествомъ тройнымъ.

Пусть въ пышности скорѣй избытокъ будетъ,

Чѣмъ недостатокъ. Мы пошлемъ людей,

Которые въ правахъ законныхъ вашихъ

Васъ водворятъ и все устроятъ вамъ,

Чѣмъ лично мы заняться здѣсь не можемъ

По недостатку времени. Прощайте жъ

И да хранятъ васъ небеса!

(Королевы уходятъ).

Вносятъ Паламона и Аркита, въ безчувственномъ состояніи, на носилкахъ.

Тезей.

Кто это?

Герольдъ.

Судя по ихъ значеню въ войскѣ, - лица
Высокія. Я слышалъ, что они
Изъ знати Эивъ, двоюродные братья
И короля племянники.

Тезей.

Клянусь

Шеломомъ Марса: я въ бою ихъ видѣлъ!
Какъ пара львовъ, добычу жадно рвущихъ,
Они себѣ прокладывали путь
Въ рядахъ враждебныхъ, всѣмъ вселяя ужась.
Я не сводилъ съ нихъ глазъ: они являли
Мнѣ зрѣлище, достойное боговъ.
Что плѣнникъ мнѣ сказалъ, когда спросилъ я,
Какъ ихъ зовутъ?

Герольдъ.

Зовутъ ихъ, сколько помню, -
Аркивъ и Паламонъ.

Тезей.

Такъ, это вѣрно;
Припоминаю. Живы ли они?

Герольдъ.

Не живы и не мертвы; если взяты
Они въ то время, какъ нанести собирались
Послѣдніе удары, - можетъ быть,
Они еще очнутся. Оба дышатъ
И сохраняютъ званіе людей.

Тезей.

Тогда прошу я съ ними обращаться
Какъ съ честными людьми. Во много разъ
Такія дрожжи лучше и цѣннѣе,
Чѣмъ зрѣлое вино въ лицѣ другихъ.
Пусть наши всѣ хирурги имъ помогутъ;
Цѣлительныхъ бальзамовъ - не жалѣть!
Жизнь этихъ двухъ - дороже намъ, чѣмъ Эивы.

Конечно, еслибъ, полные здоровья
И силъ, они остались на свободѣ, -
Я предпочелъ бы мертвыми ихъ видѣть;
Но въ сорокъ тысячъ разъ пріятнѣй мнѣ

Теперь въ плѣну ихъ сохранить живыми.
Несите жъ ихъ отсюда прочь скорѣ,
Отъ нашего лица: хотя мы къ нимъ
И благосклонны, - намъ они враждебны.
Служите имъ, какъ люди могутъ людямъ
Служить, и даже больше - для меня!
Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ всѣ ужасы знакомы, -
Гнѣвъ, ярость, заклинанія друзей,
Свободы жажда, бѣшенства порывы,
Любовь и ревность и супруги просьбы, -
Все это наложило на меня
Свою печать, - природа не могла бы
Ее безъ принужденья наложить:
Я мягче сталъ въ своихъ велѣньяхъ; больше
Разсудокъ съ волей борется во мнѣ.
Итакъ, во имя Аполлона, ради
Любви моей, - что лучшаго есть въ насъ, -
Пусть это все сослужитъ службу лучшимъ
Ихъ качествамъ!

Теперь пойдите въ Эивы;
Исполнивъ тамъ, что нужно, мы обратно
Пойдемъ въ Аѳины во главѣ полковъ.
(Трубы. Всѣ уходятъ. Свита уноситъ Паламона и Аркита).

Сцена V.

Другая часть того-же поля, далѣе отъ Эивъ.

Торжественная похоронная процессія. Входятъ королевы, сопровождающія носилки съ тѣлами королей.

Хоръ.

Всѣ урны, всѣ благоуханья
Пусть унесутъ отсюда прочь!
Пусть стоны, плачь и воздыханья
День ясный превращаютъ въ ночь!

Мрачнѣ смерти скорби наши,
Мы погребальный льемъ бальзамъ,
Слезами наполняемъ чаши
И шлемъ стенанья къ небесамъ!

Прочь, быстроокая отрада!
Печаль, веселья врагъ, приди!
Прочь утѣшенья, - ихъ не надо:

Лишь скорбь лелѣемъ мы въ груди!

Третья королева.

Здѣсь къ нашимъ усыпальницамъ дороги

Расходятся. Пусть снова радость къ вамъ

Придеть, а къ мертвымъ - тихій миръ.

Вторая королева (*первой*).

Вотъ тамъ

Твоя дорога.

Первая королева (*второй*).

Тамъ - твоя.

Вторая королева.

Хоть боги

Ведутъ всегда по разнымъ насъ путямъ,

Но всѣхъ къ концу приводятъ къ роковому.

Третья королева.

Нашъ міръ подобенъ городу большому,

Гдѣ много улицъ къ площади ведутъ:

Та площадь - смерть, и всѣ туда придутъ.

(*Расходятся*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Сцена I.

Аѳины; садъ; на заднемъ планѣ - тюрьма.

Входятъ тюремщикъ и женихъ его дочери.

Тюремщикъ. На мой вѣкъ мнѣ довольно малаго; кое-что я оставлю вамъ, но немного. Что дѣлать! Я служу при тюрьмѣ, назначенной для важныхъ узниковъ, но такіе здѣсь рѣдко бываютъ: пока попадется семга, наловишь множество пискарей. Обо мнѣ ходятъ слухи, что я богаче, чѣмъ это есть на дѣлѣ; мнѣ хотѣлось бы, чтобы я былъ такимъ, какъ обо мнѣ рассказываютъ. Какъ бы то ни было, я клянусь, что завѣщаю моей дочери все имущество послѣ моей смерти.

Женихъ. Я ничего не требую, кромѣ того, что вы сами обѣщаете, и съ своей стороны исполню все, что обѣщаль вашей дочери.

Тюремщикъ. Ладно, мы поговоримъ объ этомъ подробнѣе, когда всѣ торжества окончатся. Но имѣете ли вы согласіе моей дочери? Если да, то я согласенъ.

Женихъ. Я имѣю ея согласіе. Вотъ идетъ она сама.

Входитъ дочь тюремщика.

Тюремщикъ. Мы съ твоимъ другомъ говорили здѣсь объ извѣстномъ тебѣ дѣлѣ. Теперь не будемъ больше говорить объ этомъ, пока суматоха при дворѣ не

пройдетъ; тогда мы побесѣдуемъ окончательно. Будь внимательна къ узникамъ: я слышалъ, что это принцы.

Дочь. Вотъ эти покрывала назначены для ихъ комнаты. Право, жаль, что они въ тюрьмѣ; впрочемъ, я пожалѣла тоже, если бы ихъ здѣсь не было. Мнѣ кажется, что своимъ терпѣніемъ они могутъ посрамить всякое несчастье; сама тюрьма гордится ими, а они въ своей комнатѣ вмѣщаютъ цѣлый міръ.

Тюремщикъ. Говорятъ, что они оба - просто совершенство.

Дочь тюремщика. Я готова поклясться, что всякая слава мала для нихъ: они стоятъ гораздо выше всякихъ розсказней.

Тюремщикъ. Я слышалъ, что въ битвѣ они одни только и сражались храбро.

Дочь тюремщика. Весьма вѣроятно; это благородные страдальцы. Воображаю, какъ прекрасны они были бы, если бы остались побѣдителями, - съ такимъ благородствомъ они остаются свободными, несмотря на тюрьму, превращая свое горе въ веселье и подшучивая надъ своимъ несчастьемъ.

Тюремщикъ. Неужели?

Дочь тюремщика. У нихъ такой видъ, какъ будто они такъ же мало знаютъ о своей неволѣ, какъ я объ аѣинскомъ правительствѣ. Они хорошо ѣдятъ, смотрятъ весело и разговариваютъ обо всемъ, кромѣ своего плѣна и своей бѣды. Лишь изрѣдка у одного изъ нихъ вырывается вздохъ, какъ бы рожденный въ мукахъ; тогда другой сейчасъ же упрекаетъ товарища, но такъ нѣжно, что мнѣ самой хотѣлось бы вздохнуть, чтобы быть такъ наказанной, или, вѣрнѣе сказать, чтобы вздохъ принесъ мнѣ такое утѣшеніе.

Женихъ. Я никогда не видѣлъ ихъ.

Тюремщикъ. Ночью самъ герцогъ тайно приходилъ сюда и они вели себя точно такъ же. Не знаю, что это значитъ.

(Въ окнѣ тюремной башни показываются Паламонъ и Аркитъ).

Смотрите; вотъ они; это выглядываетъ Аркитъ.

Дочь тюремщика. Нѣтъ, это Паламонъ; Аркитъ пониже ростомъ и его почти не видно.

Тюремщикъ. Довольно, не показывайте на нихъ пальцами; не нужно, чтобы они насъ видѣли. Уйдемъ отсюда.

Дочь тюремщика. Смотрѣть на нихъ - просто праздникъ. О боги! Какъ люди бываютъ различны! *(Уходятъ).*

Сцена II.

Тамъ-же.

Паламонъ и Аркитъ.

Паламонъ.

Какъ поживаешь, дорогой кузень?

Аркитъ.

Какъ ты живешь?

Паламонъ.

Во мнѣ осталось силы
Довольно, чтобъ смѣяться надъ несчастьемъ
И жребій несть, войною данный намъ.
Мы узники, кузень, - боюсь - навѣки.

А р к и т ь .

Да, кажется, что такъ; и я готовъ
Покорно ждать велѣній злой судьбины.

П а л а м о н ь .

О, дорогой Аркитъ мой! Что то Эивы?
Что съ нашими друзьями и родными?
Какъ грустно знать, что родины прекрасной
Мы больше не увидимъ никогда;
Не будемъ мы на играхъ благородныхъ
Смотрѣть на смѣлыхъ юношей эивянъ,
Несущихъ гордо бантъ отъ дамы сердца
И мчащихся, подобно кораблямъ
На парусахъ; не будемъ становиться
Мы съ ними въ рядъ, чтобы ринуться впередъ
Быстрѣе, чѣмъ восточный буйный вѣтеръ,
И за собой соперниковъ оставить,
Какъ стаю тучъ, и въ бѣгѣ быстрыхъ ногъ
При возгласахъ восторженныхъ народа
Добыть вѣнцы побѣдные скорѣй,
Чѣмъ пожелать побѣды намъ успѣють!
Не будемъ мы, какъ чести близнецы,
Въ бою съ врагомъ отважно биться рядомъ;
Не будутъ кони гордые подъ нами,
Какъ море, волноваться и кипѣть!
Увы, мечи сверкающіе наши, -
Самъ богъ войны кровавыми очами
Меча грознѣй и лучше не видалъ, -
Мы ихъ лишились! Ихъ судьба - заржавѣть,
Состарившись, они украсятъ храмы
Боговъ, которымъ ненавистны мы!
Извлечь намъ ихъ не суждено, чтобъ въ битвѣ
Толпу враговъ, какъ молніей, разить!

245

А р к и т ь .

Нѣтъ, Паламонъ; увы, надежды эти -
Въ плѣну, какъ мы; увянетъ наша юность
Въ тюрьмѣ, какъ слишкомъ ранняя весна.
Насъ старость здѣсь застанетъ, Паламонъ,

И, что всего ужаснѣе, - безбрачныхъ.
Объятій сладкихъ любящей жены,
Вооруженныхъ чарами Амура, -
Увы, не будутъ шеи наши знать;
Потомства не оставимъ мы; не будемъ
Смотрѣть на повторенье нашихъ лицъ
Въ утѣху нашей старости, не будемъ
Учить своихъ прекрасныхъ сыновей,
Какъ молодыхъ орлять, безстрашнымъ окомъ
Смотрѣть на блескъ мечей: «не забывайте,
Кто вашъ отецъ; старайтесь побѣдить!»
Оплачутъ насъ прекраснѣйшія дѣвы
И будутъ въ грустныхъ пѣсняхъ проклинать
Судьбу слѣпую, чтобы устыдилась
Она несправедливости своей,
Сгубившей нашу радостную юность.
Вотъ весь нашъ міръ! Здѣсь будемъ видѣть мы
Другъ друга лишь; о горѣ нашемъ тяжкомъ
Лишь бой часовъ рассказывать намъ будетъ;
Не суждено намъ видѣть, какъ на волѣ
Созрѣетъ виноградъ; настанетъ лѣто
И принесетъ всѣмъ радости, - а здѣсь
Царить зима въ жилищѣ нашемъ будетъ.

П а л а м о н ъ .

Ты правъ, Аркитъ. Оиванскихъ вѣрныхъ псовъ,
Лѣса родные оглашавшихъ лаемъ,
Не будемъ мы, какъ прежде, громко звать;
Метать не будемъ острыхъ копій нашихъ
Въ свирѣпыхъ вепрей, въ ужасѣ предъ нами
Бѣгущихъ, какъ Парѣянскіе стрѣлки,
Не поразимъ ихъ нашей острой сталью!
Вся мужества отрада, всѣ утѣхи
Отважныхъ душъ - умрутъ для насъ навѣкъ,
И, что всего ужаснѣе для чести,
Угаснемъ мы въ бездѣйствіи пустомъ,
Какъ дѣти плѣна, грустно и безвѣстно.

А р к и т ъ .

Все это такъ. Но все же я скажу,
Что даже въ этой безднѣ злого горя
Изъ этихъ всѣхъ ударовъ злой судьбы,
Двѣ выгоды большія происходятъ:
Во первыхъ, если боги соизволятъ,
Свою мы твердость можемъ показать,
А во вторыхъ - мы здѣсь вдвоемъ съ тобою.

Пусть пропаду я, если эти стѣны
Считать я буду за тюрьму, пока
Мой Паламонъ со мною!

П а л а м о н ъ .

Да, конечно,
Мы счастливы, что насъ судьба связала.
Двѣ честныя, высокія души,
Два благородныхъ тѣла оживляя,
Сумѣютъ злобѣ случая слѣпого
Противостать, предъ горемъ не падутъ, -
Пастъ не должны, хоть, право, и могли бы:
Лишь стоять умереть, - конецъ всему!

А р к и т ъ .

Не можемъ ли найти мы долю счастья
Средь этихъ стѣнъ, столь ненавистныхъ всѣмъ?

П а л а м о н ъ .

Но какъ, кузень?

А р к и т ъ .

Вообразимъ себѣ,
Что мы живемъ въ святилищѣ, чтобъ скрыться
Отъ злыхъ людей, которые могли бы
Испортить насъ вліяніемъ своимъ;
Мы молоды, идемъ путями чести,
Свобода же и разговоръ пустой -
Ядъ чистыхъ душъ; они могли бѣ, пожалуй,
Насъ соблазнить, какъ женщины, - и вотъ
Мы сбились бы съ пути. А здѣсь - чего
Воображеньемъ мы достичь не можемъ?
Мы безъ конца принадлежимъ другъ другу;
Ты для меня жена, - я для тебя,
И оба мы все вновь и вновь рожаемъ
Дѣтей любви; другъ другу мы - отецъ,
Друзья, семья, знакомство; мы другъ другу
Наслѣдники, наслѣдство-жѣ - эти стѣны;
Ихъ никакой насильникъ не отниметъ;
Вооружась терпѣньемъ, можемъ мы
Здѣсь долго жить, любовью наслаждаясь;
Отъ пресыщенья здѣсь изъяты мы;
Намъ не грозитъ война, и волны моря
Не поглотятъ насъ. Будь мы на свободѣ, -
Должны бѣ мы были время раздѣлять
Съ женой, съ дѣлами; нашего знакомства
Искали бы дурные люди; могъ бы
Я захворать, а ты бы могъ не узнать,

Что боленъ я; и я бы умеръ, ты же
Своею благородною рукой
Мнѣ не закрылъ бы глазъ, не помолился бѣ
Богамъ при этомъ. Тысяча причинъ
Внѣ этихъ стѣнъ могла бы разлучить насъ!

П а л а м о н ъ .

Благодарю, Аркитъ! Твои слова
Мнѣ сдѣлали мой плѣнъ - почти отрадой!
Какъ грустно было бѣ жить мнѣ гдѣ нибудь
Внѣ этихъ стѣнъ: я бѣ походилъ на звѣря!
Тюрьма - дворцомъ прекраснымъ стала мнѣ;
Всѣ развлечения суеты блестящей,
Весь міръ - я вижу - только тѣнъ пустая;

246

Которую уносить, проходя,
Съдое время. Что бы случилось съ нами,
Когда бѣ мы жили при дворѣ Креона,
Гдѣ грѣхъ - законъ, а прихоть и развратъ -
Всей знати доблесть! О Аркитъ мой милый!
Когда бы боги насъ не привели
Сюда, въ темницу, - мы, въ грѣхъ состарясь,
Какъ всѣ другіе, умерли бѣ; никто бы
Насъ не оплакалъ; надписью надгробной
Проклятіе народа было бѣ намъ!
Сказать еще?

А р к и т ъ .

Я слушаю.

П а л а м о н ъ .

Возможно ль,

Скажи, чтобъ были гдѣ нибудь два друга,
Которыхъ дружба пламеннѣй была бѣ,
Чѣмъ наша?

А р к и т ъ .

Нѣтъ, конечно, невозможно.

П а л а м о н ъ .

Нѣтъ ничего на свѣтѣ, что бѣ могло
Разрушить нашъ союзъ.

А р к и т ъ .

Пока мы живы,

Онъ будетъ жить, а послѣ нашей смерти
Туда придемъ мы, гдѣ любовь вѣчна.

Внизу въ садъ передъ тюрьмой входитъ Э м и л і я въ сопровожденіи служанки.

Эмилія.

Прекрасный садъ! Здѣсь цѣлый міръ отрады!
Какъ этотъ называется цвѣтокъ?

Служанка.

Сударыня, его зовутъ нарциссомъ.

Эмилія.

Нарциссъ... Прекрасный юноша онъ былъ,
Но такъ безуменъ, что въ себя влюбился.
Иль мало было дѣвушекъ тогда?

Аркитъ (*стараясь заглянуть въ окно, въ которое смотритъ Паламонъ*).

Пусти, кузень.

Паламонъ.

Сейчасъ.

Эмилія.

Иль, можетъ быть,

Онъ жестоки были всѣ?

Служанка.

Возможно ль

Жестокой быть передъ такимъ красавцемъ?

Эмилія.

Ты не могла бѣ?

Служанка.

И даже не должна бы.

Эмилія.

Хорошая дѣвица! Постыдись,
Немного хоть припрячь свою готовность!

Служанка.

Но почему жъ?

Эмилія.

Мужчины намъ опасны.

Аркитъ.

Пусти жъ меня, кузень!

Эмилія.

Умѣешь ты

Цвѣты такіе вышивать шелками?

Служанка.

Умѣю, госпожа.

Эмилія.

Такъ я хочу,

Чтобъ ими было вышито все платье, -
Вотъ этими, - и эти такъ красивы!
Неправда ли, какъ славно будетъ ими
Весь борть украсить?

Служанка.

Дивно, госпожа!
Аркитъ.
Кузень, кузень мой, Паламонъ: что скажешь?
Паламонъ.
Теперь лишь вижу, что въ темницѣ я!
Аркитъ.
Нѣтъ, какова она, скажи?
Паламонъ.
Прелестна!
Клянусь я небомъ, - это божество!
Аркитъ.
А!
Паламонъ.
Будь, Аркитъ, почтителенъ и сдержанъ:
Богиня предъ тобой!
Эмилиа.
Изъ всѣхъ цвѣтовъ,
Мнѣ кажется, прекраснѣе всѣхъ - роза.
Служанка.
Осмѣлюсь ли спросить я: почему?

247

Эмилиа.
Она - эмблема дѣвственности чистой:
Когда ее Зефиръ ласкаетъ нѣжно,
Она цвѣтетъ такъ скромно, распускаясь,
Румяная, подъ солнцемъ золотымъ;
Когда жъ Борей нетерпѣливый грубо
Касается ея, - она стыдливо
Сжимается, скрывая всю красу
Въ зеленой почкѣ: пусть Борей ласкаетъ
Простой терновникъ.
Служанка.
Право, госпожа,
Такая скромность иногда чрезмѣрна:
Не гибнуть же изъ-за нея цвѣтамъ!
Мнѣ кажется, порядочной дѣвицѣ
Совсѣмъ не стоитъ съ розы брать примѣръ.
Эмилиа.
Безстыдница!
Аркитъ.
О, какъ она прекрасна!

П а л а м о н ъ .

Вся красота соединилась въ ней!

Э м и л і я .

Ужъ солнце высоко, - пора домой.

Возьми цвѣты: посмотримъ мы, насколько

Искусство можетъ подражать ихъ краскамъ.

Не знаю, отчего мнѣ такъ легко,

Такъ весело, такъ хочется смѣяться!

С л у ж а н к а .

А я не прочь бы лечь.

Э м и л і я .

И положить

Кого нибудь съ собой?

С л у ж а н к а .

Пожалуй, если

Мы сговоримся.

Э м и л і я .

Что же, сговорись! (*Уходятъ*).

П а л а м о н ъ .

Что скажешь ты объ этой красотѣ?

А р к и т ъ .

Она на рѣдкость хороша.

П а л а м о н ъ .

На рѣдкость?

И только!?

А р к и т ъ .

Да, прекрасна, несравненна.

П а л а м о н ъ .

Вѣдь голову возможно потерять,

Въ нее влюбившись?

А р к и т ъ .

Право, я не знаю,

Что ты бы сдѣлалъ, - я жъ готовъ поклясться,

Что голову уже я потерялъ.

П а л а м о н ъ .

Ее ты любишь?

А р к и т ъ .

Можно ль не любить?

П а л а м о н ъ .

Владѣть ты ею хочешь?

А р к и т ъ .

Да! Свободы

Дороже мнѣ она!

П а л а м о н ъ .

Но все жъ я первый
Ее увидѣль.

Ар к и т ь .

Что же изъ того?

П а л а м о н ь .

Нѣтъ, это важно.

Ар к и т ь .

Но я тоже видѣль

Ее!

П а л а м о н ь .

Не долженъ ты ее любить!

Ар к и т ь .

Да, я не буду на нее молиться,
Какъ ты, не буду называть богиней
Небесною: хочу ее любить,
Какъ женщину, чтобъ ею наслаждаться.
Такъ оба можемъ мы любить.

П а л а м о н ь .

Не смѣй

Любить ее совсѣмъ!

Ар к и т ь .

Какъ? Чтобъ не смѣлъ я

Любить ее? Но кто жъ мнѣ запретить?

П а л а м о н ь .

Я запрещу! Ее я видѣль первый;
Мой глазъ впервые завладѣль красою,
Которую въ ней небеса открыли
Для смертныхъ! Если будешь ты, Аркитъ,
Любить ее и тѣмъ грозить надеждамъ

Любви моей, - тогда измѣнникъ ты,
Ты такъ же лживъ, какъ не имѣешь права
Любить ее! Отъ дружбы, отъ родства,
Отъ всякой нашей связи отрекусь я,
Когда посмѣешь думать ты о ней!

Ар к и т ь .

Да, я ее люблю, и всею жизнью
Своей готовъ я это доказать!
Люблю ее душой, любить я долженъ!
И если это поведетъ къ разрыву
Между тобой и мною, Паламонъ, -

Тогда прощай! Люблю я, повторяю!
И утверждаю, что ея любви
Достоинъ я, и что любить я воленъ
И столько жъ правъ имѣю на нее,
Какъ Паламонъ какой нибудь, какъ всякій,
Кого мужчины сыномъ мы зовемъ!

П а л а м о н ъ .

Тебя ль я другомъ звалъ?

А р к и т ь .

И былъ я другомъ!

Зачѣмъ ты такъ волнуешься? Позволь
Поговорить съ тобою хладнокровно:
Не я ль - часть плоти и души твоей?
Не самъ ли ты твердилъ еще недавно,
Что ты - Аркитъ, я жъ - Паламонъ?

П а л а м о н ъ .

Такъ, такъ!

А р к и т ь .

А если такъ, то развѣ не могу я
Участіе принять въ твоей любви,
Въ твоихъ печаляхъ, радостяхъ и страхѣ,
Во всѣхъ страданьяхъ?

П а л а м о н ъ .

Да, ты это можешь.

А р к и т ь .

Такъ почему жъ такъ злобно, такъ коварно
Ты смотришь, точно ты мнѣ сталъ чужимъ
И не въ родствѣ со мною благородномъ?
Ее одинъ желаешь ты любить!
Скажи мнѣ прямо: развѣ недостоинъ
Я на нее смотрѣть?

П а л а м о н ъ .

Достоинъ ты,

Но ты неправъ, стремясь ее увидѣть.

А р к и т ь .

Какъ? Потому, что кто нибудь замѣтитъ
Врага скорѣй, чѣмъ я, - обязанъ я
Спокойно ждать, о чести забывая,
Не нападать?

П а л а м о н ъ .

Да, если врагъ одинъ.

А р к и т ь .

А если врагъ грозитъ мнѣ нападеніемъ?

П а л а м о н ъ .

Пусть самъ онъ скажетъ это, - и тогда
Свободенъ ты; теперь же, если станешь
Преслѣдовать ее, - будь проклятъ ты,
Какъ врагъ страны, какъ негодяй клейменный.

А р к и т ь .

Ты сумасшедшій.

П а л а м о н ь .

Буду сумасшедшимъ,

Пока ты стоишь этого, Аркитъ,
И если въ этомъ бѣшенствѣ удастся
Мнѣ погубить тебя, - я буду правъ.

А р к и т ь .

Фуи, фуи! Себя ведешь ты, какъ ребенокъ.
Ее любить я буду, смѣю, долженъ,
Имѣю право!

П а л а м о н ь .

О, когда бѣ судьба

Намъ даровала только часъ свободы
И наши добрые мечи, чтобъ могъ
Ты, лживый другъ, сойтись со мной, грудь съ грудью!
Тебѣ тогда я скоро бѣ показаль,
Что значить похищать любовь у друга!
Ты сердцемъ ниже, чѣмъ презрѣнный воръ!
Посмѣй хоть разъ лишь выглянуть въ окошко:
Клянусь, тебя къ нему я пригвозжу!

А р к и т ь .

Ты этого не смѣешь, полоумный!
Ты этого не можешь, ты безсиленъ!
Я выгляну не только головой,
А высунусь всѣмъ тѣломъ; въ садъ я прыгну,
Когда ее увижу, - отдохну
Въ ея объятяхъ для твоей досады!

П а л а м о н ь .

Молчи пока: сюда идетъ тюремщикъ;
Живи, чтобъ могъ я черепъ раздробить
Тебѣ вотъ цѣпью этою.

А р к и т ь .

Попробуй!

Входитъ тюремщикъ.

Т ю р е м щ и к ь .

Прошу прощенья, господа.

П а л а м о н ь .
Что нужно,
Почтеннѣйшій тюремщикъ?
Т ю р е м щ и к ь .
Принцъ Аркитъ,
Къ себѣ васъ герцогъ требуетъ, - причина
Мнѣ неизвѣстна.

А р к и т ь .
Я готовъ, тюремщикъ.
Т ю р е м щ и к ь .
Принцъ Паламонъ, я принужденъ лишить
Васъ общества прекраснаго кузена.

П а л а м о н ь .
Лиши меня хоть жизни, - все равно!
(Тюремщикъ и Аркитъ уходятъ).
Зачѣмъ его отсюда отозвали?
Возможно, что онъ женится на ней:
Быть можетъ, герцогъ о происхожденьи
Его, о красотѣ его узналъ...
Но до чего коваренъ онъ! Возможно ль,
Чтобъ другъ такъ друга предавалъ? О, если
Такую благородную жену,
Красавицу такую онъ получить, -
То честному не стоитъ и любить!
О, если бы хоть разъ еще единый
Увидѣть мнѣ ее! (Смотритъ въ окно). Счастливый садъ!
Твои цвѣты блаженствуютъ въ сіяньи
Очей ея прекрасныхъ! О, когда бы, -
Хотя бъ цѣною будущей всей жизни, -
Я могъ стать этимъ малымъ деревцомъ,
Цвѣтущимъ абрикосомъ! Какъ я росъ бы,
Какъ жадно вѣтви простиралъ бы я
Къ ея окну! Плоды я приносилъ бы,
Достойные стола самихъ боговъ;
Отвѣдавъ ихъ, она цвѣсти бы стала
Еще пышнѣй, еще прекраснѣй вдвое,
И, если эта дѣва не богиня,
Она подобна стала бы богамъ
Настолько, что они бы устрашились.
Навѣрное за это все она
Меня бы полюбила! (Входитъ тюремщикъ).

А, тюремщикъ!
Что, гдѣ Аркитъ?

Т ю р е м щ и к ъ .

Онъ изгнанъ изъ страны.

Принцъ Пиритой ему освобожденье
Доставилъ, но съ условіемъ однимъ, -
Чтобъ онъ поклялся жизнію своею,
Что никогда ногой онъ не коснется
Земли аѳинской.

П а л а м о н ъ (въ сторону).

Онъ счастливецъ! Эивы

Увидитъ онъ опять, собрать онъ можетъ
Опять, какъ прежде, юношей отважныхъ,
Которые, когда прикажетъ онъ,
Сражаться будутъ пламенно; возможно,
Что онъ войну начнетъ изъ-за нея,
И, если онъ тогда не овладѣетъ
Красавицей - онъ будетъ жалкимъ трусомъ;
А если точно благороденъ онъ, -
Онъ тысячу найдетъ путей отважныхъ,
Чтобъ ею завладѣть. О, если бъ я
Былъ на свободѣ, - подвиговъ великихъ
Я совершилъ бы столько, что она,
Сама она, прекраснѣйшая дѣва,
Въ мужчину превратится пожелала бъ,
Чтобъ покорить меня!

Т ю р е м щ и к ъ .

Достойный принцъ!

Я дѣло къ вамъ имѣю.

П а л а м о н ъ .

Дѣло? Чтобы

Отдѣлаться на вѣки отъ меня?

Убить меня?

Т ю р е м щ и к ъ .

О, нѣтъ; но вашу свѣтлость

Приказано отсюда удалить:

Окно здѣсь слишкомъ велико.

П а л а м о н ъ .

Чтобъ черти

Побрали всѣхъ завистниковъ! Прошу:

Убей меня!

Т ю р е м щ и к ъ .

Тогда меня повѣсятъ.

П а л а м о н ъ .

Клянусь сіяньемъ солнца, если бъ мечъ

Мнѣ дали, я бъ убилъ тебя!

Тюремщикъ .

За что же?

Паламонъ .

Ты все такія вѣсти мнѣ приносишь,
Что жизни, право, не достоинъ ты.
Я не пойду.

Тюремщикъ .

Пойдемте, принцъ: такъ надо.

Паламонъ .

Я буду видѣть садъ оттуда?

Тюремщикъ .

Нѣтъ.

250

Паламонъ .

Такъ ни за что я не пойду.

Тюремщикъ .

Я долженъ

Принудить васъ, а такъ какъ вы опасны, -
Оковъ я долженъ больше наложить.

Паламонъ .

Что жъ, наложи, любезный; ими стану
Я такъ трясти, что спать я вамъ не дамъ:
То будетъ новый мавританскій танецъ!
Такъ долженъ я итти?

Тюремщикъ .

Увы, должны!

Паламонъ (*въ сторону*).

Итакъ, прощай же, милое окошко!
Пусть никогда тебя не смѣетъ вѣтеръ
Захлопнуть! О, красавица моя!
Знавала ль ты когда-нибудь, что значитъ
Тоска? И если знала, то пойми,
Какъ горько мучусь я въ своей печали!

(*Тюремщику*).

Ну, чтожъ, идемъ: похорони меня.

(*Уходятъ*).

Сцена III.

Мѣстность близъ Авинь.

Входитъ Аркигъ .

Аркитъ.

Я изгнанъ изъ Аѳинъ. Конечно, - это
Благодѣянье мнѣ, — благодарю!
Но жить въ изгнаньи, чтобъ не видѣть вѣчно
Той, для кого я радъ бы жизнь отдать, —
О, это казнь изысканная, гибель
Ужаснѣй смерти, это — злая кара,
Какую я не могъ бы заслужить,
Будь даже я преступный, старый грѣшникъ!
Передъ тобою, Паламонъ, открыто
Ристалище; быть можетъ, каждый день
Встрѣчать ты будешь взоръ ея блестящій
Въ окнѣ своемъ, и жить ты будешь имъ!
Ты можешь наслаждаться красотой,
Которой нѣтъ подобной и не будетъ!
О, какъ богами взысканъ Паламонъ!
Бьюсь объ закладъ: заговоритъ онъ съ нею,
И, если сердце нѣжно у нея
Настолько жъ, какъ ея прекрасенъ образъ, —
Клянусь, она достанется ему!
Его языкъ смирить способенъ бурю,
Способенъ онъ очаровать скалу!..
Но будь, что будетъ: смерть всего ужаснѣй;
Я изъ страны аѳинской не уйду;
Въ развалинахъ страна моя родная,
И, если я уйду, то все погибло:
Онъ ею овладѣетъ. Рѣшено:
Я видъ иной приму, переодѣнусь
И попытаю счастья иль погибну.
Такъ или нѣтъ, — хочу счастливымъ быть,
Жить близъ нея, иль болѣе не жить.

Входятъ четыре крестьянина; пятый идетъ впереди и несетъ вѣнокъ.

Первый крестьянинъ.

Товарищи! Туда пойду я, право!

Второй крестьянинъ.

И я иду туда!

Третій крестьянинъ.

И я туда!

Четвертый крестьянинъ.

Эхъ, парни! Ужъ куда ни шло: за вами
Пущусь и я! Ну, что мнѣ брань жены?
Пускай сегодня этотъ плугъ попашеть,
А завтра я отлично изъ него
Клячь выпрягу.

Первый крестьянинъ.
Сужу я точно такъ же:
Моя жена ревнива, какъ индюкъ;
А мнѣ то что? Пускай себѣ бормочетъ!

Второй крестьянинъ.
Борть къ борту съ нею слѣдующей ночью
Сойдешься ты и тѣмъ поправишь все!

Третій крестьянинъ.
Да не забудь указку дать ей въ руку:
Взявъ тотъ урокъ, — увидишь ты, — она
Исправится и славной бабой станетъ.
Участвовать мы будемъ въ танцѣ?

Четвертый крестьянинъ.
Будемъ!
Что помѣшаетъ намъ?
Третій крестьянинъ.
Придетъ Аркасъ.
Второй крестьянинъ.
Придутъ Рикасъ и Сенноисъ, — танцоры,
Какихъ не можетъ лучше быть для пляски!
А что за дѣвки будутъ тамъ, — ого!
Не знаете ль, придетъ ли нашъ учитель?

251

Онъ обѣщаль придти. На всѣ вѣдь руки
У насъ онъ мастеръ: всѣ мы это знаемъ.
Третій крестьянинъ.
Скорѣ съѣстъ онъ свой букварь, чѣмъ насъ
Обманетъ: онъ навѣрное тамъ будетъ.
Ужъ завязалось дѣло между нимъ
И дочерью кожевника такъ прочно,
Что не развяжешь. И она придетъ;
Она желаетъ герцога увидѣть
И вмѣстѣ съ нами будетъ танцовать.

Четвертый крестьянинъ.
Достаточно ли будемъ мы проворны?
Второй крестьянинъ.
Пусть дуютъ всѣ аѳинскіе мальчишки
Намъ въ задъ, какъ вѣтеръ! Буду здѣсь и тамъ,
И снова здѣсь, и снова тамъ — знай нашихъ!
Да здравствуютъ ткачи!

Первый крестьянинъ.

Въ лѣсу удобно

Устроить это.

Четвертый крестьянинъ.

Вотъ еще!

Второй крестьянинъ.

Не спорь:

Такъ нашъ учитель сказывалъ; сумѣетъ

Онъ герцога весьма краснорѣчиво

Уговорить для нашей общей пользы.

Въ лѣсу ему привычно; на равнинѣ

Его наука будетъ ни къ чему.

Третій крестьянинъ.

Посмотримъ игры, а потомъ за дѣло!

Сперва одни продѣлаемъ все это,

Покуда дамы не видали насъ, —

А тамъ — старайся, кто какъ лучше можетъ...

Кто знаетъ, что за это намъ дадутъ!

Четвертый крестьянинъ.

Отлично! Пусть они кончаютъ игры, —

А тамъ — свое исполнимъ мы. Впередъ!

Аркитъ.

Позвольте васъ спросить, друзья: куда вы

Идете?

Четвертый крестьянинъ.

Какъ куда? Что за вопросъ?

Аркитъ.

Когда бъ я зналъ, то спрашивать не сталъ бы.

Третій крестьянинъ.

На игры, другъ!

Второй крестьянинъ.

Да гдѣ же ты родился,

Что этого не знаешь?

Аркитъ.

Недалеко.

Сегодня игры здѣсь?

Первый крестьянинъ.

Такія игры,

Какихъ ты въ жизнь не видывалъ: самъ герцогъ

Присутствовать на нихъ намѣренъ лично!

Аркитъ.

Какія жъ будутъ состязанья тамъ?

Второй крестьянинъ.

Бѣгъ и борьба. (*Въ сторону*). А право, онъ красавчикъ.

Не хочешь ли пойти ты съ нами?

Ар к и т ь .

Н ѣ т ь .

Четвертый крестьянинъ .

Ну, нѣтъ, такъ нѣтъ; ступай своей дорогой.

Товарищи, идемъ!

Первый крестьянинъ .

Подозрѣваю,

Что это парень дошлый: посмотрите,

Какъ онъ сложенъ.

Второй крестьянинъ .

Пускай меня повѣсятъ

Когда рѣшится онъ бороться! Онъ?

Чтобъ онъ боролся? Этакая каша!

Яичница! Не медлите жъ, идемъ!

(Крестьяне уходятъ).

Ар к и т ь .

Является такой удобный случай,

Какого я не смѣлъ и ожидать.

Мнѣ приходилось много разъ бороться

И говорили знатоки, что я

Борюсь прекрасно; точно такъ же въ бѣгѣ

Я отличался: вѣтеръ, вдоль по нивѣ

Несущійся, колосья нагибая,

Не могъ летѣть быстрѣй, чѣмъ я летѣлъ.

И такъ рѣшаюсь: въ бѣдную одежду

Одѣнусь я, чтобъ узаннымъ не быть;

Какъ знать: быть можетъ, мнѣ вѣнокъ украсить

Чело; быть можетъ, счастье приведетъ

Къ тому, что буду жить я близко къ милой!

(Уходитъ).

Сцена IV.

Аѳины. Комната въ тюрьмѣ. Входитъ дочь тюремщика.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а .

Какъ мнѣ любить такого человѣка?

Мы такъ различны: родомъ я ничтожна, —

Простой тюремщикъ мой отецъ, а онъ —

Онъ знатный принцъ! Чтобъ онъ на мнѣ женился, —

О томъ, конечно, нечего мечтать,

А быть его любовницей — безумно.
Прочь эти мысли! Что за испытанья
Готовятся намъ, дѣвушкамъ несчастнымъ,
Какъ только минетъ намъ пятнадцать лѣтъ!
Его увидѣвъ въ первый разъ, нашла я
Его красивымъ, — въ немъ такъ много есть,
Что женщинамъ понравиться могло бы,
Когда бъ желалъ онъ нравиться; потомъ
Жалѣть его я стала, и, понятно, —
Какая же изъ дѣвушекъ, мечтавшихъ
Когда либо о женихѣ красивомъ,
Чтобъ дѣвственность свою ему вручить,
Его не пожалѣла бы! А послѣ
Его я полюбила, — полюбила
Безумно, безпредѣльно! У него
Вѣдь есть кузень, — какъ онъ, красавецъ тоже, —
Но въ сердцѣ у меня царить одинъ
Лишь Паламонъ, — царить тамъ безраздѣльно!
Какъ слушать я люблю по вечерамъ,
Какъ онъ поетъ, хотъ пѣсни эти грустны!
А какъ онъ говоритъ! Нѣтъ дворянина,
Который бы изящнѣй говорилъ!
Когда я утромъ прихожу, чтобъ воду
Подать ему, — свой благородный станъ
Сгибаетъ онъ и такъ меня учливой
Привѣтствуетъ онъ рѣчью: «съ добрымъ утромъ,
Прекрасная дѣвица! Пусть тебѣ
За доброту твою даруетъ небо
Хорошаго супруга!» Онъ однажды
Меня поцѣловалъ — и десять дней
Съ тѣхъ поръ свои я обожала губы;
О, если-бъ такъ онъ дѣлалъ каждый день!
Но вѣчно онъ груститъ и этой грустью
Мое терзаетъ сердце. Чѣмъ могла бы
Я доказать, что я его люблю?
Какъ я его обрадовать хотѣла бъ!
Попробовать его освободить?
Что скажетъ правосудье? Иль я слишкомъ
Забочусь о законѣ, о родныхъ?
Такъ, рѣшено: ему я дамъ свободу
И въ эту ночь иль завтра, можетъ быть,
Добьюсь того, что онъ меня полюбитъ!

(Уходитъ).

Сцена V.

Площадь въ Аѳинахъ.

Короткіе звуки рожковъ и крики народа за сценой. Входятъ Тезей, Ипполита, Пиритой, Эмилія и Аркитъ въ крестьянской одеждѣ, въ вѣнкѣ; за ними народъ.

Тезей.

Ты дѣйствовалъ прекрасно; я не видѣлъ
Съ тѣхъ поръ, какъ съ нами Геркулеса нѣтъ,
Такихъ могучихъ мускуловъ; ты въ бѣгѣ
Былъ первымъ, и въ борьбѣ ты отличился,
Насколько лишь возможно въ наше время.

Аркитъ.

Я очень гордъ, что угодить сумѣлъ.

Тезей.

Въ какой странѣ родился ты?

Аркитъ.

Въ Элладѣ,

Но очень далеко отъ этихъ мѣстъ.

Тезей.

Ты дворянинъ?

Аркитъ.

Такъ говорилъ отецъ мой:

Онъ далъ мнѣ жизнь для благородныхъ дѣлъ.

Тезей.

И ты его наслѣдникъ?

Аркитъ.

Нѣтъ, я младшій

Изъ сыновей.

Тезей.

Счастливецъ твой отецъ.

Что жъ ты умѣешь дѣлать?

Аркитъ.

Понемногу

Изъ всѣхъ занятій благородныхъ: могъ бы
Я сокола держать; люблю въ охотѣ
Скликать я громкимъ зовомъ вѣрныхъ псовъ;
Хоть не могу похвастаться я слишкомъ
Своимъ искусствомъ въ верховой ѣздѣ,
Но тѣ, кто зналъ меня, всегда твердили,
Что въ этомъ дѣлѣ я всего искуснѣй.
Но болѣе всего хотѣлъ бы я
Быть воиномъ.

Тезей.

Ты, право, совершенство!
Пиритой.
Клянусь душой, онъ бравый молодець!

253

Эмилія.

Да, это такъ.

Пиритой.
Что скажетъ герцогиня?

Ипполита.

Я восхищаюсь имъ: мнѣ не случилось
Такого благородства видѣть въ людяхъ
Столь молодыхъ и въ этомъ званьи, — если
Онъ званья настоящаго не скрылъ.

Эмилія.

Должно быть, мать его была красива
И отъ нея онъ получилъ въ наслѣдство
Лицо свое.

Ипполита.

А смѣлый, гордый нравъ
И мощное его тѣлосложенье
Въ немъ обличаютъ браваго отца.

Пиритой.

Замѣьте, какъ изъ-подъ одежды скромной,
Какъ будто солнце изъ-за сѣрыхъ тучъ,
Сквозить въ немъ доблесть!

Ипполита.

Да, онъ бравый малый.

Тезей.

Скажи, чего жъ ты для себя желаешь?

Аркитъ.

Тезей свѣтлѣйшій, я хочу себѣ
Составить имя на достойной службѣ
Тебѣ, героевъ образецъ прекрасный,
Затѣмъ, что здѣсь лишь, при твоёмъ дворѣ, —
Тронъ и жилище свѣтлоокой чести.

Пиритой.

Прекрасны всѣ его слова!

Тезей.

Твой подвигъ

Пріятенъ намъ, и мы твое желанье
Исполнимъ. Пиритой, располагай

Прекраснымъ этимъ юнымъ дворяниномъ.

Пиритой.

Благодарю, Тезей. (*Къ Аркиту*). Кто бъ ни былъ ты,
Теперь ты мой, и я тебя приставлю
Къ прекраснѣйшей изъ службъ: вотъ къ этой юной
Принцессѣ, дѣвѣ чудной красоты.
Храни ее! Ты подвигомъ высокимъ
Почтилъ прекрасный день ея рожденья, —
Такъ будь слугой ей. Поцѣлуй ей руку!

Аркитъ.

Ты столь же щедръ, какъ благородень, принцъ!

(*Къ Эмили*).

Красавица божественная! Клятву
Позвольте вамъ принести отъ сердца! (*Цѣлуетъ ей руку*).

Если

Слуга вашъ, — это жалкое созданье
Въ сравненьи съ вами, - васъ когда нибудь
Обидитъ или огорчитъ, велите,
Чтобъ умеръ онъ, — и тутъ же онъ умреть!

Эмилиа.

Нѣтъ, это слишкомъ было бы жестоко.
Когда ты будешь вѣрно мнѣ служить,
Вознаградить тебя я не замедлю;
Съ тобой я буду обращаться лучше,
Чѣмъ могъ бы ты по званью ожидать.

Пиритой.

Тебя снабдимъ мы всѣмъ необходимымъ;
И такъ какъ ты сказалъ, что ты наѣздникъ,
То къ вечеру на скачку приходи,
Хотя, предупреждаю, эта скачка
Сурова будетъ.

Аркитъ.

Тѣмъ она пріятнѣй:

Я не озябну на своемъ сѣдлѣ.

Тезей (*Исполнить*).

Прошу я, дорогая, приготовься;
Эмилиа, и ты, — (*къ Пиритой*) и ты, мой другъ, —
И всѣ вы: завтра мы съ восходомъ солнца
Отправиться предполагаемъ въ рошу
Діанину — встрѣчать веселый май.
Ты, новый пажъ, ступай за госпожею.
Надѣюсь, что поидетъ онъ не пѣшкомъ?

Эмилиа.

Мнѣ было бъ это стыдно: я имѣю

Коней довольно. (*Аркиту*). Выбери коня
И вообще проси всего, въ чемъ будешь
Нуждаться: если вѣренъ будешь мнѣ,
Всегда я буду доброй госпожею.

Ар к и т ь .

А если дурно буду я служить,
То пусть меня постигнуть всѣ несчастья,
Которыя отецъ мой ненавидѣлъ, —
Немилость и удары.

Т е з е й .

Ты вступаешь
На путь, который самъ ты заслужилъ.
Всегда получишь ты вознагражденье

254

Достойное за подвиги свои;
Не дать его — несправедливо было бѣ.
Клянусь, сестра, слуга тебѣ достался,
Который, если бѣ женщиной я былъ,
Пожалуй, превратился бѣ въ господина.
Но ты умна.

Э м и л і я .

На этотъ разъ, надѣюсь,
Я буду даже черезчуръ умна.
(*Трубы. Уходятъ*).

Сцена VI.

Улица передъ тюрьмою.

Входитъ дочь тюремщика .

Дочь тюремщика .

Пусть бѣсятся всѣ герцоги, всѣ черти, —
Онъ на свободѣ: выпущенъ онъ мною!
Его я въ рощу отвела, за милю
Отсюда, гдѣ растетъ высокій кедръ,
Вокругъ свои распростирая вѣтви,
У самага ручья; скрываясь тамъ,
Онъ будетъ ждать, пока пилу и пищу
Я принесу: желѣзные браслеты
Еще съ него не сняты. О Амуръ,
Безстрашное дитя, какъ ты отваженъ!
Отецъ мой самъ скорѣй надѣлъ бы цѣпи,

Чѣмъ сдѣлалъ бы, что совершила я!
Его люблю я безъ ума, безъ мѣры,
Безъ робкихъ думъ, безъ страха за себя,
И къ прочему всему я равнодушна.
О, пусть я рукъ закона не избѣгну,
Пускай меня осудятъ и казнятъ,
Но всетаки, — увѣрена я въ этомъ, —
Всегда найдутся женскія сердца,
Сердца невинныхъ, чистыхъ дѣвъ, которымъ
Внушу я жалость; пѣснюю погребальной
Онѣ меня почтять; онѣ расскажутъ,
Что благородна смерть моя была,
Что я, почти какъ мученица, въ жертву
Жизнь отдала за страстную любовь.
Какую изберетъ себѣ дорогу
Возлюбленный, по той и я пойду:
Не можетъ быть, чтобъ онѣ меня покинулъ!
А если броситъ онѣ меня, мужчинамъ
Не будутъ вѣрить дѣвушки совсѣмъ!
Однако, онѣ, принявъ мою услугу,
За то мнѣ даже не сказалъ «спасибо»;
Меня онѣ даже не поцѣловаль.
Да, это знакъ дурной; притомъ же, трудно
Мнѣ было убѣдить его бѣжать:
Онѣ все боялся причинить несчастье
Мнѣ и отцу. Но все же я надѣюсь,
Что, убѣдясь вполнѣ въ любви моей,
Онѣ, наконецъ, и самъ меня полюбитъ.
Пускай со мной онѣ дѣлаетъ, что хочетъ,
Но долженъ онѣ со мною ласковъ быть;
Онѣ будетъ ласковъ, иль ему скажу я,
Скажу въ лицо, что не мужчина онѣ!
Итакъ, спѣшу я; всѣмъ необходимымъ
Снабжу его, возьму свои всѣ платья, —
А тамъ, — куда бѣ судьба ни занесла, —
Я буду съ нимъ, его сопровождая
Вездѣ, какъ тѣнь. И пусть здѣсь черезъ часъ
Пойдутъ по всей тюрьмѣ и шумъ, и крики:
Я въ это время буду цѣловать
Того, кого искать напрасно будутъ!
Прощай, отецъ! Имѣй побольше только
Ты узниковъ такихъ и дочерей —
И самъ себя въ тюрьму посадишь скоро!
Итакъ, бѣгу! Скорѣй, скорѣй къ нему!

(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Сцена I.

Лѣсъ близъ Аѳинъ.

Съ разныхъ сторонъ раздаются звуки роговъ. За сценой шумъ и перекликающіеся голоса народа, встрѣчающаго майскій праздникъ.

Входитъ Аркитъ.

Аркитъ.

Разстался герцогъ съ Ипполитой; каждый
Отправился одинъ; таковъ обычай,
Которымъ здѣсь встрѣчаютъ свѣтлый май;
Его въ Аѳинахъ свято соблюдаютъ.
Эмилія, красавица принцесса!
Милѣе ты, чѣмъ майская краса,
Прекраснѣе весеннихъ нѣжныхъ почекъ,
Роскошнѣй, чѣмъ цвѣточный весь коверъ
Полей, луговъ, садовъ! Мы величаемъ
По именамъ прекрасныхъ нимфъ лѣсныхъ
Ручьи въ ихъ чудныхъ берегахъ цвѣтистыхъ, —
А ты, краса лѣсовъ, краса вселенной,
Однимъ лишь посѣщеніемъ своимъ
Всю эту мѣстность обоготворила!
О, какъ бы я блаженъ былъ, недостойный,
Когда бы въ размышленіяхъ своихъ
Хоть изрѣдка меня ты вспоминала,
Хоть равнодушной мыслию меня

Касалась бы! Благословенъ мой жребій,
Меня приведшій стать ея слугой,
О чемъ не смѣлъ я и мечтать! Скажи мнѣ,
Судьба, моя владычица вторая
Вслѣдъ за моей Эмиліей: насколько
Могу мечты я гордыя питать?
Ко мнѣ всегда внимательна принцесса,
Къ себѣ меня приблизила она;
Сегодня, въ это радостное утро,
Въ день лучшій года, — подарила мнѣ

Она коней прекраснѣйшую пару:
Такихъ коней, что състь на нихъ могли бѣ
Два короля, когда бѣ на полѣ чести
Корону имъ отстаивать пришлось!
А Паламонъ? Увы, кузень мой бѣдный,
Несчастный узникъ! Ты такъ мало гредишь
О счастья, мнѣ доставшемся на долю,
Что ты себя счастливѣе считаешь,
Чѣмъ я, мечтая, что ты ближе къ ней!
Ты думаешь, что я блуждаю въ Фивахъ,
А потому несчастенъ, хоть свободенъ;
О, если бы ты только зналъ, что я
Еще недавно пилъ ея дыханье,
Внималъ ея рѣчамъ, смотрѣлъ ей въ очи, —
Какъ страшно разгорѣлся бы твой гнѣвъ!

Изъ-за куста выходитъ Паламонъ въ цѣпяхъ и грозитъ Аркиту кулакомъ.

Паламонъ.

А, родственникъ измѣнникъ! Ты узналъ бы,
Каковъ мой гнѣвъ, когда бѣ отъ этихъ узъ
Свободенъ былъ я и мечомъ владѣлъ бы!
Клянусь я всѣми клятвами и правдой
Любви моей, — заклятый ты злодѣй!
Ты вѣроломнѣйшій изъ всѣхъ на свѣтѣ,
Имѣвшихъ внѣшность доблестную; худшій.
Безчестнѣйшій изъ всѣхъ рожденныхъ честно!
Ты лживѣйшій изъ родственниковъ кровныхъ!
Итакъ, своею ты ее зовешь?
Такъ знай, злодѣй, что, даже не снимая
Оковъ своихъ, вотъ этими руками,
Безъ всякаго оружья, докажу я,
Что ты солгалъ, что ты лишь воръ любви,
Презрѣнное ничтожество, что даже
Названья негодяя ты не стоишь!
Когда бѣ не эти путы, если бѣ мечъ
Въ рукахъ имѣлъ я...

Аркитъ.

Дорогой кузень мой...

Паламонъ.

Кузень, на козни быстрый², рѣчь держи
Такою же, какъ всѣ твои поступки!

Аркитъ.

Не нахожу я въ сердцѣ у себя
Той грубости, какою полнъ твой окрикъ,
А потому тебѣ отвѣчу такъ,

Какъ мнѣ велить отвѣтить благородство.
Твой гнѣвъ тебя ввергаетъ въ заблужденье:
Онъ врагъ тебѣ, и мнѣ не можетъ онъ
Быть другомъ. Честь и честность сохраняю
Я всюду и во всемъ намѣренъ ими,
Кузень, руководиться я и впредь.
А потому прошу тебя спокойно
Сказать мнѣ, въ чемъ твоя печаль, и знай:
Я говорю съ тобой, какъ равный съ равнымъ,
Какъ благородный человѣкъ, который
Всегда себя сумѣетъ защищать
Мечомъ и вѣскимъ словомъ.

П а л а м о н ъ .

Полно, такъ ли?

На это ты способенъ ли, Аркитъ?

А р к и т ъ .

Кузень, кузень! Не разъ имѣлъ ты случай
Узнать, довольно ль смѣлости во мнѣ;
Ты видѣлъ самъ, какъ отражать угрозы
Умѣю я мечомъ! Никто другой
Во мнѣ не усомнится; ты жъ не могъ бы
Смолчать, хотя бъ даже въ храмѣ былъ.

П а л а м о н ъ .

Все это такъ; тебя я въ битвахъ видѣлъ,
Гдѣ мужество свое ты доказалъ;
Тебя зовутъ всѣ рыцаремъ отважнымъ;
Но если разъ въ недѣлю дождь идетъ, —
Нельзя уже сказать, что всю недѣлю
Хорошая погода простоить.
Разъ измѣнивъ, теряютъ люди храбрость
И бьются слабо, какъ ручной медвѣдь,
Который радъ бы обратиться въ бѣгство,
Когда его бы не держала цѣпь.

А р к и т ъ .

Кузень, ты можешь говорить все это
Предъ зеркаломъ себѣ же самому;
Не мнѣ бы это слышать, мнѣ, который
Тебя за это презираетъ.

П а л а м о н ъ .

Стой:

Сперваними съ меня вотъ эти путы,
Дай въ руки мнѣ хотя бы ржавый мечъ
И дай мнѣ ѣсть, чтобъ утолилъ я голодъ;
Затѣмъ съ мечомъ на битву выходи

И смѣй назвать Эмилию своею:
 Тогда клянусь обиду всю забыть,
 Которую ты мнѣ нанесъ, и если
 Тебѣ удастся жизнь мою отнять, —
 Тогда въ загробномъ мѣрѣ душамъ храбрыхъ,

Въ бою умершихъ мужественной смертию,
 Которыя спросили бы меня,
 Что на землѣ творится, — расскажу я
 Одно: что благородень ты и храбрь.

А р к и т ь .

Спокоенъ будь; опять въ кусты укройся
 И жди меня: на утро я приду
 Съ запасомъ пищи, распилю оковы
 И свѣжія тебѣ одежды дамъ;
 Я принесу тебѣ благоуханья,
 Чтобъ заглушить темницы запахъ; послѣ,
 Когда вполнѣ справишься, скажи:
 «Аркитъ, готовъ я» — и тебѣ на выборъ
 Я предложу тогда и мечъ, и латы.

П а л а м о н ь .

О небеса! Кто, если не Аркитъ,
 Имѣя на душѣ дурное дѣло,
 Такъ благородень можетъ быть! Кто можетъ
 При этомъ быть столь смѣлымъ, какъ Аркитъ?

А р к и т ь .

Другъ Паламонъ...

П а л а м о н ь .

Готовъ тебя обнять я
 За это предложенье! Но замѣть:
 За это лишь тебя я обнимаю,
 Безъ этого тебя я не коснулся бъ
 Иначе, какъ мечомъ.

(Слышенъ звукъ рожковъ).

А р к и т ь .

Чу! Слышишь ты?

Въ убѣжище свое скорѣе скройся,
 Чтобъ состоялся поединокъ нашъ
 И не былъ прерванъ раньше, чѣмъ начнется.
 Прощай же! Дай мнѣ руку: будь спокоенъ;
 Все нужное тебѣ я принесу,

Чтобъ былъ ты крѣпокъ.

П а л а м о н ъ .

Такъ сдержи же слово,
Приди сюда и безпощадно бейся.
Навѣрное не любишь ты меня, —
Такъ будь же грубъ со мною, не старайся
Слова свои подмаслить. Я готовъ
За каждое изъ словъ тебя ударить:
Желудокъ мой рѣчами не уймешь.

А р к и т ъ .

По крайней мѣрѣ это откровенно!
Такъ извини жъ за грубыя слова:
Когда коня я шпорю, — не ругаюсь;
Доволенъ ли, сердить ли я, лицо
Мое одно и то же. (*Звуки роговъ*).

Слышишь зовъ?

Къ обѣду всѣхъ сзываютъ; ты, конечно,
Поймешь, что я обязанъ поспѣшить.

П а л а м о н ъ .

Едва ль твое присутствіе при этомъ
Богамъ угодно: ты путемъ неправымъ
Ту приобрѣлъ обязанность.

А р к и т ъ .

Я знаю,

Что я имѣю право на нее.
Вопросъ объ этомъ разрѣшится кровью.
За эти рѣчи взыскивать я буду,
И долженъ будешь ты отвѣтъ держать.
О томъ ни слова болѣе.

П а л а м о н ъ .

Одно лишь

Позволь сказать: сейчасъ ты видѣть будешь
Владычицу мою, — она моя,
А не твоя...

А р к и т ъ .

О, нѣтъ!

П а л а м о н ъ .

Нѣтъ, нѣтъ! Ты хочешь

Мнѣ пищу дать, чтобъ подкрѣпить меня,
А самъ идешь теперь смотрѣть на солнце,
Котораго блестящія лучи
Еще гораздо больше укрѣпляютъ,
И въ этомъ ты имѣешь предо мной
Большое преимущество. Что дѣлать:

Воспользуйся, пока не соберу
Я силъ своихъ для мести. До свиданья.
(Уходятъ въ разныя стороны).

Сцена II.

Другая часть того же лѣса.

Входитъ дочь тюремщика.

Дочь тюремщика.

Оставилъ онъ кусты, гдѣ я ему
Велѣла ждать, — ушелъ куда-то. Утро
Ужъ близко, но мнѣ это все равно:
Пускай бы вѣчно длилась ночь, покрыла бь
Весь міръ своею тьмой! Чу — это волкъ!
Я не боюсь; меня тревожить можетъ
Одна лишь мысль: мысль эта — Паламонъ.
Пускай меня бы волки растерзали, —
Лишь передать бы мнѣ ему пилу!
Не крикнуть ли? Нѣтъ, крикнуть я не смѣю:

257

Онъ можетъ не откликнуться, и только
Своимъ я крикомъ привлеку волковъ
И окажу ему услугу злую.
Въ ночь эту безконечную не разъ
Я слышала ужасный вой: быть можетъ,
Давно ужъ волки овладѣли имъ?
Онъ безоруженъ, онъ бѣжать не въ силахъ;
Быть можетъ, звонъ цѣпей его привлекъ
Звѣрей свирѣпыхъ: эти звѣри чуютъ,
Кто беззащитенъ, кто не можетъ имъ
Сопротивляться. Вѣрно, такъ и было!
Я слышала, какъ нѣсколько волковъ
Завыли громко: въ это время, вѣрно,
Онъ ими былъ разорванъ на клочки!
Не позвонить ли въ колоколь, тревогу
Забить? Но что же станется со мной?
Все кончено: ужъ онъ ушелъ. Нѣтъ, лгу я:
За тотъ побѣгъ несчастный мой отецъ
Повѣшенъ будетъ; для себя спасенья
Искать ли? Жизнь я столько не цѣню,
Чтобъ отъ поступка своего отречься:

Нѣтъ, лучше я двѣнадцать разъ умру!
Я вся разбита; цѣлыхъ двое сутокъ
Не ѣла я, лишь нѣсколько глотковъ
Воды я пропустила; глазъ ни разу
Я не смыкала, — развѣ лишь тогда,
Когда потоки слезъ я утирала.
Увы, увы! Разрушьяся, жизнь моя,
Чтобъ не сойти съ ума мнѣ! Утопиться ль,
Повѣситься? Вонзить ли въ грудь кинжалъ?
Пусть рухнетъ жизнь: опоры расшатались.
Куда идти? Одна дорога: въ гробъ;
Всѣ прочіе пути — лишь заблужденье.
Луна зашла, кузнечики трещать,
Сова кричитъ передъ восходомъ солнца;
Совершилось все, — лишь не достигла я
Того, чего желала всей душою.
Все кончено: погибла я навѣкъ!
(Уходитъ).

Сцена III.

Та же часть лѣса, что и въ сценѣ I.

Входитъ Аркитъ, неся пилу, провизию, вино и проч.

Аркитъ.

Должно быть, это здѣсь. Гей, Паламонъ!

Входитъ Паламонъ.

Паламонъ.

Аркитъ?

Аркитъ.

Онъ самый. Вотъ, принесъ я пищу,
А также и пилу. Иди сюда,
Не бойся, здѣсь Тезея нѣтъ.

Паламонъ.

А также

Здѣсь нѣтъ по чести равнаго ему.

Аркитъ.

Не въ этомъ дѣло; мы объ этомъ послѣ
Поговоримъ. Иди жъ и подкрѣпись;
Нельзя, чтобъ ты, какъ звѣрь голодный умеръ.
Вотъ здѣсь вино; пей: ты, я вижу, слабъ.
Потомъ съ тобой бесѣдовать мы будемъ.

Паламонъ.

Аркитъ, меня ты можешь отравить.

Аркитъ.

Я могъ бы это сдѣлать; только нужно
Сперва, чтобъ я тебя боялся. Сядь,
Не будемъ время тратить попустому;
Другъ друга зная, каковы мы были,
Оставимъ рѣчи вздорныя теперь
Глушцамъ и трусамъ. За твое здоровье!

(Пьетъ).

П а л а м о н ъ .

Отлично.

А р к и т ъ .

Сядь же; и прошу тебя

И заклинаю всей твоею честью —
Пока ни слова здѣсь не говорить
Объ этой женщинѣ: еще успѣемъ
Наговориться мы о ней.

П а л а м о н ъ .

Согласенъ.

Пью за твое здоровье. (Пьетъ).

А р к и т ъ .

Пей еще:

Тебѣ вино согрѣетъ кровь. Не правда ль,
Себя ты лучше чувствуешь?

П а л а м о н ъ .

Постой,

Тебѣ объ этомъ расскажу я послѣ
Глотка другого.

А р к и т ъ .

Больше, больше пей:

У герцога, кузень, вина довольно.

Поѣшь теперь.

П а л а м о н ъ .

Охотно. (Ѣстъ).

258

А р к и т ъ .

Радъ я видѣть,

Что аппетитъ твой такъ хорошъ.

П а л а м о н ъ .

А я

Доволенъ, что обѣдаю такъ славно.

А р к и т ъ .

Не правда ль, не спокойно жить въ лѣсу?

П а л а м о н ъ .

Да, для того, въ комъ совѣсть не спокойна.

А р к и т ъ .

Вкусна ли пища? Голодъ твой, я вижу,
Въ приправахъ не нуждается.

П а л а м о н ъ .

Пожалуй;

Но если-бъ въ нихъ нуждался онъ, была бь
Твоя, кузень, приправа — слишкомъ кислой.
Что это здѣсь?

А р к и т ъ .

Дичина.

П а л а м о н ъ .

Это вкусно.

Дай мнѣ, Аркитъ, еще вина, и выпьемъ
За женщинъ тѣхъ, какихъ мы знали прежде.
Дочь стольника ты помнишь?

А р к и т ъ .

Да, теперь,

Когда о ней напомнилъ ты.

П а л а м о н ъ .

Любила

Она когда-то одного брюнета.

А р к и т ъ .

Любила; что же изъ того?

П а л а м о н ъ .

Его

Аркитомъ звали, кажется?

А р к и т ъ .

Довольно

Объ этомъ, право.

П а л а м о н ъ .

Завлекла она

Его въ бесѣдку; что же въ той бесѣдкѣ
Съ нимъ дѣлала она? Не проиграла ль
Дѣвчества?

А р к и т ъ .

Что дѣлала она —

О томъ, кузень, мы говорить не будемъ.

П а л а м о н ъ .

Она страдала мѣсяць или два,
Иль три, иль десять...

А р к и т ъ .

Съ маршала сестрою

Случилось тоже что-то, говорят, —
По крайней мѣрѣ, много было слуховъ.
Мы выпьемъ за ея здоровье?

П а л а м о н ъ .

Выпьемъ.

А р к и т ъ .

Она была красавица брюнетка.
Охоты помню я веселый шумъ,
Толпу веселой, бодрой молодежи,
Зеленый лѣсъ, тѣнистый старый букъ, —
Подъ этимъ букомъ разыгралась сказка.

П а л а м о н ъ .

Ну, выпьемъ за Эмилию теперь!
Довольно намъ теперь притворнаго веселья.
Ты слышишь: за Эмилию! Осмѣлься,
Кузень безчестный, выпить за нее!

А р к и т ъ .

Ты черезъ край хватилъ.

П а л а м о н ъ .

Землей и небомъ

Клянусь: въ тебѣ ни капли чести нѣтъ!

А р к и т ъ .

Я ухожу: ты сталъ теперь животнымъ.

П а л а м о н ъ .

Благодаря, измѣнникъ, лишь тебѣ!

А р к и т ъ .

Вотъ здѣсь найти ты можешь все, что нужно:
Пилу, бѣлье, духи. Я возвращусь
Черезъ два часа и принѣсу тѣ вещи,
Которыя однѣ намъ могутъ дать
Покой и миръ.

П а л а м о н ъ .

Конечно, мечъ и латы?

А р к и т ъ .

Не бойся: все тебѣ доставлю, все.
Теперь ты слишкомъ гадокъ. До свиданья,
Сними свои брелоки.

П а л а м о н ъ .

Эй, слуга!

А р к и т ъ (уходя).

Я болѣе не слушаю.

Паламонъ.
За это,—
Сдержи онъ только слово,— онъ умретъ.
(Уходитъ).

Сцена IV.

Другая часть лѣса.

Входитъ дочь тюремщика.

Дочь тюремщика.
Мнѣ холодно! Ужъ всѣ погасли звѣзды;
Потухли эти маленькія блестки.
При свѣтѣ солнца я сошла съ ума.
Эй, Паламонъ! Напрасно: онъ на небѣ!
Но гдѣ же я? Вонъ тамъ бушуетъ море;
На немъ корабль; о, какъ его качаетъ!
А вонъ на днѣ подводный камень ждетъ.
Вотъ, вотъ сейчасъ онъ на него наткнется:
Вотъ, вотъ наткнулся! Течь уже явилась;
О, какъ они кричатъ! Скорѣй по вѣтру
Впередъ плывите, иль погибли вы!
Впередъ, впередъ, а послѣ поверните.
Умчались! Доброй ночи, доброй ночи!
Я очень голодна. Хотѣла бь я
Найти лягушку: мнѣ бы рассказала
Она про все, что новаго есть въ мірѣ.
Еще хотѣла бь раковину я
Имѣть и сдѣлать изъ нея корабликъ;
Какъ сѣверный иль сѣверовосточный
Подуетъ вѣтеръ, — къ королю пигмеевъ
Я быстро понеслась бы: онъ отлично
Умѣетъ всѣмъ предсказывать судьбу.
Бьюсь объ закладъ, что завтра рано утромъ
Повѣшенъ будетъ мигомъ мой отецъ;
Но я не буду говорить ни слова.

(Поетъ).

Я юбочку зеленую поверхъ колѣнъ какъ разъ
На цѣлый футъ обрѣжу: такъ должна я!
Я срѣжу кудри желтые на дюймъ пониже глазъ, —
Я дурочка, я дурочка простая!
Онъ бѣлый мнѣ костюмъ сошьетъ, чтобъ ѣздить мнѣ верхомъ,
И цѣлый міръ обрыщу я, блуждая.
Повсюду буду я искать свиданья съ женихомъ, —

Я дурочка, я дурочка простая!
Теперь хотѣла бь я, какъ соловей,
На шипъ свою грудью наколоться:
Безъ этого засну я мертвымъ сномъ.
(Уходитъ).

Сцена V.

Другая часть лѣса.

Входитъ Джеррольдъ, четыре крестьянина-танцора, крестьянинъ, исполняющій роль Бавіана, пять двѣвухекъ, крестьянинъ съ тамбуриномъ.

Джеррольдъ.

Фуй, фуй!
Какая тупость, что за безтолковость!
Ужель моей науки элементы,
Подобно млеку, не всосались въ васъ?
А, кажется, я долго съ вами бился
И даже, выражаясь фигурально,
Наварь изъ сливъ науки, мозгъ ученья
Вамъ всячески старался преподать.
А вы еще и до сихъ поръ кричите:
«Гдѣ?» «Какъ?» «Куда?» «Зачѣмъ?» и «Почему?»
Ахъ вы, тупицы! Ахъ вы, остолопы!
Вѣдь сказано: вотъ это — такъ, а это —
Вотъ такъ, а это — такъ и такъ! Напрасно!
Никакъ меня никто понять не могъ!
Proh Deum, medius fidius!
Ну, словомъ, всѣ вы олухи, и только!
Смотрите же: я буду здѣсь стоять,
А здѣсь вотъ — герцогъ. Я его встрѣчаю
И говорю ученѣйшія вещи
Съ различными фигурами. Онъ внемлетъ,
Киваетъ одобрительно, потомъ
Онъ восклицаетъ «браво!» Ободренный,
Сейчасъ же я бросаю шапку вверхъ, —
И въ этотъ мигъ, — замѣтьте хорошенько! —
Вы выскочить предъ герцогомъ должны,
Какъ калидонскій вепрь предъ Мелеагромъ,
И, нѣжно, какъ влюбленные, обнявшись,
Прилично и какъ можно граціознѣй
Старайтесь танецъ свой протанцовать.

Первый крестьянинъ.

На диво спляшемъ, господинъ учитель.

Второй крестьянинъ.

Провѣримъ, вся ль компанія явилась.
Гдѣ тамбуринъ?

Третій крестьянинъ.

Эй, Тимоѳей!

Крестьянинъ съ тамбуриномъ.

Я здѣсь!

Вотъ, на лицо!

Джеррольдъ.

А женщины то всѣ ли?

260

Четвертый крестьянинъ.

Вотъ Фредерика, вотъ и Магдалина!

Второй крестьянинъ.

Вотъ Люція малютка бѣлоножка!

И толстая Варвара на лицо!

Первый крестьянинъ.

Вотъ Нелли весноватая: на эту

Всегда учитель можетъ положиться.

Джеррольдъ.

Гдѣ ваши ленты, дѣвушки? Смотрите жъ,

Чтобъ плавно, граціозно танцовать,

Все дѣлать съ толкомъ, не жалѣть улыбокъ,

Ни рѣзвыхъ жестовъ!

Нелли.

Будьте ужъ спокойны!

Джеррольдъ.

А гдѣ же остальные музыканты?

Третій крестьянинъ.

Разсѣялись, какъ сказано, въ лѣсу.

Джеррольдъ.

Такъ надобно собрать ихъ и провѣрить,

Всѣ ль на лицо. А гдѣ же Бавіанъ?

Мой другъ, прошу носить свой хвостъ прилично,

Чтобъ дамы не обидѣлись; надѣюсь,

Что прыгать ловко будешь ты и смѣло.

Когда же будетъ надобно залаять,

То дѣлай это съ толкомъ.

Бавіанъ.

Точно такъ.

Джеррольдъ.

Quo usque tandem? Здѣсь одной изъ женщинъ,

Я вижу, не хватаетъ.

Четвертый крестьянинъ.

Ну, теперь

Ищи — свищи! Все, что пригодно къ дѣлу, —
У насъ ужъ въ дѣло пущено!

Джеррольдъ.

Итакъ,

Толкли мы воду, — говоря словами
Ученыхъ авторовъ. Погибло все;
Я *fatus*, и всѣ труды напрасны.

Второй крестьянинъ.

Тварь подлая, презрѣнная трусиха!
Вѣдь какъ она божилась, что придетъ!
Цецилія, — дочь нашего портного.
За это, право, я ей подарю
Собачью шкуру. Ты, Аркасъ, вѣдь, слышалъ
Она клялась и хлѣбомъ и виномъ,
Что не надуешь.

Джеррольдъ.

Женщина и угорь,

Какъ говоритъ ученѣйшій поэтъ, —
Такія вещи, что держать ихъ надо
За хвостъ зубами, чтобы не ушли:
Здѣсь можно было ожидать обмана.

Первый крестьянинъ.

Ахъ, чтобъ ее! Ни дна ей, ни покрышки!

Третій крестьянинъ.

Что жъ дѣлать намъ, учитель?

Джеррольдъ.

Ничего:

Весь трудъ нашъ превратился въ нуль ничтожный,
Прегорестный и препечальный нуль.

Четвертый крестьянинъ.

Какъ, въ этотъ день, когда ребромъ поставлень
Вопросъ о чести нашего села, —
Отлынивать, слоняться, бить баклуши!
Ну, погоди жъ! Расправляюсь я съ тобой!

Входитъ дочь тюремщика.

Дочь тюремщика (*поетъ*).

Голла! Георгъ пріѣхалъ съ юга,
Отъ варварійскихъ береговъ, —
И не одинъ, — съ нимъ два — три друга
Военныхъ, бравыхъ молодцовъ.
Привѣтъ красавцамъ, честь и слава!

Куда жъ теперь лежитъ вашъ путь?
Меня съ собой возьмите, право, —
На Зундъ хотѣла бѣ я взглянуть.

Вокругъ совы три дурня
Вступили въ жаркій споръ;
Одинъ сказалъ: вотъ филинъ;
Другой сказалъ: вотъ вздоръ!
А третій молвилъ: соколъ
Предъ вами, господа;
Бубенчиковъ хотъ нѣту, —
Ихъ срѣзать нѣтъ труда!

Третій крестьянинъ.
Вотъ мысль! Смотрите, господинъ учитель!
Здѣсь дѣвка сумасшедшая: она
Совсѣмъ взбѣсилась, точно заяцъ въ мартѣ.
Когда бѣ ее на танцы залучить,
У насъ бы снова дѣло было въ шляпѣ:

261

Она такіе сдѣлаетъ прыжки,
Что все отдай, да мало!

Первый крестьянинъ.
Превосходно!
Давайте сумасшедшую сюда!
Чего же лучше! Дѣло въ шляпѣ, парни!
Джеррольдъ.
Какъ, дѣвушка? Лишилась ты ума?
Дочь тюремщика.
Безъ этого мнѣ слишкомъ было бѣ грустно.
Дай руку мнѣ.

Джеррольдъ.
Зачѣмъ?
Дочь тюремщика.
Твою судьбу

Я предскажу. Ты — дурень. Сосчитай-ка
До десяти. Ну, что? Небось смутился?
Пріятель, хлѣба бѣлаго не ѣшь:
Кровь изъ зубовъ пойдетъ. Плясать мы будемъ?
Тебя я знаю: ты, вѣдь, мѣдникъ, да?
Запайвай не больше дыръ, чѣмъ нужно.

Джеррольдъ.
Dii boni!

Вотъ какъ, я мѣдникъ?
Дочь тюремщика.
Или заклинатель.

Не вызовешь ли чорта для меня?
Пусть на костяхъ и бубенцахъ сыграетъ
Qui passa.

Джеррольдъ.
Ну, возьмите же ее
И усмирить немного постарайтесь,
А послѣ покажите ей, что нужно.
Et opus exegi, quod nec Jovis ira, nec ignis ...

Второй крестьянинъ.
Пойдемъ со мной, дѣвчонка, да живѣй!
Дочь тюремщика.

Впередъ идти хочу я.
Третій крестьянинъ.
Ладно, ладно!
(*За сценой слышенъ звукъ роговъ*).

Джеррольдъ.
Съумѣйте убѣдить, перехитрить!
Ну, прочь пошли! Трубятъ уже, я слышу,
Такъ дайте же немножко мнѣ подумать.
Да роли не забудьте!
(*Всѣ, кромѣ учителя, уходятъ*).

Вдохнови

Меня, Паллада!

Входятъ Тезей, Пиритой, Ипполита, Эмилія, Аркитъ и свита.

Тезей.
Вотъ сюда направилъ

Олень свой бѣгъ.

Джеррольдъ.

Прошу: остановись

И выслушай.

Тезей.

Что это?

Пиритой.

Сельскій праздникъ

Какойнибудь, должно быть.

Тезей.

Хорошо,

Послушаемъ. Прошу садиться, дамы:

Придется намъ остановиться здѣсь.

Джеррольдъ.

Привѣтъ тебѣ, могущественный герцогъ!

Прекраснѣйшія дамы, — вамъ привѣтъ!

Тезей.

Достаточно холодное начало.

Джеррольдъ.

Благоволите праздникъ нашъ принять!

Принадлежимъ мы къ тѣмъ, чья рѣчь простая

Изобличаетъ грубыхъ поселянъ;

Сказать по правдѣ, — здѣсь предъ вами стая,

Компанія, иль сборище крестьянъ,

Иль, такъ сказать, веселый хоръ крестьянскій,

Который хочетъ танецъ мавританскій

Предъ господами здѣсь протанцовать.

Я между ними, долженъ вамъ сказать,

Присутствую во званьи педагога;

Я розгою караю младшихъ строго,

А старшимъ я линейкою грожу

И плодъ своихъ трудовъ вамъ покажу.

О грозный вождь, чья слава возсіяла

Во всѣхъ краяхъ, отъ Диса до Дедала,

Вдоль всѣхъ дорогъ, — отъ тумбы до столба, —

Ты поддержи покорнаго раба!

Молю, воззри пресвѣтлыми очами

На то, какъ здѣсь предъ всѣми господами

Искусно «хора» совершу я «водь», —

Соедини — и выйдетъ «хороводъ».

Мы для того здѣсь предъ тобой собрались

262

И разучить свой танецъ постарались.

Я первымъ здѣсь, хоть грубъ и неуклюжъ,

Передъ тобой являюсь, славный мужъ,

Къ твоимъ ногамъ кладу свои я рѣчи

И исполняю этимъ роль предтечи;

За мной «Князь мая» слѣдуетъ съ женой,

Съ «Лакеемъ» и «Служанкой»; въ часъ ночной

Они пріюта ищутъ; ихъ съ услугой

«Хозяинъ» встрѣтитъ съ толстою супругой;

Принявъ гостей, которыхъ долгій путь

Порядочно измучилъ, — подмигнуть

Спѣшатъ они буфетчику, въ заботѣ

Побольше сумму написать на счетѣ;

За ними «Клоунъ» плотоядный, «Шутъ»

И «Бавіанъ» съ большимъ хвостомъ придутъ;
Весь хоръ, cum multis aliis, сберется, -
Скажи лишь «да», — и танецъ вмигъ начнется.

Тезей.

Да, да, любезный domine, зови
Скорѣй своихъ актеровъ.

Пиритой.

Начинайте.

Джеррольдъ.

Intrate, filii!

Войдите же, исполните вашъ танецъ.

*(Входятъ ученики школы, Бавіанъ, пять двѣушекъ, крестьянинъ съ тамбуриномъ,
дочь тюремщика и прочіе. Они танцуютъ мавританскій танецъ).*

Хоръ.

Мы ликуемъ и поемъ,
Вьемся въ танцъ круговомъ;
Если танцемъ этимъ самымъ
Угодимъ мы знатнымъ дамамъ, —
Пусть признаетъ каждый тутъ,
Что учитель нашъ — не шутъ!
Герцогъ, если въ ладъ мы пѣли
И понравится съумѣли, —
Намъ бревно для мачты дай,
Чтобъ игрою встрѣтить май.
Не пройдетъ тогда и года,
Какъ опять толпа народа
Насмѣшитъ, составивъ хоръ,
И тебя, и весь твой дворъ!

Тезей.

Возьми хоть двадцать, domine. Что скажетъ
Мой другъ, царица сердца моего?

Иполита.

Ни разу въ жизни такъ не веселилась.

Эмилиа.

Ихъ танецъ былъ исполненъ превосходно
А что до предисловья, — никогда
Я не слыхала лучшаго.

Тезей.

Учитель,

Благодарю тебя. Велю я всѣмъ
Награды выдать.

Пиритой *(давая деньги)*.

Это вотъ возьмите,

Чтобъ вашу мачту выкрасить.

Тезей.

Теперь

Мы будемъ нашу продолжать охоту.

Джеррольдъ.

Пускай олень дастъ ловъ обильный,

Собаки будутъ быстры, сильны,

Его изловятъ безъ преградъ,

И дамы окорокъ съѣдятъ.

Тезей, Пиритой, Ипполита, Эмилия, Аркитъ и свита уходятъ подъ
звуки роговъ за сценой.

Джеррольдъ.

Ну, парни, все отлично удалось.

Dii deaeque omnes!

Вы, дѣвушки, чудесно танцовали!

Сцена VI.

Та же часть лѣса, какъ въ сценѣ III.

Паламонъ *выходитъ изъ-за кустовъ*.

Паламонъ.

Кузень мой обѣщаль мнѣ въ этотъ часъ

Прийти сюда и принести съ собою

Два добрые меча и пару латъ,

И, если онъ теперь не сдержитъ слова, —

Тогда не воинъ, не мужчина онъ!

Когда недавно онъ меня оставилъ

Въ лѣсу, — я думалъ, что недѣли мало,

Чтобъ силы всѣ мои возстановить:

Такъ низко палъ я, такъ я былъ разслабленъ.

Благодарю тебя, кузень Аркитъ:

Ты честный врагъ! Теперь я подкрѣпился

И вновь гляжу опасности въ глаза.

Откладывать не должно нашу битву:

Подумали бы люди, услыхавъ

Объ этомъ, что я нѣжусь, точно боровъ

На сытномъ кормѣ; пусть же это утро

Послѣднимъ будетъ! Если же Аркитъ

Откажется мнѣ мечъ дать, — мечъ я вырву

Изъ рукъ его и вмигъ его убью;

Конечно, это будетъ справедливо.

Фортуна и любовь мнѣ да помогутъ!

Входитъ Аркитъ, неся вооруженіе.

П а л а м о н ъ .

А, съ добрымъ утромъ!

А р к и т ъ .

Съ добрымъ утромъ, другъ.

П а л а м о н ъ .

Тебѣ хлопотъ надѣлалъ я не мало.

А р к и т ъ .

Пустое! Эти хлопоты — мой долгъ,

Святое дѣло чести.

П а л а м о н ъ .

Если бъ такъ же

Ты поступалъ во всемъ! Хотѣлъ бы я,

Чтобъ былъ ты мнѣ настолько жъ добрымъ братомъ,

Насколько вынуждаешь ты меня

Признать тебя врагомъ великодушнымъ.

Хотѣлъ бы я тебя благодарить

Объятьями, а не ударовъ градомъ.

А р к и т ъ .

То и другое я бы возвратилъ.

П а л а м о н ъ .

А я съ тобою щедро расквитался бъ.

А р к и т ъ .

Словами благородства вызывай

Меня на бой; тогда цѣнить я буду

Слова твои еще превыше словъ

Возлюбленной. Зачѣмъ намъ препираться,

Когда мы оба любимъ то, что честно?

И не для словъ пустыхъ мы рождены;

Вооружась и ставъ на стражъ чести,

Пусть изольемъ мы свой взаимный гнѣвъ,

Какъ бурныхъ два ручья, стремглавъ навстрѣчу

Несущихся другъ другу, — и тогда

Безъ всякихъ сваръ, попрековъ, поношеній, —

Приличныхъ развѣ дѣвушкамъ простымъ

Иль школьникамъ, никакъ не намъ, — рѣшится

Легко и скоро нашъ тяжелый споръ:

Кому владѣть красавицею нашей, —

Тебѣ, иль мнѣ? Желаетъ ли сейчасъ

Вооружиться? Если же донинѣ

Себя еще считаешь ты больнымъ,

Не возвративъ своей всей прежней силы, —

Тогда, кузень, готовъ я подождать

И каждый день, когда свободенъ буду,
Приду сюда бесѣдовать съ тобой,
Пока ты не поправишься. За друга
Считаю я тебя; ты дорогъ мнѣ!
Пусть лучше бы тебѣ я не открылся,
Что я влюбленъ, пусть лучше бы я умеръ;
Но, полюбивъ красавицу такую
И высказавъ тебѣ свою любовь, —
Я не могу отъ словъ своихъ отречься.

П а л а м о н ъ .

Аркитъ, такой ты благородный врагъ,
Что твой кузень одинъ имѣетъ право
Убить тебя. Вполнѣ я бодръ и крѣпокъ;
Прошу: оружие выбери себѣ.

А р к и т ь .

Ты первый выбирай.

П а л а м о н ъ .

Себя считаешь
Во всемъ ты выше? Или, можетъ-быть,
Ты хочешь, чтобъ въ бою тебя щадилъ я?

А р к и т ь .

Когда ты это думаешь, кузень,
То сильно ты ошибся: я, какъ воинъ,
Щадить тебя не буду.

П а л а м о н ъ .

Справедливо.

А р к и т ь .

Ты въ этомъ убѣдишься.

П а л а м о н ъ .

Такъ и я,

Какъ честный человекъ, притомъ же правый
Въ любви своей, охотно отплачу
Тебѣ за все. Вотъ это мнѣ.

А р к и т ь .

А это

Пусть будетъ мнѣ. Позволь тебѣ сперва
Надѣть твой панцырь.

(Надѣваетъ ему латы).

П а л а м о н ъ .

Но скажи, откуда
Прекрасныя ты латы эти взялъ?

А р к и т ь .

У герцога; сказать тебѣ по правдѣ,
Я тайно взялъ ихъ. Кажется, тебя

Я ущипнулъ?

П а л а м о н ъ .

О, нѣтъ.

264

А р к и т ъ .

Ты не находишь,

Что тяжелы онѣ?

П а л а м о н ъ .

Мои, пожалуй,

Полегче были, но и эти также

Годятся.

А р к и т ъ .

Я ихъ плотно застегну.

П а л а м о н ъ .

Пожалуйста.

А р к и т ъ .

Коней не нужно будетъ?

П а л а м о н ъ .

Нѣтъ, будемъ мы сражаться безъ коней.

Ты, можетъ быть, бой конный предпочелъ бы?

А р к и т ъ .

Мнѣ это все равно.

П а л а м о н ъ .

Повѣрь, и мнѣ.

Прошу, подвинь какъ можно дальше пряжку.

А р к и т ъ .

Я сдѣлалъ это.

П а л а м о н ъ .

Шлемъ теперь мнѣ нуженъ.

А р к и т ъ .

Не лучше ли безъ шлемовъ намъ сражаться,

Съ открытой головою?

П а л а м о н ъ .

Что-жъ, пожалуй:

Такъ будетъ легче.

А р к и т ъ .

Но надѣнь перчатки:

Онѣ, по крайней мѣрѣ, здѣсь найдутся

Возьми мои.

П а л а м о н ъ .

Благодарю, Аркитъ.
Каковъ мой видъ? Не слишкомъ похудѣлъ я?

Аркитъ.

Нѣтъ, очень незначительно. Любовь
Тебя щадила.

Паламонъ.

Я тебѣ ручаюсь,
Что сильно буду наносить удары.

Аркитъ.

Отлично: не жалѣй меня; я самъ
Стараться буду.

Паламонъ.

Надѣвай же латы.

Мнѣ кажутся похожими онѣ
На тѣ, въ которыхъ, помнишь, ты сражался
Въ тотъ день, когда погибли въ битвѣ съ нами
Три короля; тѣ были только легче.

Аркитъ.

Тѣ латы были очень хороши.
Ты въ этой битвѣ очень отличился,
Кузень, — гораздо болѣе, чѣмъ я:
Такой мнѣ силы не случалось видѣть.
Когда помчался ты на лѣвый флангъ
Врага, — едва поспѣлъ я за тобою,
Хоть подо мною былъ прекрасный конь.

Паламонъ.

То былъ гнѣдой скакунъ великолѣпный.

Аркитъ.

Да, но напрасно я спѣшилъ на немъ:
Предупредилъ ты всѣ мои желанья, —
Мнѣ оставалось только подражать.

Паламонъ.

Ты доблестью своею больше сдѣлалъ,
Кузень! Ты слишкомъ скромень.

Аркитъ.

Натискъ твой

Былъ такъ могучъ и страшенъ, что, казалось,
Ударъ ужасный грома разразился
Надъ вражьей ратью.

Паламонъ.

Ранѣ того,

Какъ молнія, ты засверкалъ надъ нею.
Постой немного: здѣсь тебѣ не треть?

Аркитъ.

Нѣтъ, ничего.

П а л а м о н ъ .

Я не хотѣлъ бы ранить

Тебя иначе, какъ мечомъ: синякъ ли,

Царапина ль — меня бы осрамили.

А р к и т ъ .

Ну, я готовъ.

265

П а л а м о н ъ .

Тогда начнемъ же бой.

А р к и т ъ .

Возьми мой мечъ, мнѣ кажется онъ лучшимъ.

П а л а м о н ъ .

Благодарю: оставь его себѣ;

Вѣдь жизнь твоя отъ этого зависитъ.

А я возьму вотъ этотъ, и не надо

Мнѣ лучшаго. Да защитятъ меня

И честь, и право!

А р к и т ъ .

А меня — любовь.

(Они расходятся, затѣмъ идутъ другъ другу навстрѣчу и останавливаются).

Ты, кажется, сказать мнѣ что то хочешь?

П а л а м о н ъ .

Еще одно: ты тетки сынъ моей,

Родная кровь струится въ нашихъ жилахъ;

Твою ль я кровь пролью иль ты мою, —

Ея источникъ общій. Мечъ мой смертью

Грозитъ тебѣ, а если суждено

Тебѣ меня убить, то я прощаю

Тебя, — и боги пусть тебѣ простятъ,

И если мѣсто есть, гдѣ души храбрыхъ

Найдутъ покой, — туда да воспаритъ

Печальный духъ убитаго. Сражайся жъ

Храбрѣй, кузень! Дай руку мнѣ свою.

А р к и т ъ .

Дай мнѣ свою. Въ послѣдній разъ сжимаю,

Какъ другъ, твою я руку, Паламонъ.

П а л а м о н ъ .

Благодарю тебя.

А р к и т ъ .

И если буду

Я побѣжденъ, то прокляни меня,
Какъ труса: только трусь погибнуть можетъ
Въ такомъ правдивомъ дѣлѣ. Ну, прощай же,
Въ послѣдній разъ прощай!

П а л а м о н ъ .

Прощай, кузень!

(Они сражаются. За сценой раздаются звуки роговъ).

А р к и т ъ .

Кузень, безумье наше насъ стубило!

П а л а м о н ъ .

Какъ?

А р к и т ъ .

Это — герцогъ! Слышишь, — это онъ
Охотится! И если онъ застанетъ
Меня съ тобой, — погибли оба мы!
О, ради чести и спасенья ради,
Въ кусты опять укройся поскорѣе:
Еще найдемъ мы время умереть!
Кузень мой милый, если насъ увидятъ, —
Погибнешь ты за то, что изъ тюрьмы
Бѣжалъ, а я, — когда меня ты выдашь, —
За то, что клятвы данной не сдержалъ,
Весь міръ тогда осудитъ насъ; всѣ скажутъ,
Что споръ нашъ благородень былъ, но средства,
Къ которымъ мы прибѣгли, были низки.

П а л а м о н ъ .

Нѣтъ, нѣтъ, кузень! Я больше не хочу
Скрываться здѣсь; счастливый этотъ случай
Не упущу! Твою я вижу хитрость,
И цѣль твоя понятна для меня.
Кто оробѣлъ, тому да будетъ стыдно!
Ну защищайся жъ!

А р к и т ъ .

Ты съ ума сошелъ!

П а л а м о н ъ .

Чась этотъ — мой, и я извлечу намѣрень
Всю пользу изъ него. Что будетъ послѣ, —
Того боюсь я меньше, чѣмъ судьбы.
Я говорю тебѣ, кузень трусливый:
Эмилию люблю я! Для того
Убью тебя и всѣ мои несчатья.

А р к и т ъ .

Ну, будь, что будетъ! Ты, кузень, увидишь,
Что умереть — мнѣ столь же легкой трудъ,

Какъ говорить - иль спать. Я опасаюсь
Лишь одного: что насъ законъ лишитъ
Возможности честь нашу обезпечить.
Ну, берегись!

П а л а м о н ъ .
Самъ берегись, Аркитъ!

*Они сражаются. Снова раздаются звуки роговъ. Входятъ Тезей, Ипполита,
Эмилія, Пиритой и свита.*

Тезей.
Что за глупцы, невѣжды и злодѣи
Осмѣлились, нарушивъ мой законъ,
Вступить здѣсь въ битву въ рыцарской одеждѣ
Безъ разрѣшенья моего и даже
Безъ секундантовъ? Касторомъ клянусь я,
Что оба вы умрете!

П а л а м о н ъ .
О, Тезей!
Сдержи ты это слово! Мы злодѣи

266

Дѣйствительно: пренебрегли мы оба
Тобою и твоею добротой.
Я — Паламонъ; къ тебѣ любви, конечно,
Я не питаю, такъ какъ убѣждалъ я
Изъ стѣнъ твоей тюрьмы; подумай только,
Какой преступникъ я! А онъ, — Аркитъ,
Измѣнникъ самый дерзкій, самый смѣлый
Изъ всѣхъ, въ странѣ встрѣчавшихся твоей,
И лживѣйшій изъ всѣхъ друзей притворныхъ.
Онъ былъ тобой помилованъ и изгнанъ,
Но, вопреки велѣнью твоему,
Остался здѣсь, и вотъ, переодѣтый,
Онъ за твоею слѣдуетъ сестрой,
Звѣздой изъ звѣздъ, Эмилией прекрасной,
Которой я быть долженъ былъ слугой,
Затѣмъ, что первый я ее увидѣлъ
И сердцу дивный образъ завѣщаль.
Аркитъ же хочетъ дерзостно своею
Ее считать; за это вѣроломство
Его сюда къ отвѣту я призваль,
Въ защиту правъ любви моей высокой.

И если точно ты, какъ говорятъ,
Великъ и добродѣтеленъ и всюду
Съ собой приносишь правды торжество, —
То повели, чтобъ мы опять сражались;
Тогда, Тезей, увидишь ты, что я
Дѣла такія совершу, что зависть
Въ самомъ тебѣ проснется. Послѣ жъ битвы
Казни меня; готовъ я умереть.

П и р и т о й .

Что за величье духа!

Т е з е й .

Я даль клятву.

А р к и т ь .

Мы милости твоей, Тезей, не просимъ;
Настолько же легко мнѣ умереть,
Какъ для тебя — приговорить насъ къ смерти.
Измѣнникомъ кузень меня зоветь;
На то отвѣчу: если есть измѣна
Въ любви, въ служеньи дивной красотѣ,
Въ томъ, что готовъ я за нее погибнуть,
Въ томъ, что сюда на битву я пришелъ,
Чтобъ оправдать любовь цѣною жизни,
И въ томъ, что ей достойно я служилъ,
И въ томъ, что я готовъ убить кузена,
Который это отрицаетъ, — пусть
Тогда меня изменникомъ считаютъ:
Я буду радъ! А если твой приказъ
Нарушилъ я, — то посмотри, какъ дивно
Сестра твоя прекрасна, какъ велить
Непобѣдимо взоръ ея блестящій
Стрѣмиться къ ней, любовью къ ней пылать!
Спроси ее: и если я изменникъ
Въ ея глазахъ, то пусть, какъ негодяй,
Умру и буду гнить безъ погребенья!

П а л а м о н ь .

Тезей, обоимъ милость ты окажешь,
Когда велишь обоихъ насъ казнить.
Ты благороденъ, чистъ и безупреченъ, —
Не слушай насъ! Прошу и заклинаю
Тебя душой кузена твоего,
Чью доблестную память увѣнчали
Двѣнадцать славныхъ подвиговъ, — вели
Казнить насъ вмѣстѣ! Лишь немного раньше
Пускай умереть соперникъ мой, чѣмъ я:

Тогда душа моя спокойна будетъ,
Что дѣва не достанется ему.

Тезей.

Твое желанье я готовъ исполнить.
Поистинѣ, кузень твой въ десять разъ
Виновнѣ тебя: ему я сдѣлалъ
Добра гораздо больше, чѣмъ тебѣ,
Проступки жъ ваши были равносильны.
И пусть никто не просить въ пользу ихъ:
До вечера уснуть навѣки оба.

Ипполита.

О, какъ ихъ жаль! Теперь иль никогда, —
Сестра, проси и вымоли пощаду;
Иначе всѣ грядущіе вѣка
Лицо твое отяготятъ проклятьемъ
За гибель двухъ кузеновъ.

Эмилія.

О, сестра, —

Въ лицѣ моемъ нѣтъ ничего, что гибель
Иль бѣдствіе имъ принести могло бы:
Ихъ губятъ взоры собственныхъ очей.
Но ихъ жалѣть, какъ женщина, должна я,
И пусть къ землѣ колѣна приростутъ,
Но я не встану прежде, чѣмъ прощенье
Имъ испрошу я. Милая сестра,
Мнѣ помощи! Въ прекрасномъ этомъ дѣлѣ
Соединить должны свои усилія
Всѣ женщины.

(Становится на колѣни, вмѣстѣ съ Ипполитой).

О царственный мой братъ!

Ипполита.

Во имя брака нашего!

Эмилія.

Во имя

Твоей ничѣмъ не помраченной чести!

Ипполита.

Во имя клятвы, давшей мнѣ и руку
Геройскую, и доблестное сердце!

Эмилія.

Во имя милосердья твоего,

Во имя доблести твоей безмѣрной!

Ипполита.

Во имя силы мышц твоихъ, во имя
Ночей всѣхъ цѣломудренныхъ, когда
Ты ласками моими наслаждался!

Тезей.

Вотъ странный заговоръ!

Пиритой.

Позволь и мнѣ

Вмѣшаться. (*Преклоняетъ колѣни*). Заклинаю нашей дружбой,
Опасностями общими, — всѣмъ тѣмъ,
Что любишь ты: войною и супругой
Прекрасною!

Эмилія.

И добротой твоей,

Съ которою ты отказать не можешь
Цвѣтущей дѣвѣ!

Ипполита.

Свѣтлыми очами

Твоими, тою силою, съ которой
Ты клялся мнѣ, что я сильнѣй всѣхъ женъ,
Почти сильнѣе всѣхъ мужей, — и все же
Тебѣ, Тезей, я уступила!..

Пиритой.

Чтобы

Намъ увѣнчать всѣ просьбы, — заклинаю
Твоею благородною душой,
Которая богата милосердьемъ!
Тебя прошу я первый..

Ипполита.

Я вторая...

Эмилія.

И я прошу, послѣдняя...

Пиритой.

Яви

Ты милость!

Ипполита.

Милость!

Эмилія.

Милость этимъ принцамъ!

Тезей.

Поколебали вы меня. Но если
Равно мнѣ жаль обоихъ, — что мнѣ дѣлать?

Эмилія.

Оставь имъ жизнь, пошли ихъ лишь въ изгнанье!

Тезей.

Ты истинная женщина, сестра!
Ты сожалѣть и сострадать умѣешь,
Но какъ помочь, — не понимаешь ты!
Когда спасти ихъ хочешь, то придумай
Иное средство, — лучше, чѣмъ изгнанье.
Ужели оба будутъ жить, страдая
Изъ-за любви къ тебѣ, и не убьютъ
Другъ друга? Вѣрь, что будутъ ежедневно
Они сражаться, будутъ ежечасно
Испытывать мечомъ вопросъ о чести
Твоей предъ цѣлымъ міромъ. Будь умна:
Забудь о нихъ; задѣто дѣло чести
Твоей, сестра, и данной мною клятвы.
Я ихъ обрекъ на смерть: пускай же лучше
Они убиты будутъ правосудьемъ,
Чѣмъ другъ отъ друга примутъ смерть. Оставь
Мое рѣшенье въ силѣ.

Эмилія.

Благородный

Мой братъ! Ту клятву дать ты успѣшилъ,
Затѣмъ, что былъ разгнѣванъ; но разсудокъ
Велитъ тебѣ отъ клятвы отступить.
Подумай: если бъ вѣчно исполнялись
Такія клятвы, — весь бы міръ погибъ!
Притомъ напомню я иную клятву,
Мнѣ данную тобою: въ клятвѣ той
И силы, и любви, конечно, больше,
Чѣмъ въ этой: ты ее не въ гнѣвъ далъ,
А въ полномъ разумѣни!

Тезей.

Что за клятва,

Сестра моя?

Пиритой.

Настойчивѣе будь,

Отважная дѣвица!

Эмилія.

Ты сказалъ мнѣ,

Что не откажешь никогда ни въ чемъ,
Достойномъ скромности моей, а также
Твоей свободной воли; и теперь
Ловлю тебя на словѣ: если слова
Не удержишь ты, тогда свою ты честь

Унизишь. Я прошу и умоляю,
И ко всему глуха я буду, кромѣ
Согласья твоего: подумай только,
Какъ страшно отзовется гибель ихъ
На имени моемъ и доброй славы!
Какъ, гибнетъ тотъ, кто полюбилъ меня?
Нѣтъ, это слишкомъ было бы жестоко!
Зеленый кустъ, усыпанный цвѣтами,
Ужель срубить за то, что есть на немъ

268

Больныя вѣтви? О Тезей могучій!
Ихъ матери, страдавшія для нихъ,
Всѣ дѣвушки, мечтающія нѣжно
О сладостной любви, — готовы будутъ
Проклясть меня и красоту мою
И въ честь погибшихъ двухъ кузеновъ сложать
Гимнъ погребальный, а меня — меня
Всѣ назовутъ жестокой, ненавистной,
Достойной всякихъ бѣдъ, и стану я
Для женщинъ всѣхъ предметомъ отвращенья!
О, ради неба, сохрани имъ жизнь, —
Карай ихъ лишь изгнаньемъ!

Тезей.

На какихъ же

Условіяхъ?

Эмилія.

Клятву пусть они дадутъ,
Что никогда искать меня не будутъ,
Откажутся навѣки знать меня,
Страны твоей ногою не коснутся
И, гдѣ бы имъ повстрѣчаться ни пришлось, —
Другъ другу быть должны они чужими.

Паламонъ.

Пускай меня разрѣжутъ на куски,
Но никогда не дамъ я этой клятвы!
Какъ? Мнѣ забыть любовь мою? Пусть боги
Тогда меня возненавидятъ! Герцогъ,
Изгнанью подчиниться я готовъ,
Но мы носить мечи, какъ прежде, будемъ,
И весь нашъ споръ останется при насъ;
А если нѣтъ — то праздныхъ разговоровъ

Довольно намъ: скорѣ насъ казни!
Ее любить я и хочу, и смѣю,
И за любовь могу убить кузена,
Гдѣ бъ я его ни встрѣтилъ!

Тезей.

Ты, Аркитъ,

Согласенъ ли принять ея условье?

Паламонъ.

Тогда онъ будетъ негодяй!

Пиритой.

Вотъ люди!

Аркитъ.

Нѣтъ, герцогъ: это хуже нищеты.
И не могу купить своей я жизни
Такой цѣной постыдною. Хотя
Я думаю, что никогда не будетъ
Она моею, — все же сохраню я
Почетную любовь и умереть
Радъ за нее, хоть самой страшной смертью.

Тезей.

Что жъ дѣлать намъ? Сочувствіе теперь
Во мнѣ самомъ проснулось.

Пиритой.

Не давай же

Заснуть ему, мой благородный другъ!

Тезей.

Эмилиа, скажи: когда бы умеръ
Одинъ изъ нихъ, — согласна ли тогда
Другого ты назвать своимъ супругомъ?
Владѣть тобой они не могутъ вмѣстѣ;
Тотъ и другой — прекраснѣйшіе принцы
И по дѣламъ своимъ они такъ славны,
Какъ лишь возможно. Посмотри жъ на нихъ
И, если можешь полюбить, — покончи
Весь этотъ споръ: я дамъ свое согласье
Согласны ли вы, принцы?

Паламонъ и Аркитъ.

Всею душой!

Тезей.

Кого она отвергнетъ, — долженъ будетъ
Тотъ умереть.

Паламонъ и Аркитъ.

Какою хочешь смертью!

Паламонъ.

Пусть я паду отъ милыхъ устъ: съ отрадой
Умру я; всѣ любовники, — тѣ даже,
Которые еще не рождены, —
Благословятъ безжизненный мой пепель.

А р к и т ь .

Пусть буду я отринуть: хладный гробъ
Мнѣ станетъ миль; надгробною хвалою
Мнѣ будутъ пѣсни воиновъ звучать.

Т е з е й .

Что жъ, выбирай, сестра!

Э м и л і я .

Нѣтъ, я не въ силахъ!

Равно прекрасны оба; я бъ хотѣла,
Чтобъ ни одинъ съ нихъ волосъ не упаль!

И п п о л и т а .

Что жъ будетъ съ ними?

Т е з е й .

Вотъ что я рѣшаю;

И честию я клянусь, что будетъ такъ,
Иль оба пусть умрутъ: вы, принцы, оба
Въ свою страну вернетесь; черезъ мѣсяць
Пусть каждый вновь придетъ, въ сопровожденьи

269

Трехъ рыцарей, сюда, на это мѣсто;
Здѣсь пирамиду я поставлю: тотъ
Изъ васъ, кто можетъ рыцарскою силой
Соперника заставить прикоснуться
Къ той пирамидѣ, — будетъ обладать
Принцессою, другой — повинень смерти,
И съ нимъ его друзья; и пусть не ропщеть
Онъ на судьбу; пусть не помыслить онъ,
Что умираетъ съ правомъ на невѣсту.
Согласны ль вы?

П а л а м о н ь .

О, да! Кузень Аркитъ,

До той поры мы будемъ вновь друзьями.

А р к и т ь .

Я радъ тебя обнять.

Т е з е й .

А ты, сестра,

Довольна ли?

Эмилія.

Должна я быть довольна:
Иначе бы они погибли оба.

Тезей.

Другъ другу дайте жъ руку, позабудьте
Свой споръ, пока завѣтнѣй часъ рѣшенья
Къ вамъ не придетъ, и въ путь отправьтесь свой.

Паламонъ.

Вѣрь намъ, Тезей: тебя мы не обманемъ.

Тезей.

Теперь же васъ прошу идти за мною:
Мы примемъ васъ, какъ принцевъ и друзей.
Кто побѣдитъ, — супругомъ ей назначимъ,
А кто падетъ, — того мы смерть оплачемъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сцена I.

Аѳины. Комната въ тюремѣ.

Входитъ Тюремщикъ и первый изъ его друзей.

Тюремщикъ.

Итакъ, другихъ вѣстей ты не имѣешь?
Не слышно ли чего-нибудь еще
О бѣгствѣ Паламона?

Первый другъ.

Нѣтъ, не слышалъ

Я ничего: я ранѣе ушелъ,
Чѣмъ кончилось ихъ дѣло; но, насколько
Я могъ понять, есть много вѣроятя,
Что оба принца будутъ прощены:
Съ колѣнопреклоненіемъ Ипполита
Съ прекрасною Эмилией просили
За нихъ такъ нѣжно, съ граціей такой,
Что герцогъ, мнѣ казалось, колебался
Между своей поспѣшно данной клятвой
И просьбами прекрасныхъ этихъ дамъ.
Чтобъ имъ помочь, принцъ Пиритой отважный, —
Который для Тезея — часть души, —
Къ ихъ просьбамъ также присоединился;
Поэтому надѣюсь я, что все
Окончится вполнѣ благополучно.
А о тебѣ иль бѣгствѣ Паламона
Никто не говорилъ.

Тюремщикъ .
Пошли, о небо,
Спасенье мнѣ!
Второй другъ (входя).
Спокоенъ будь, мой другъ!
Тебѣ принесъ я радостныя вѣсти.
Тюремщикъ .
Заранѣ я радъ имъ.
Второй другъ .
Паламонъ
Все разъяснилъ: получишь ты прощенье!
Онъ рассказалъ, какъ дочь твоя его
Освободила: ей прощенье также
Дано уже. Великодушный плѣнникъ,
Ее желая отблагодарить,
Ей жалуетъ большую сумму денегъ
Въ приданое.
Тюремщикъ .
Ты добрый человекъ
И добрыя всегда приносишь вѣсти!
Первый другъ .
Но чѣмъ все это кончилось?
Второй другъ .
Какъ чѣмъ?
Конечно, тѣ, что никогда не просятъ,

270

А требуютъ, — всегда получать все:
Жить будутъ оба.
Первый другъ .
Ну, я такъ и думалъ!
Второй другъ .
Но только имъ поставлены условья,
Которыя вы какъ-нибудь потомъ
Узнаете.
Тюремщикъ .
Хорошія, надѣюсь!
Второй другъ .
Почетныя, конечно; хороши ль
Условья эти, — послѣ будетъ видно.
Первый другъ .
Что жъ, проживемъ — увидимъ.

Входитъ женихъ дочери тюремщика.

Женихъ.

Горе, горе!

Гдѣ ваша дочь?

Тюремщикъ.

Что за вопросъ!

Женихъ.

Когда

Вы видѣли дочь вашу?

Первый другъ.

Какъ онъ смотритъ!

Тюремщикъ.

Сегодня утромъ.

Женихъ.

Чтожъ, была ль она

Здорова? какъ спала?

Первый другъ.

Вопросы эти

Довольно странны.

Тюремщикъ.

Кажется, она

Была какъ будто не вполнѣ здорова.

Теперь я вспоминаю; ей вопросы

Я задавалъ: она мнѣ отвѣчала

На все по дѣтски, какъ то невпопадъ,

Безсмысленно, какъ маленькій ребенокъ

Иль человекъ въ безумьи. Я сердился.

Чтожъ новаго о ней?

Женихъ.

Да ничего

Хорошаго: жалѣть ее должны мы.

Я долженъ все сказать вамъ; пусть же лучше

Узнаете вы это отъ меня,

Чѣмъ отъ другого, кто не столько любитъ

Ее, какъ я.

Тюремщикъ.

Что съ нею?

Первый другъ.

Все ли ладно?

Второй другъ.

Неладно съ нею?

Женихъ.

Да, не очень ладно.

Увы, она совсѣмъ сошла съ ума.

Первый другъ.

Не можетъ быть!

Женихъ.

Къ несчастью, это вѣрно.

Тюремщикъ.

Я видѣлъ ужъ изъ словъ твоихъ, какъ только

Вошелъ ты, что случилась съ ней бѣда.

О боги, помогите ей! Причина

Была здѣсь или та, что въ Паламона

Она влюбилась, или та, что казни

Моей боялась, — или, можетъ быть,

То и другое.

Женихъ.

Очень вѣроятно.

Тюремщикъ.

Но какъ же это скоро такъ случилось?

Женихъ.

Сейчасъ я расскажу. Ловилъ я рыбу

Въ большомъ пруду, что позади дворца.

На дальнѣйшій берегъ, камышомъ съ осокой

Заросшій, я забрался и стоялъ,

Слѣдя за поплавкомъ. Вдругъ звонкій голосъ

Услышалъ я. Прислушиваюсь: пѣсню

Поетъ тамъ кто то, — женщина иль мальчикъ.

Тогда я бросилъ удочку свою,

Пошелъ на голосъ; но довольно долго

Никакъ не удавалось мнѣ узнать,

Кто пѣлъ: густой камышъ мѣшалъ мнѣ видѣть.

Прилежъ я, чтобы вслушаться, — и вдругъ,

Направивъ взоръ свой вдоль тропинки узкой,

Прорубленной недавно рыбаками,

Увидѣлъ вашу дочь.

Тюремщикъ.

О, продолжай!

Женихъ.

Она стояла тамъ и пѣла; смысла

Въ той пѣснѣ было мало. Повторялось

Одно въ ней часто: «Паламонъ ушелъ, —

Въ лѣсу онъ ищетъ ягодъ шелковицы,

Но завтра я найду его».

Первый другъ.

Бѣдняжка!

Женихъ.

«Его узнають по его цѣпямъ,
Онъ будетъ схвачень! Что я буду дѣлать?
Сто дѣвушекъ тогда я созову,
Красивыхъ, черноглазыхъ, — все влюбленныхъ,
Какъ я: у нихъ вѣнки изъ златоцвѣта
На головахъ, ихъ губы — точно вишни,
А щеки ихъ краснѣй дамасскихъ розъ.
Мы всѣ потѣшный танецъ протанцуемъ
Предъ герцогомъ, чтобъ онъ его простилъ».
Затѣмъ о васъ бѣдняжка все твердила,
Что завтра утромъ будутъ васъ казнить,
Что надо ей набрать ко дню погребенья
Цвѣтовъ и послѣ домъ украсить ими.
Потомъ она все пѣла «ива, ива».
Да «ивушка», а также повторяла:
«Мой Паламонъ, мой Паламонъ красавецъ»
И «Паламонъ былъ рослый молодецъ».
Въ водѣ она стояла по колѣна;
На головѣ вѣнокъ изъ камыша
Лежалъ у ней, а кудри распустились;
Вокругъ болотныхъ множество цвѣтовъ
Торчало, — самыхъ пестрыхъ, разноцвѣтныхъ;
Средь нихъ казалась нимфою она,
Одной изъ тѣхъ, что охраняють воды,
Иль свѣтлою Иридой, къ намъ съ небесъ
Слетѣвшею. Вѣнки изъ травъ окрестныхъ
Она плела и къ каждому вѣнку
Премило приговаривала: «это
Союзъ любви нашъ нѣжный», или «можно
Вотъ это раздѣлить, но насъ — нельзя»,
И многое другое. То заплачетъ,
То запоетъ, то вдругъ вздохнетъ печально,
То засмѣется, — и цѣлуетъ руки
Сама себѣ.

Второй другъ.

О боги, что за жалость!

Женихъ.

Я къ ней пошелъ: она, меня завидѣвъ,
Вмигъ въ воду бросилась; ее я спасъ,
Схватилъ и вынесъ на сухое мѣсто;
Но тутъ она вдругъ вырвалась изъ рукъ

И съ громкимъ крикомъ прочь бѣжать пустилась
По направленью къ городу, — такъ быстро,
Что я совсѣмъ отсталъ. Потомъ я видѣлъ,
Что трое или четверо людей
Ей бросились на перерѣзъ; между ними
Одинъ былъ братъ вашъ. Ихъ увидѣвъ, сразу
Она остановилась и упала;
Поднявъ, ее насилу увели.
Я съ нею ихъ оставилъ и скорѣе
Направился сюда. Да вотъ они.

Входятъ братъ тюремщика, дочь его и другіе.

Дочь тюремщика (*поетъ*).

О, не смотрѣть бы вамъ на бѣлый свѣтъ...

Неправда ль, пѣсня хороша?

Братъ тюремщика.

Прекрасна.

Дочь тюремщика.

Могу я двадцать спѣть другихъ.

Братъ тюремщика.

Я вѣрю.

Дочь тюремщика.

Вотъ, на примѣръ, есть пѣсня «добрый Робинъ»,

Иль пѣсня «о метлѣ». Ты не портной ли?

Братъ тюремщика.

Портной.

Дочь тюремщика.

А гдѣ жъ мой свадебный нарядъ?

Братъ тюремщика.

Я завтра принесу его.

Дочь тюремщика.

Смотри же!

Да постарайся! Я теперь пойду

Созвать дѣвицъ, да музыкантовъ надо

Нанять; вѣдь завтра утромъ я лишусь

Дѣвчества; а то, вѣдь, не удастся.

(*Поетъ*) О Милый другъ, красавецъ мой!..

Братъ тюремщика.

Съ ней надо терпѣливымъ быть.

Тюремщикъ.

Конечно.

Дочь тюремщика.

А, добрый вечеръ, господа! Скажите,

Не слышали ль о Паламонѣ вы?

Тюремщикъ.

Да, дѣвушка, его мы знаемъ.

272

Дочь тюремщика.

Правда?

Вѣдь онъ — прекрасный кавалеръ?

Тюремщикъ.

Еще бы!

Братъ тюремщика.

Не возражайте ей, а то она

Разстроится еще гораздо хуже.

Первый другъ.

Да, онъ прекрасный юноша.

Дочь тюремщика.

Не такъ ли?

Не правда ли? А есть у васъ сестра?

Первый другъ.

Да, есть.

Дочь тюремщика.

Скажите ей, что ей не будетъ

Принадлежать онъ никогда: я знаю

Такое слово. За сестрой смотрите:

Его увидѣвъ, въ тотъ же часъ она

Погибнетъ. Влюблены, вѣдь, въ Паламона

Всѣ дѣвушки, что въ городѣ живутъ.

Но я смѣюсь надъ ними, оставляю

Ихъ безъ вниманья. Правда, это ловко?

Первый другъ.

Да.

Дочь тюремщика.

Между ними двѣсти отъ него

Беременны: четыреста ихъ будетъ,

Но это я держу въ строжайшей тайнѣ.

И все родятся мальчики: онъ знаетъ,

Какъ это все устроить. Какъ настанетъ

Имъ десять лѣтъ, — то въ этотъ самый день

Ихъ оскопятъ и сдѣлаютъ пѣвцами,

Чтобъ подвиги Тезея воспѣвать.

Второй другъ.

Вотъ это странно.

Дочь тюремщика.

Даже очень странно,

Но я прошу не говорить объ этомъ.

Первый другъ.

Не будемъ говорить.

Дочь тюремщика.

Къ нему приходятъ

Всѣ дѣвушки, со всѣхъ концовъ страны.

Повѣрьте мнѣ, что въ эту ночь ихъ двадцать

Онъ обработалъ: если онъ захочетъ,

То можетъ сдѣлать это въ два часа.

Тюремщикъ.

Она погибла!

Братъ тюремщика.

Сохрани насъ, небо!

Дочь тюремщика.

Поди сюда: ты умный человекъ.

Первый другъ.

Она его узнала?

Второй другъ.

Нѣтъ. О, если бѣ

Она могла его узнать!

Дочь тюремщика.

Вѣдь ты —

Хозяинъ корабля?

Тюремщикъ.

Да.

Дочь тюремщика.

Гдѣ компасъ твой?

Тюремщикъ.

Вотъ здѣсь.

Дочь тюремщика.

Направь на сѣверъ свой корабль,

Въ тотъ лѣсъ, гдѣ Паламонъ лежитъ, тоскуя,

И ждетъ меня; сама я буду править.

Ну, поднимайте жъ якорь, да живѣй!

Всѣ.

Уфъ, уфъ! Вотъ якорь поднять, вѣтеръ дуетъ

Благопріятный; поднимите реи

Да распустите парусъ. Эй, хозяинъ,

Гдѣ твой свистокъ?

Братъ тюремщика.

Пусть будетъ онъ у ней.

Тюремщикъ.

На мачту, мальчикъ!

Братъ тюремщика.

Гдѣ же руль?
Первый другъ.
Вотъ здѣсь онъ.
Дочь тюремщика.
Что видишь ты?
Второй другъ.
Прекрасный лѣсъ.
Дочь тюремщика.
Ну, правъ же

273

Туда, да поворачивай скорѣй! (*Поетъ*).
Луна, занявъ у солнца свѣтъ...
(*Уходятъ*).

Сцена II.

Аѳины. Комната во дворцѣ.
Входитъ Эмилія, держа два портрета.

Эмилія.
Нѣтъ, раны я должна вылечить,
Которыя готовы ужъ открыться
И кровь излить изъ-за меня; должна
Я сдѣлать выборъ, чтобы не погибли
Изъ-за меня два юные красавца,
Чтобъ матери не прокляли рыдая,
Идя въ слезахъ за гробомъ сыновей,
Мою жестокость. Боги, какъ прекрасенъ
Аркитъ! Сама премудрая природа
Съ ея дарами, съ дивной красотой,
Которую она съ такой любовью
Влагаетъ въ благородныя тѣла, —
Сама она, когда бы превратилась
Вдругъ въ женщину, въ застѣнчивую дѣву,
Съ ума сошла бы отъ любви къ нему!
Какія очи, что за взоръ прекрасный,
Какъ пламя, искры мечущій и сладкій
Въ одно и то же время, у него!
Самъ Купидонъ въ очахъ его смѣется!
Такъ рѣзвый и прекрасный Ганимедъ
Воспламенилъ любовной страстью Зевса,
И богъ похитилъ юнаго красавца

И рядомъ посадилъ его съ собою
Въ созвѣздіи блестящемъ. Что за лобъ
Возвышенный, красивый, величавый,
Какъ Гера волоокая! Нѣжнѣ
Онъ округлень, чѣмъ Пелопса плечо!
Отсюда честь и слава, какъ съ утеса,
Вознесшаго вершину къ небесамъ,
Слетаютъ въ міръ, внизу лежащій, съ пѣснью
О подвигахъ и о любви боговъ
И близкихъ къ нимъ людей. Передъ Аркитомъ
Что Паламонъ? Лишь призракъ, только тѣнь!
Онъ смугль и худъ, и взоръ его такъ мраченъ,
Какъ будто мать онъ потерялъ свою;
Онъ какъ то вяль, въ немъ живости не видно,
Нѣтъ остроумья, рѣзвости веселой,
Не хочетъ улыбнуться онъ. Но есть
Въ немъ то, что мы считаемъ заблужденьемъ
И крайностью; такъ нѣкогда Нарциссъ
Былъ мраченъ и печалень, хотъ божественъ.
О, нѣтъ! Кто женской прихоти изгибы
Способенъ всѣ извѣдать и понять?
Утратила я, право, свой разсудокъ.
Я выбрать не могу, и вотъ я лгу
Безсовѣстно, и, право, я достойна,
Чтобъ женщины меня побили. Нѣтъ!
О Паламонъ! Прошу я на колѣняхъ
Прощенья у тебя; ты, ты одинъ
Прекрасенъ! Эти очи въ дивномъ блескѣ
Грозятъ и смѣло требуютъ любви:
Какая дѣва имъ не покорится?
Серьезности какой, какой отваги
Полны его черты, и какъ влекутъ
Они меня къ себѣ! Амуръ, отнынѣ
Лишь онъ меня тревожить! Прочь, Аркитъ!
Ты передъ нимъ — подкидышь, цыганенокъ,
А благородень только онъ одинъ!
Ахъ, я совсѣмъ безумна! Я погибла,
Честь дѣвичью готова я забыть.
Спроси меня мой братъ, кого люблю я, —
И отъ Аркита я схожу съ ума;
Спроси сестра — мнѣ Паламонъ милѣ.
Вотъ оба рядомъ; братъ, спроси: кто лучше?
Не знаю я! Спроси сестра, — нѣтъ, я
Хочу подумать! Точно такъ ребенокъ,

Увидѣвъ двѣ игрушки драгоцѣнныхъ,
Какую предпочеть изъ нихъ, — не знаетъ
И плачетъ онъ о той и о другой!

(Входитъ дворянинъ).

Что новаго?

Дворянинъ.

Меня прислалъ къ вамъ герцогъ,
Вашъ братъ. Для васъ извѣстье я принесъ:
Всѣ рыцари ужъ здѣсь.

Эмилія.

Чтобъ споръ окончить?

Дворянинъ.

Да.

Эмилія.

Лучше бы покончить мнѣ съ собой!
Въ чемъ я грѣшна, о чистая Діана,
Что молодость невинная моя
Окроплена должна быть кровью принцевъ!
Въ чемъ я грѣшна, что чистота моя
Послужитъ алтаремъ, гдѣ два влюбленныхъ,
Прекраснѣйшихъ, достойнѣйшихъ изъ всѣхъ,
Когда либо отрадой веселившихъ
Сердца своихъ счастливыхъ матерей, —
Падутъ безвинно жертвою кровавой
Моей несчастной красотѣ!

Входятъ Тезей, Ипполита, Пиритой и свита.

Тезей.

Прошу

Скорѣй привести ихъ: я желаю страстно

Увидѣть ихъ. Красавица сестра,
Поклонники твои вернулись оба
И рыцарей съ собою привели.
Теперь должна ты одного изъ принцевъ
Какъ друга сердца, выбрать для себя.

Эмилія.

Хотѣла бь лучше я обоихъ выбрать,
Чтобъ за меня никто не погибалъ
Безвременно.

Тезей.

Кто видѣлъ ихъ?
Пиритой.
Я видѣлъ.
Дворянинъ.

А также я.

Входитъ вѣстникъ.
Тезей.
Откуда ты пришелъ?
Вѣстникъ.

Отъ рыцарей.

Тезей.
Скажи намъ, каковы же

Они?

Вѣстникъ.
Свои охотно впечатлѣнья
Я передамъ. По внѣшности судя,
Такихъ шести бойцовъ, отваги полныхъ,
Донинѣ я не видывалъ еще,
Да про такихъ не читывалъ и въ книгахъ.
Тотъ рыцарь, что стоитъ на первомъ мѣстѣ
Съ Аркитомъ, — крѣпкій, сильный человекъ;
Судя по виду, это принцъ природный,
Не очень смугль, но и не блѣдъ, — суровый,
Но благородный; смѣлый и безстрашный,
Опасность онъ умѣетъ презирать;
Въ глазахъ его огонь таятъ грозный,
Какъ будто скрытъ въ немъ разъяренный левъ.
До плечъ висятъ его густые кудри,
Они черны, какъ ворона крыло;
Въ плечахъ широкъ онъ, а вооруженье
Его богато; при бедрѣ виситъ
Тяжелый мечъ на поясѣ роскошномъ,
И кажется, что въ каждый мигъ готовъ
Запечатлѣть мечомъ свою онъ волю.
Ну, словомъ, я увѣренъ: лучше друга
Для воина нельзя и пожелать.

Тезей.

Ты славно описалъ его.

Пиритой.
Но трудно

Въ словахъ короткихъ описать того,
Который первымъ возлѣ Паламона
Стоитъ.

Тезей.

Скажи намъ чтонибудь о немъ.

Пиритой.

Мнѣ кажется, онъ также принцъ природный,
Пожалуй, даже перваго знатнѣй.
Тѣлосложенъ онъ его полнѣе,
Лицо жъ его пріятнѣй; онъ румянь,
Какъ зрѣлый виноградъ. Сознанье видно
Въ его глазахъ, за что онъ будетъ биться,
И тѣмъ, конечно, лучше онъ съумѣетъ
Съ отвагой дѣло друга отстоять.
Въ лицѣ его увѣренность въ побѣдѣ
Сквозитъ; когда жъ разгнѣвается онъ,
Съумѣетъ, вѣрно, онъ владѣть собою.
Чтобъ, не боясь опасности, свершить
Великій подвигъ; страха онъ не знаетъ,
Хоть, можетъ быть, его и мягокъ нравъ.
Онъ бѣлокуръ, курчавъ; густыя кудри
Свиваются, плющу подобно, въ пряди,
Которыхъ не распуталъ бы и громъ;
Лицомъ же онъ — воинственная дѣва,
Кровь съ молокомъ, совсѣмъ безъ бороды;
Въ глазахъ его живетъ сама Побѣда,
Какъ бы ласкаясь къ доблести его.
Горбатый носъ — отваги гордой признакъ,
Румяныя же губы, послѣ битвъ,
Для дамъ прекрасныхъ какъ нельзя пріятнѣй.

Эмилиа.

Ужель и эти люди всѣ умрутъ?

Пиритой.

Когда онъ говоритъ, то раздается
Его могучій голосъ, какъ труба;
Черты его всѣ правильны и рѣзки;
Оружіе его — стальной топоръ
Съ роскошной золотою рукоятью,
А лѣтъ ему, примѣрно, двадцать пять.

Вѣстникъ.

Тамъ есть другой, — не очень крупень ростомъ,
Но духомъ, видно, крѣпокъ и могучъ;
Едва ли онъ комунибудь уступить.
Донинѣ мнѣ не приходилось видѣть,
Кто такъ бы много обѣщаль, какъ онъ.

Пиритой.

Не тотъ ли это, чье лицо въ веснушкахъ?

Вѣстникъ.

Да, это онъ; не правда ли, онъ
Къ нему идутъ?

275

При той.

Пожалуй, я согласенъ.

Вѣстникъ.

Веснушекъ очень мало у него,
При томъ расположенъ ихъ удачно:
Онъ ему рѣшительно къ лицу.
Не темень цвѣтъ его волосъ, но также
Не слишкомъ свѣтелъ, — мужественъ, съ оттѣнкомъ
Каштановымъ; а самъ подвиженъ онъ,
Въ немъ дѣятельный духъ замѣтенъ сразу.
Онъ мускулистъ, его могучи руки,
Ихъ мышцы очень выпуклы, у плечъ
Онъ немного пухлы, какъ у женщинъ,
Впервые плодъ зачавшихъ; нѣтъ сомнѣнья,
Что очень онъ выносливъ; бремя латъ
Ему не тяжело; онъ тихъ, спокоенъ,
Но въ гнѣвѣ будетъ онъ свирѣпъ, какъ тигръ.
Взоръ сѣрыхъ глазъ грозитъ и побѣждаетъ
И, вмѣстѣ съ тѣмъ, сочувствіе сулитъ;
Онъ зорко видитъ выгоду и всюду
Умѣетъ ею быстро овладѣть;
Онъ не обидитъ, но обидѣ не стерпитъ.
Лицо его довольно кругло; если
Улыбкою оно освѣщено,
Онъ кажется влюбленнымъ, а нахмурясь —
Какъ самый грозный воинъ онъ глядитъ.
На головѣ его вѣнокъ дубовый, —
Побѣды знакъ, — въ немъ дамы сердца бантъ.
На видъ ему лѣтъ тридцать шесть; онъ держитъ
Въ рукѣ своей большую булаву
Тяжелую, въ серебряной оправѣ.

Тезей.

И всѣ они настолько жъ хороши?

Вѣстникъ.

Ихъ можно всѣхъ назвать сынами чести.

Тезей.

Ну, такъ клянусь душою: я хочу

Скорѣй ихъ видѣть. Милая супруга,
И ты должна смотрѣть на бой.

И п о л и т а .

Охотно;

Но самый споръ не такъ мнѣ интересенъ,
Какъ случай видѣть витязей двухъ странъ.
Какъ жаль, что такъ жестокъ Амуръ! Что скажешь,
Сестра мягкосердечная? Не плачь
И слезъ не лей, пока ихъ кровь не льется.

Тезей.

Ты мужество своею красотой
Въ нихъ возвышаешь. (*Пиритю*). Другъ мой благородный,
Тебѣ устроить поручаю я
Арену, чтобъ она была достойна
Тѣхъ, кто сражаться будетъ.

Пиритой.

Я готовъ.

Тезей.

Я къ нимъ пойду; терпѣнья не хватаетъ
Дождаться ихъ, — такъ я воспламененъ
Разказами. Такъ постарайся жъ, другъ мой.

Пиритой.

Все сдѣлаю, чтобъ ихъ принять роскошно.

Эмилиа.

Плачь, плачь, бѣдняжка: кто бъ ни побѣдилъ, —
Твой грѣхъ кузена знатнаго сгубилъ.

(*Уходятъ*).

Сцена III.

Аѳины. Комната въ тюремѣ.

Входятъ тюремщикъ, женихъ его дочери и докторъ.

Докторъ. Не правда ли, ея разстройство особенно усиливается въ нѣкоторые дни мѣсяца?

Тюремщикъ. Она постоянно разстроена, но въ безобидномъ родѣ: она мало спитъ, очень плохо ѣстъ и только часто пьетъ. Она все презитъ о другомъ, лучшемъ мѣрѣ; ко всякой мелочи, которую она видитъ вокругъ себя, она привязываетъ имя Паламона, вмѣшивая его во всякое занятіе, прицѣпляетъ его къ каждому вопросу. Вотъ она идетъ: посмотрите, и вы увидите, какъ она ведетъ себя.

Входитъ дочь тюремщика.

Дочь тюремщика. Я совсѣмъ забыла это; припѣвъ былъ «радость, радость»; сочинилъ эту пѣсню не кто иной, какъ Джеррольдъ, учитель Эмилии. Онъ очень страненъ, страннѣй чѣмъ кто либо, ходившій на ногахъ. Въ другомъ мѣрѣ Дидона увидитъ Паламона и тогда разлюбитъ Энея.

Докторъ. Что за безмыслица! Вотъ бѣдняжка.

Тюремщикъ. И такъ постоянно, цѣлыми днями.

Дочь тюремщика. Теперь поговоримте о колдовствѣ, о которомъ я вамъ рассказывала. Вы должны принести серебряную монету на кончикъ языка, а то васъ не

276

перевезутъ. Тогда, если вы такъ счастливы, что попадете въ страну блаженныхъ духовъ, — будемъ на это надѣяться, — то мы, дѣвушки, которыхъ жизнь погибла, разбита въ куски любовью, всѣ придемъ туда и будемъ заниматься только срываніемъ цвѣтовъ для Паламона. Я наберу для него букетъ, и тогда, замѣтьте, тогда...

Докторъ. Какой у нея милый бредъ! Посмотримъ, что будетъ дальше.

Дочь тюремщика. Право, я расскажу вамъ все. Иногда мы, блаженные души, будемъ тамъ играть, бѣгать взапуски. А для тѣхъ, которыя живутъ въ другомъ мѣстѣ, — увы, жизнь будетъ скорбная; онѣ горять, мерзнуть, кипятъ, визжать, воютъ, скрежещутъ зубами, проклинаятъ! О, имъ тяжело приходится! Берегитесь: если ктонибудь сойдетъ съ ума, повѣсится, утопится, — всѣ они попадутъ туда. Спаси насъ, Юпитеръ! Тамъ ихъ бросятъ въ котель съ расплавленнымъ свинцомъ и кипящимъ жиромъ ростовщиковъ и они будутъ безъ конца вариться тамъ, какъ свиной окорокъ.

Докторъ. Чего только не выдумываетъ ея мозгъ!

Дочь тюремщика. Знатные люди и царедворцы, обольстившіе дѣвушекъ, попадутъ именно въ это мѣсто. Они будутъ стоять въ огнѣ до пупка, а на сердцѣ у нихъ будетъ ледъ; такимъ образомъ тѣ части тѣла, которыя нанесли обиду, будутъ горѣть, а тѣ части, которыя обманули, — будутъ мерзнуть. Право, это очень жестокое наказаніе за такіе пустяки; повѣрьте мнѣ, для того, чтобы избавиться отъ этого, многіе согласились бы жениться на прокаженной колдуньѣ.

Докторъ. Какъ она фантазируетъ! Это не закоренѣлое сумасшествіе, а тяжелая и глубокая меланхолія.

Дочь тюремщика. Если бы вы слышали, какъ гордая дама и простая городская женщина воютъ вмѣстѣ! Я была бы скотиной, если бы нашла это забавнымъ. Одна кричитъ: «о какой дымъ!» а другая: «о, какой огонь!» Одна кричитъ: «о, зачѣмъ я дѣлала это за занавѣской!» и громко воетъ, а другая проклинаятъ своего возлюбленного и садовую бесѣдку. *(Поетъ)*.

Вѣрна я буду звѣздамъ и судьбѣ...

(Уходитъ).

Тюремщикъ. Что вы скажете о ней, господинъ докторъ?

Докторъ. Мнѣ кажется, что она совсѣмъ помѣшалась, и я не могу ей помочь.

Тюремщикъ. Увы, что же намъ дѣлать?

Докторъ. Не знаете ли, не любила ли она когонибудь раньше, чѣмъ увидѣла Паламона?

Тюремщикъ. Прежде я очень надѣялся, что она отдастъ свое сердце вотъ этому господину, моему другу.

Женихъ. Мнѣ тоже такъ казалось, и я готовъ многое отдать, хоть половину моего состоянія въ доказательство того, что какъ я, такъ и она до сего времени откровенно были расположены другъ къ другу.

Докторъ. Взоръ ея былъ пораженъ и это повело къ разстройству другихъ чувствъ. Можетъ быть, разумъ къ ней вернется и всѣ чувства снова будутъ дѣйствовать, какъ должно; но въ настоящее время они въ полномъ заблужденіи. Вотъ что слѣдуетъ вамъ сдѣлать: помѣстите ее въ комнату, куда едва проникалъ бы свѣтъ. Вы, молодой человѣкъ, другъ ея, назовитесь Паламономъ; скажите ей, что пришли пообѣдать вмѣстѣ съ нею и поговорить о любви; это привлечетъ ея вниманіе, такъ какъ она только объ этомъ и думаетъ: прочіе предметы, попадающіе между ея духовнымъ и тѣлеснымъ взоромъ, лишь помогаютъ ей разнообразить и украшать свое безуміе. Пойте ей нѣжныя пѣсни любви, которыя, по ея словамъ, Паламонъ пѣлъ въ тюрьмѣ. Принесите ей самыхъ лучшихъ цвѣтовъ, которые можно найти въ это время года, и прибавьте къ нимъ еще разные духи, благопріятно дѣйствующіе на чувства. Все это будетъ соединяться съ представленіемъ о Паламонѣ, такъ какъ Паламонъ умѣетъ пѣть, Паламонъ любезенъ и воплощаетъ въ себѣ все хорошее. Предлагайте ей обѣдать вмѣстѣ съ нею, угощайте ее, пейте за ея здоровье и въ это время старайтесь снискать ея расположеніе. Узнайте, какія дѣвушки были ея знакомыми и подругами въ играхъ: пускай онѣ придутъ къ ней разговаривать о Паламонѣ, а вы въ это время явитесь подъ его личиною. Она создаетъ себѣ лживыя представленія и ложью надо бороться съ ними. Такимъ образомъ вы заставите ее и ѣсть, и спать и приведете въ прежній порядокъ то, что теперь вышло изъ колеи. Мнѣ такое лѣченіе удавалось, не знаю, сколько разъ; и я надѣюсь, что этотъ случай увеличитъ число моихъ успѣховъ. Примитесь за исполненіе этого, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ: повѣрьте, мы все уладимъ.

(Уходятъ).

277

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Сцена I.

Аѳины. Три жертвенника, изъ которыхъ одинъ посвященъ Марсу, другой Венерѣ, третій Діанѣ.

Трубы. Входятъ Тезей, Пиритой, Ипполита и свита.

Тезей.

Пускай войдутъ и здѣсь передъ богами
Мольбы свои повергнуть. Пусть весь храмъ

Священными огнями озарится,
Пусть облака святого фимиама
Над алтарями вознесутся къ тѣмъ,
Кто выше насъ; свершите всѣ обряды,
Затѣмъ, что дѣло важности высокой
Въ рукахъ боговъ: они почтутъ того,
Кто, мощный тѣломъ, съ вѣрною любовью
Имъ служить.

П и р и т о й .

Государь, они идутъ.

Раздаются звуки рожковъ. Входятъ Паламонъ и Аркитъ со своими рыцарями.

Тезей .

Вы, славные соперники-герои,
Вы, царственные кровные враги!
Насталъ тотъ день, который пламя дружбы
И близости, пылавшее межъ васъ,
Потушить. Позабудьте же на время
Раздоръ свой предъ священнымъ алтаремъ
И съ голубиной кротостью, съ мольбою
Къ богамъ, которыхъ каждый смертный чтить,
Свой непреклонный станъ вы преклоните.
Вашъ споръ важнѣй, чѣмъ споры прочихъ смертныхъ:
Безсмертная вамъ помощь тѣмъ нужнѣй.
Итакъ, по чистой совѣсти сражайтесь
И помните: вы на глазахъ боговъ!
Я ухожу, молитесь; я побѣды
Равно желаю каждому изъ васъ.

П и р и т о й .

Достойнѣйшій почтенъ да будетъ небомъ!

(Тезей и его дворъ удаляются).

П а л а м о н ъ .

Часы бѣгутъ и бѣгъ ихъ не прервется,
Пока одинъ изъ насъ не будетъ мертвъ.
Одно скажу тебѣ, Аркитъ: когда бы
Во мнѣ нашлось хоть что нибудь, что стало бѣ
Сопротивляться исполненью дѣла,
Которое я долженъ совершить, —
Будь это глазъ, возставшій противъ глаза,
Или рука, другой моей рукѣ
Помочь не пожелавшая, — ихъ мигомъ
Я уничтожилъ бы. И если я
Часть самого себя убить способенъ, —
Пойми, что долженъ сдѣлать я съ тобой!

А р к и т ъ .

Что до меня, — я приложу всѣ силы,
Чтобъ позабыть объ имени твоёмъ,
О нашей дружбѣ, нашей кровной связи,
Вообразивъ тебя враждебной силой,
Которую я долженъ поразить.
Итакъ, свои мы паруса распустимъ,
Куда жъ корабль примчится, — пусть рѣшаютъ
Небесные совершители судебъ.

П а л а м о н ъ .

Слова твои прекрасны. Предъ разлукой
Позволь же мнѣ обнять тебя, кузень.
Въ послѣдній разъ тебя я обнимаю.

А р к и т ъ .

Прости, кузень!

П а л а м о н ъ .

Прости въ послѣдній разъ.

(Они обнимаются; Паламонъ и его рыцари уходятъ).

А р к и т ъ .

Вы, родственные рыцари, вы жертвы
Любви моей, влюбленные и сами,
Вы, Марса слуги вѣрные, чей духъ
Избавилъ васъ отъ чувства страха, даже
Отъ мысли о возможности робѣть, —
Приблизьтесь вы со мною вмѣстѣ къ богу,
Которому привыкли мы служить!
Попросимъ, чтобы въ битвѣ предстоящей
Онъ далъ намъ сердце львовъ, отвагу тигровъ
И быстроту великую, чтобъ мы
Не медлили, улиткамъ уподобясь.
Вы знаете! что призь мой въ этой битвѣ
Извлечъ я долженъ изъ потоковъ крови;
Вы знаете, что мы должны свершить
Великій подвигъ мужества и силы,
Чтобъ мнѣ добыть вѣнокъ побѣды славной,
Въ который мнѣ красавица воткнетъ
Цвѣтовъ царицу, и должны мы будемъ
Все поле битвы кровью окропить.
Прошу васъ поддержать меня! Теперь же

Съ молитвой жаркой къ Марсу припадемъ.
*(Они подходятъ къ алтарю Марса, падаютъ
предъ нимъ ницъ, а потомъ становятся на колѣни).*

О ты, великій, грозный богъ, чья сила
Зеленый цвѣтъ Нептуна превращаетъ
Въ багровый; ты, котораго кометы
Страшатся; ты, который на поляхъ
Опустошенныхъ оставляешь груды
Непогребенныхъ мертвыхъ череповъ,
Сдуваешь яства со стола Цереры,
Рукою, въ сталь закованной, срываешь
Вершины башенъ изъ-подъ облаковъ,
Изъ камня твердый поясъ созидаетъ
Вкругъ городовъ и разрушаешь вновь, —
О, помоги мнѣ, твоему питомцу,
Наперсника грозы твоей наставъ,
Дай силу мнѣ и ловкость, чтобы гордо
Свое я поднѣлъ знамя въ честь твою
И сталь героемъ дня. О Марсь великій!
Тебя молю я знаменье послать,
Угодна ли тебѣ моя молитва!

*(Они снова простираются ницъ. Слышится стукъ оружія, затѣмъ
короткій громъ, какъ бы отъ шума битвы. Они встаютъ и кланяются
алтарю).*

О ты, великій, мощный исправитель
Съдыхъ времянь работы вѣковой,
Рѣшитель чести имени и сана,
Покрытыхъ пылью славною вѣковъ;
О ты, который кровью исцѣляешь
Болѣзнь земли и охраняешь міръ
Отъ лишняго избытка населенья,
Позволь же мнѣ считать благопріятнымъ
То знаменье, которое ты далъ,
И дѣйствовать съ отвагою во имя
Твое, великій! Рыцари, пойдѣмъ.

(Уходятъ).

Входятъ П а л а м о н ъ и его рыцари.

П а л а м о н ъ .

Должны теперь зажечься наши звѣзды
Сіяньемъ новымъ, или же навѣки
Онѣ погаснутъ. Нашъ девизъ — любовь,
И если тотъ девизъ любви богинѣ
Угоденъ, — намъ побѣду дастъ она.
Итакъ, соедините жъ ваши души
Съ моею; дѣло сердца моего
Пусть будетъ также личнымъ дѣломъ чести
Для вашихъ чистыхъ, доблестныхъ сердець!

Венерѣ весь нашъ подвигъ посвящая,
О помощи помолимся мы ей.
(Они подходятъ къ алтарю Венеры, простираются передъ нимъ и затѣмъ становятся на колѣни).
Привѣтствую тебя, богиня тайнъ!
Ты можешь нѣжной силою своею
Тирана злого ярость укротить,
Какъ дѣвушку, его заставивъ плакать;
Единымъ взглядомъ ты заставить можешь
Умолкнуть Марса грозный барабанъ,
Шумъ битвы въ сладкій шопотъ превращая.
Калѣка жалкій силою твоей
Способенъ вдохновиться: вмѣсто флейты
Сыграетъ онъ на костылѣ своемъ
Любовной нѣги сладостную пѣсню
И предъ очами Феба исцѣлится.
Захочешь ты — и, покорясь тебѣ,
Король вассаломъ подданнаго станетъ;
Закоренѣлый холостякъ, чья юность
Перескочила чрезъ твои огни,
Какъ прыгаютъ веселые ребята
Чрезъ праздничный костеръ, — попавшись въ сѣти
Твои, поетъ, назло охрипшей глоткѣ,
Любовные романсы. Что тебѣ,
Богиня, недоступно? Даже Феба
Ты согрѣваешь жарче, чѣмъ онъ самъ
Лучами грѣетъ; смертнаго онъ сына
Сожегъ, а твой огонь сжигаетъ бога!
Холодная Охотница сама,
Какъ говорятъ, была готова бросить
Свой лукъ для вздоховъ сладостной любви.
Молю тебя, какъ воинъ твой усердный:
Ко мнѣ, богиня милостива будь!
Всегда готовъ носить твое я иго
Безпрекословно, какъ вѣнецъ изъ розъ,
Хоть тяжелѣй оно, чѣмъ грузъ свинцовый,
И сердце жжетъ больнѣй крапивы злой.
Всегда я вѣренъ былъ твоимъ законамъ,
Священныхъ тайнъ твоихъ не раскрывалъ,
Да и не зналъ; но если бъ всѣ ихъ зналъ я,
То и тогда я не открылъ бы ихъ.
Я женъ чужихъ не увлекалъ любовью,
Нескромныхъ книгъ читать я не любилъ;
На пиршествахъ я гнусными рѣчами

Не увлекалъ красавицъ, но краснѣлъ,
Когда другіе гнусно поступали.
Развратниковъ сурово я бранилъ,
Имъ говоря: «ужели позабыли
Вы мать свою?» А самъ, имѣя мать,
Какъ женщину, ее не оскорблялъ я,
Увѣренный, что женщину обидѣть
Простительно лишь женщинѣ. И вотъ
Разсказывалъ я имъ, что зналъ однажды
Я старика восьмидесяти лѣтъ,
Который на четырнадцатилѣтней
Красавицѣ женился: ты, богиня,
Огонь любви вселила въ этотъ прахъ!

279

То былъ калѣка старый, кривоногій;
Отъ ревматизма пальцы всѣ въ узлахъ;
Глаза его, изъ впадинъ вылѣзая,
Готовились какъ будто выпастъ; жизнь
Была ему, казалось, лишь мученьемъ.
И что жъ? Несчастный этотъ полутрупъ
Имѣлъ ребенка отъ жены прекрасной!
Ребенокъ былъ его: она сама
Мнѣ въ томъ клялась, — и кто бъ ей не повѣрилъ?
Ну, словомъ, я для гнусныхъ болтуновъ,
Всегда грѣшить готовыхъ, — не товарищъ;
Отъ хвастуновъ, еще не согрѣшившихъ,
Съ презрѣньемъ отворачиваюсь я;
За тѣхъ, кто согрѣшилъ бы, но не встрѣтилъ
Возможности, — я радуюсь; того,
Кто повѣствуетъ о дѣлахъ безстыдныхъ,
Свершенныхъ тайно, — также и того,
Кто дерзко всѣ притоны называетъ, —
Я ненавижу. Я клянусь, что нѣтъ
Любовника вѣрнѣй меня! И нынѣ
Твоей, богиня, помощи прошу я:
Дай мнѣ побѣду въ битвѣ роковой, —
Я заслужилъ ее любовью вѣрной!
Пошли, богиня, знаменье свое,
Чтобъ я увѣренъ былъ, что ты довольна!

(Слышится музыка; появляются голубки, порхающіе надъ алтаремъ; Паламонъ и рыцари падаютъ ницъ, затѣмъ становятся на колѣни).

Великая, прекрасная богиня,
У смертныхъ отъ одиннадцати лѣтъ
Царящая въ сердцахъ до девяноста, —
Ты, чьей охоты поле — цѣлый міръ,
А мы — лишь дичь, гонимая тобою, —
Благодарю за знаменье твое!
Имъ сердце ты мое вооружаешь
Невинное, чтобъ смѣло шелъ я въ бой!
Вставайте же; богинѣ поклонившись,
Пойдемъ отсюда: время истекло.

(Они кланяются алтарю и уходятъ).

Раздается тихая музыка; входитъ Эмилиа въ бѣломъ платьѣ, съ волосами, распущенными по плечамъ, и въ вѣнокъ изъ колосьевъ; одна изъ дѣвушекъ, въ бѣломъ платьѣ, несетъ ея шлейфъ; волосы ея убраны цвѣтами; другая несетъ впереди серебряный сосудъ съ ладаномъ и благоуханіями и ставитъ его передъ алтаремъ Діаны. Дѣвушки становятся поодаль, а одна изъ нихъ зажигаетъ огонь на алтарѣ. Онѣ дѣлаютъ реверансъ передъ алтаремъ и становятся на колѣни.

Эмилиа.

О ты, богиня хладная, святая,
Царица ночи, въ гордомъ постоянствѣ
Отъ всѣхъ страстей свободная, нѣмая, —
Одна царишь ты въ сладкой тишинѣ
И въ молчаливомъ созерцаньи міра,
Чиста, какъ цѣломудріе само,
Бѣла, какъ снѣгъ, носимый легкимъ вѣтромъ;
И даже въ дѣвахъ, воинахъ твоихъ,
Ты допускаешь крови лишь настолько,
Насколько нужно для румянца щекъ,
Который есть знакъ ордена Діаны.
Какъ дѣвственная жрица, предъ тобой,
Богиня, я колѣна преклоняю;
О, удостой взглянуть зеленымъ окомъ,
Которое не зрѣло никогда
Нечистыхъ дѣлъ, на трепетную дѣву
Твою; склони, сребристая богиня,
Свой слухъ, который былъ всегда закрытъ
Для грубыхъ словъ и для нескромныхъ звуковъ,
Къ мольбѣ моей, которую теперь
Я приношу тебѣ въ священномъ страхѣ.
Въ послѣдній разъ, какъ дѣвственница, я
Молюсь тебѣ; одѣта я невѣстой,
Но сердцемъ — дѣва; выхожу я замужъ,
Но за кого, — не знаю; одного
Изъ двухъ должна я выбрать и побѣду

Послать ему молю тебя, но выборъ
Пусть не зависитъ отъ меня; когда бы
Рѣшила я сама, то я сказала бь:
Равны они! Губить ни одного
Я не хочу, и если кто погибнетъ, —
Пусть будетъ онъ не мною осужденъ!
А потому, о скромная богиня,
Побѣду дай тому, кто больше любитъ
Меня и больше правъ имѣеть: пусть
Съ меня снимаетъ онъ вѣнецъ мой брачный, —
Иль повели мнѣ до окончанья дней
Продлить безбрачья нить, остаться дѣвой,
Какъ предъ тобой я дѣвой предстою.
*(Серебряный сосудъ исчезаетъ подъ алтаремъ; на его мѣсть
появляется дерево съ розою на вершинѣ).*
Такъ вотъ каковъ, владычица благая
Приливовъ и отливовъ, твой отвѣтъ,
Изъ недръ святого алтаря возставшій!
Одна лишь только роза! Если вѣрно
Я поняла, отвѣтъ твой означаетъ,
Что въ битвѣ оба витязя падутъ,
И я одна останусь, безъ супруга,
Какъ дѣвственный, не сорванный цвѣтокъ!
*(Раздаются внезапные звуки инструментовъ и роза падаетъ съ дерева,
которое исчезаетъ подъ алтаремъ).*
Цвѣтокъ упалъ, за нимъ исчезло древо.
Богиня, облегчаешь ты меня!
Я вижу, что супруга получу я,

280

Но воли все жъ не знаю я твоей:
Она покрыта тайной. *(Встаетъ)*. Я надѣюсь,
Что угодила я своей молитвой:
Ко мнѣ богини милостивъ отвѣтъ.
(Уходитъ).

Сцена II.

Аѳины. Комната въ тюрьмѣ.

Входятъ докторъ, тюремщикъ и женихъ въ одежду Паламона.

Докторъ.

Ну, что жъ, помогъ ли мой совѣтъ?

Женихъ.

Да, очень:

Знакомыя дѣвицы, къ ней придя,
Ее почти совсѣмъ ужъ убѣдили,
Что я — самъ Паламонъ; чрезъ полчаса
Она пришла ко мнѣ и, улыбаясь,
Спросила, что я ѣмъ, и не хочу ли
Поцѣловать ее. На это я
Отвѣтилъ ей: «хочу, мой другъ», и дважды
Поцѣловалъ.

Докторъ.

Отлично! Двадцать разъ —
Еще бы лучше: въ этомъ все лѣчение.

Женихъ.

Затѣмъ она сказала мнѣ, что будетъ
Безъ сна всю ночь, чтобъ уловить тотъ часъ,
Когда я къ ней почувствую влечение.

Докторъ.

Пускай; когда влечение то придетъ, —
Его сейчасъ же удовлетворяйте.

Женихъ.

Затѣмъ она меня просила спѣть.

Докторъ.

Что жъ, пѣли вы?

Женихъ.

О, нѣтъ!

Докторъ.

Ну, это плохо:

Во всемъ ей надо угождать.

Женихъ.

Увы!

Вѣдь голоса я, докторъ, не имѣю!

Докторъ.

Ну, все равно! какой-нибудь хоть звукъ
Издайте; все, чего бъ ни попросила,
Ей дѣлайте; захочетъ, — лягте съ нею.

Тюремщикъ.

Ну, докторъ!

Докторъ.

Да; такъ требуетъ лѣчение.

Тюремщикъ.

Но прежде надо помнить то, чего
Честь требуетъ.

Докторъ.

Вотъ нѣжности пустыя!
Иль честь дороже вамъ, чѣмъ ваша дочь?
Сперва ее намъ вылѣчить вы дайте,
А послѣ, если ваша дочь честна,
Она пойдетъ впередъ!

Т ю р е м щ и к ъ .

Спасибо, докторъ.

Д о к т о р ъ .

Нельзя ль позвать ее сюда? Хочу
Ее я видѣть.

Т ю р е м щ и к ъ .

Я схожу за нею,

Скажу, что Паламонъ ее зоветъ;
Но, докторъ, не опасно ль? (*Уходитъ*).

Д о к т о р ъ .

Ладно, ладно!

Вы всѣ, отцы, порядочные дурни;
Скажите: честь ея ему нужна!
Вотъ мы дадимъ лѣкарство, такъ увидимъ...

Ж е н и х ъ .

Какъ, докторъ, развѣ думаете вы,
Что не честна она?

Д о к т о р ъ .

А сколько лѣтъ ей?

Ж е н и х ъ .

Ей — восемнадцать.

Д о к т о р ъ .

Можетъ быть, честна;

Но это все равно для нашей цѣли,
И, чтобъ ея отецъ ни говорилъ,
Какъ только вы замѣтите, что мысли
Ея склонны, — знаете, къ тому,
Videlicet, — ну, словомъ, къ дѣлу плоти, —
Надѣюсь я, вы поняли меня?

Ж е н и х ъ .

Да, докторъ, понялъ.

Д о к т о р ъ .

Удовлетворите

Вы аппетитъ ея, да хорошенько:

Тогда вся меланхолія ея

Излѣчится сейчасъ же, ipso facto.

Женихъ.

Да, я согласенъ, докторъ.

Докторъ.

Ужъ повѣрьте,

Что будетъ такъ. Но вотъ она идетъ:

Развеселить ее вы постарайтесь.

Входятъ тюремщикъ, дочь его и служанка.

Тюремщикъ.

Иди, дитя; твой Паламонъ здѣсь ждетъ

Ужъ цѣлый часъ: тебя онъ хочетъ видѣть.

Дочь тюремщика.

Его благодарю я за терпѣнье;

Онъ добръ; я такъ обязана ему!

Вы видѣли, онъ подарилъ мнѣ лошадь?

Тюремщикъ.

Да.

Дочь тюремщика.

Правда, конь хорошъ?

Тюремщикъ.

Великолѣпный.

Дочь тюремщика.

Вы видѣли, какъ этотъ конь танцуетъ?

Тюремщикъ.

Нѣтъ.

Дочь тюремщика.

Я видѣла; ахъ, какъ онъ красивъ!

Особенно онъ быстръ и ловокъ въ джигъ:

Совсѣмъ волчокъ!

Тюремщикъ.

Да, это хорошо.

Дочь тюремщика.

Пройти онъ можетъ мавританскимъ танцемъ

Въ часъ двадцать миль, — а это утомить

Любую деревянную лошадку,

Хоть лучшую во всемъ приходѣ нашемъ.

Къ тому же онъ танцуетъ подъ мотивъ

Извѣстной пѣсни «Свѣтъ любви». Неправда ль,

Чудесный конь?

Тюремщикъ.

Пожалуй, онъ уменъ

Настолько, что и въ мячъ сыграть онъ можетъ?

Дочь тюремщика.

Ахъ, нѣтъ!

Тюремщикъ .

Читать, писать умѣеть онъ?

Дочь тюремщика .

Отлично пишетъ: превосходный почеркъ!

Онъ самъ ведетъ счетъ сѣна и овса,

И конюху, который захотѣлъ бы

Его надуть, пришлось бы не легко.

Не знаете ль кобылу вы гнѣдую

На герцогской конюшнѣ?

Тюремщикъ .

Да.

Дочь тюремщика .

Она

Въ него ужасно влюблена, бѣдняжка;

Но онъ, какъ господинъ его, суровъ

И скромень.

Тюремщикъ .

Есть приданое за нею?

Дочь тюремщика .

За нею сѣна двѣсти есть возовъ

И двадцать мѣръ овса. Но онъ не хочетъ

И знать о ней: онъ сладострастно ржетъ,

Когда завидитъ мельника кобылу,

Которую готовъ онъ соблазнить.

Докторъ .

Что за ужасный вздоръ она болтаетъ?

Тюремщикъ .

Ну, что же, сдѣлай реверансъ: вѣдь вотъ

Возлюбленный твой здѣсь.

Женихъ .

Какъ поживаешь,

Красавица? Вотъ милая дѣвица!

И какъ прекрасно сдѣланъ реверансъ!

Дочь тюремщика .

Къ услугамъ вашимъ, сколько честь позволить.

Не можете ль сказать мнѣ, господа,

Далеко ли отъ этихъ мѣстъ край свѣта?

Докторъ .

Пожалуй, цѣлый день пути.

Дочь тюремщика .

Хотите

Со мной идти туда?

Женихъ.

Но что же будемъ

Мы дѣлать тамъ?

Дочь тюремщика.

Что? Мы сыграемъ въ мячъ.

Чего же больше дѣлать тамъ?

Женихъ.

Отлично;

Нельзя ли нашу свадьбу тамъ сыграть?

Дочь тюремщика.

Да, это вѣрно. Тамъ найти мы можемъ

Священника слѣпого, чтобы насъ

Онъ обвѣнчалъ; а здѣшніе всѣ глупы

И слишкомъ привередливы; къ тому же

Повѣсятъ завтра моего отца,

И это можетъ намъ испортить дѣло.

Вы — Паламонъ?

Женихъ.

Вѣдь, знаешь ты меня?

Дочь тюремщика.

Да, но меня вы знать не захотите;

Вѣдь, у меня нѣтъ ничего: вотъ эта

Лишь юбочка, да двѣ плохихъ рубашки.

Женихъ.

Мнѣ все равно: хочу владѣть тобою.

Дочь тюремщика.

Серьезно?

Женихъ.

Да, клянусь твоей рукой.

Дочь тюремщика.

Ну, такъ пойдёмъ въ постель.

Женихъ (*цѣлуя ее*).

Когда угодно.

Дочь тюремщика.

О, какъ охотно лакомитесь вы!

Женихъ.

Зачѣмъ же ты мой поцѣлуй стираешь?

Дочь тюремщика.

Онъ очень сладокъ; какъ меня прекрасно

Онъ къ нашей свадьбѣ надушить! А это,

Вѣдь, вашъ кузень Аркитъ?

Докторъ.

Да, дорогая.

Какъ радъ я, что кузень мой Паламонъ
Такой прекрасный выборъ сдѣлалъ!

Дочь тюремщика.

Правда?

Онъ женится на мнѣ?

Докторъ.

Ну да, конечно.

Дочь тюремщика.

И вы того же мнѣнья?

Тюремщикъ.

Да.

Дочь тюремщика.

У насъ

Дѣтей родится много. Ахъ, какъ сильно
Вы выросли! И другъ мой Паламонъ,
Надѣюсь, тоже вырастетъ: вѣдь снова
Свободенъ онъ. Ахъ, онъ, голубчикъ мой,
Такъ долго не имѣлъ ѣды хорошей
И даже крова былъ лишень! Но я
Поправлю все, его цѣлуя нѣжно.

Входитъ вѣстникъ.

Вѣстникъ.

Что дѣлаете вы? Вѣдь, вы лишитесь
Прекраснѣйшаго зрѣлища.

Тюремщикъ.

Бойцы

Ужъ на аренѣ?

Вѣстникъ.

Да; и вамъ тамъ надо

Быть непременно.

Тюремщикъ.

Я сейчасъ иду. (*Къ доктору*).

Я долженъ васъ покинуть.

Докторъ.

Вмѣстѣ съ вами

И я пойду; и я хочу смотрѣть.

Тюремщикъ.

Какъ вы ее находите?

Докторъ.

Ручаюсь,

Что въ два-три дня мы все поправимъ вамъ.
(*Жениху*). Смотрите жъ, отъ нея не отходите
И не давайте ей сходить съ пути.

Женихъ.

Докторъ.

Пусть она свое получитьъ.

Женихъ.

Душа моя, пойдёмъ теперь объдать,
А послѣ въ карты будемъ мы играть.

Дочь тюремщика.

И будемъ цѣловаться?

Женихъ.

О, конечно,

Хоть сотню разъ.

Дочь тюремщика.

И двадцать?

Женихъ.

Да, и двадцать.

Дочь тюремщика.

А послѣ мы и спать пойдёмъ вдвоемъ?

Докторъ.

Скорѣ принимайте предложеніе.

Женихъ.

Охотно.

Дочь тюремщика.

Но не сдѣлайте мнѣ больно.

Женихъ.

Спокойна будь.

Дочь тюремщика.

А то я закричу!

(Уходятъ).

Сцена III.

Часть лѣса близъ Аѳинъ, недалеко отъ мѣста, назначеннаго для битвы.
Трубы. Входятъ Тезей, Ипполита, Эмилія, Пиритой *и свита.*

Эмилія.

Я дальше не пойду.

Пиритой.

Какъ, развѣ можно

Себя такого зрѣлица лишать?

Эмилія.

Пожалуй, я охотно бы смотрѣла,

Какъ ловко ловить муху королекъ,
Но не хочу смотрѣть на эту битву,
Гдѣ каждый изъ ударовъ угрожаетъ
Сгубить навѣки доблестную жизнь,
Гдѣ каждый взмахъ грозитъ тяжелой раной,
Гдѣ лязгъ мечей есть похоронный звонъ.
Довольно, что мой слухъ терзаться будетъ,
Когда услышитъ горестную вѣсть,
Къ которой не могу я быть глухою.
Такъ пусть же хоть глаза мои не видятъ
Того, что имъ ужасно.

П и р и т о й .

Государь,

Сестра твоя идти не хочетъ дальше.

Т е з е й .

Она должна идти, чтобъ лицезрѣть
Великія дѣла отважной чести
Въ прекрасномъ исполненьи; здѣсь сама
Природа намъ исторію напишетъ;
Такъ пусть же слухъ и зрѣнье закрѣпятъ
Объ этой битвѣ доблестную память.
И ты должна присутствовать, сестра:
Вѣдь ты награда, призь, вѣнецъ побѣды, —
Твой долгъ судьбы рѣшенье увѣнчать.

Э м и л і я .

Прости, мой братъ: но если бѣ тамъ была я, —
Глаза бы я закрыла.

Т е з е й .

Этотъ бой

Есть ночь, гдѣ ты одна звѣздой быть можешь.

Э м и л і я .

Затмилась та звѣзда; имъ нуженъ свѣтъ
Лишь для того, чтобъ отыскать другъ друга;
Такъ пусть же Тьма, мать Ужаса, проклятье
Несущая миллионамъ смертныхъ, нынѣ
Свой черный плащъ наброситъ на обоихъ,
Чтобъ другъ отъ друга скрыть ихъ; пусть она
Хоть этимъ имя доброе заслужитъ
И оправдаетъ нѣсколько убійць
Въ томъ, въ чемъ она сама одна виновна.

Т е з е й .

Но ты должна идти.

Э м и л і я .

О нѣтъ, клянусь,
Я не пойду.

Тезей.
Своимъ прекраснымъ взоромъ
Ты мужество у рыцарей зажжешь.
Подумай: ты — предметъ войны; конечно,
При ней ты и присутствовать должна.

Эмилиа.
Нѣтъ, государь, прости: война за царство
И внѣ его быть можетъ ведена.

284

Тезей.
Что дѣлать; какъ желаешь. Тѣ особы,
Которыя останутся съ тобой,
Могли бы, право, пожелать свой жребій
Своимъ врагамъ.

Ипполита.
Прощай, сестра; недолго
Мнѣ ждать, когда предстанетъ предъ тобой
Супругъ твой. Боги знаютъ, кто есть лучший
Изъ двухъ, и буду я боговъ молить,
Чтобъ лучшаго тебѣ они избрали.
(Уходятъ всѣ, кромѣ Эмилии и немногихъ лицъ изъ свиты).

Эмилиа.
Аркитъ красивъ, но есть въ его глазахъ
Какъ будто хитрость; такъ бываетъ спрятанъ
Въ ножнахъ красивыхъ, мягкихъ — острый ножъ.
Въ немъ мужество и мягкость сочетались.
А Паламонъ имѣетъ грустный видъ:
Онъ часто хмуритъ брови, гнѣвнымъ взоромъ
Какъ будто хочетъ насмерть поразить.
Но не всегда таковъ онъ; настроенье
Мѣняетъ весь лица его характеръ.
Внимателенъ и дологъ взоръ его
И грустный видъ красавца благородень
Настолько жъ, какъ веселый видъ Аркита.
И грусть и радость такъ смѣшались въ немъ,
Что въ грусти виденъ радости отгѣнокъ,
А въ радости его — печали слѣдъ,
И сумрачность, которая бываетъ
Въ другихъ такъ непріятна, только красить
Его лицо.

(Раздаются звуки рожковъ; за сценой трубятъ къ атакѣ).

Чу, тамъ уже трубятъ
И возбуждаютъ принцевъ къ состязанью.
Аркитъ меня, быть можетъ, завоюетъ;
Однако же: что, если Паламонъ
Его такъ ранить, что совсѣмъ испортитъ
Ему лицо? Какъ это было бѣ жаль!
Когда бѣ я тамъ была, то имѣ, пожалуй,
Я повредила бѣ: на меня взглянувъ,
Одинъ изъ нихъ забылъ бы защищаться
Иль упустилъ бы случай къ нападенью;
Гораздо лучше, что меня тамъ нѣтъ!
Да, было бѣ лучше вовсе не родиться,
Чѣмъ быть такого бѣдствія виной.
(Звуки рожковъ и громкій крикъ «Паламонъ!» за сценой).
Что тамъ случилось?

С л у г а .

Имя Паламона

Народъ провозглашаетъ.

Э м и л і я .

Это значить,

Что Паламонъ побѣду одержалъ.
Да, это было очень вѣроятно:
Весь видъ его сулилъ ему успѣхъ;
Конечно, изъ мужей онъ — самый лучший.
Поди, узнай подробнѣе, въ чемъ дѣло,
И расскажи.
(Снова звуки рожковъ и крики «Паламонъ!» за сценой).

С л у г а .

Вновь крики «Паламонъ!»

Э м и л і я .

Бѣги, узнай. *(Слуга уходитъ)*. О, мой слуга несчастный,
Ты побѣжденъ! Портретъ твой я носила
Здѣсь, на груди, на правой сторонѣ,
На лѣвой же — портретъ былъ Паламона.
Сама не знаю, почему я такъ
Ихъ помѣстила: такъ судьба хотѣла;
А сердце, вѣдь, на лѣвой сторонѣ, —
И этотъ знакъ былъ въ пользу Паламона.
(Снова раздаются за сценой крики и звуки рожковъ).

Вновь взрывы крика. Это означаетъ,
Навѣрное, что конченъ этотъ бой.

С л у г а *(входя)*.

Сказали мнѣ, что Паламонъ Аркита

Почти до пирамиды отгѣснилъ,
И всѣ кричали «Паламонъ»; но быстро
Союзники Аркита взяли верхъ
И снова обѣ стороны сравнялись.

Эмилія.

О боги, если бѣ оба въ одного
Вдругъ превратились! Нѣтъ, тогда бы, право,
И женщины на свѣтѣ не нашлось,
Которая была бѣ его достойна.
Ихъ личныя достоинства, ихъ доблесть,
Особая для каждаго изъ нихъ, —
Ихъ дѣлаютъ неравными: на свѣтѣ
Нѣтъ женщины, которая была бы
Обоимъ имъ равна.

(За сценой звуки рожковъ и крики «Аркитъ, Аркитъ!»).

Опять кричать?

И снова «Паламонъ»?

Слуга.

О, нѣтъ: Аркита

Теперь провозглашаютъ.

Эмилія.

Напряги

285

Весь слухъ свой: пусть внимаютъ оба уха.

(За сценой звуки рожковъ, большой шумъ и крики: «Аркитъ, Аркитъ, побѣда!»).

Слуга.

Теперь кричатъ, что побѣдилъ Аркитъ;
Вы слышите: «Аркитъ, Аркитъ, побѣда!»
И громко возвѣщаютъ звуки трубъ
Конецъ сраженья.

Эмилія.

Даже близорукій

Могъ видѣть, что Аркитъ — не мальчикъ слабый.
Богатство духа доблестнаго въ немъ
Сквозило ясно, — не могло укрыться,
Какъ скрыть нельзя огня въ мѣшкѣ, какъ мели
Не могутъ скрыться подѣ водой, когда
Съ нихъ бурный вѣтеръ воду всю сгоняетъ.
Я думала, что побѣдитъ Аркитъ;
Не знаю, почему мнѣ такъ казалось:

Разсудокъ нашъ — плохой пророкъ; лишь сердце
Предчувствуетъ. Но вотъ они идутъ...
Ахъ, бѣдный Паламонъ!

*Звуки рожковъ за сценой. Входятъ Тезей, Ипполита, Пиритой, Аркитъ въ
качества побѣдителя и свита.*

Тезей.

Здѣсь въ ожиданьи
Тревогою сестра томится наша.
Прекрасная Эмилія, тебѣ
Боговъ велѣнемъ дань вотъ этотъ рыцарь, —
Прекраснѣе его на свѣтѣ нѣтъ.
Итакъ, соедините жъ ваши руки;
Возьми ее, Аркитъ, а ты его,
Эмилія, и пусть всегда межъ вами
Растетъ любовь, сильнѣй изъ года въ годъ.

Аркитъ.

Эмилія, чтобъ могъ тебя купить я,
Лишиться былъ я принужденъ того,
Что было мнѣ всего дороже въ мірѣ, —
Конечно, кромѣ лишь одной тебя.
Но, на твои достоинства взирая,
Я вижу, что я дешево купилъ.

Тезей.

Сестра моя! Онъ говоритъ, какъ лучшій
Изъ рыцарей, когда либо сѣдлавшихъ
Горячаго коня. Холостякомъ
Его должны бы, право, боги сдѣлать,
Чтобъ черезчуръ божественнымъ потомствомъ
Не населилъ онъ міръ. Я очарованъ
Такъ сильно имъ, что, кажется, Алкидъ
Въ сравненьи съ нимъ — кусокъ свинца простого:
Въ какомъ бы отношеньи я ни сталъ
Хвалить его, — ни въ чемъ не уступилъ бы
Аркитъ, — скорѣй бы даже превзошелъ!
Однажды ночью мнѣ случилось слышать
Двухъ соловьевъ прекрасныхъ состязанье;
То начиналъ одинъ одолѣвать,
То вновь другой соперникъ отличался,
То снова первый бралъ, казалось, верхъ,
И долго длился споръ ихъ безъ рѣшенья.
Такъ точно здѣсь былъ дологъ споръ двухъ братьевъ
Двоюродныхъ, и вотъ, въ концѣ концовъ,
Богами намъ указанъ побѣдитель.
Итакъ, носи жъ побѣдный свой вѣнецъ

Съ отрадой въ сердцѣ. Что жъ до побѣжденныхъ,
То пусть сейчасъ же ихъ ведутъ на казнь:
Имъ жизнь теперь, — я знаю, только бремя.
Пуškai на этомъ мѣстѣ ихъ казнятъ,
Но мы при томъ присутствовать не будемъ:
Уйдемъ отсюда мы съ отрадой въ сердцѣ,
Хотя съ отгѣнкомъ грусти. Ипполита,
Въ глазахъ твоихъ замѣтилъ я слезу,
Готовую упасть.

Эмилія.

И вотъ — побѣда!

О боги, гдѣ же ваше милосердье?
И если ваша воля такова,
Чтобъ за меня погибъ, лишенный друга,
Несчастный этотъ принцъ, чья жизнь дороже
Всѣхъ женщинъ въ мірѣ, — пусть тогда погибну
И я съ нимъ вмѣстѣ!

Ипполита.

Безконечно жаль,
Что для того, чтобъ сочетались дружно
Двѣ пары глазъ, — должна навѣки третья
Закраться!

Тезей.

Что же дѣлать, — это такъ.
(Трубы. Уходятъ).

Сцена IV.

То же мѣсто въ лѣсу. Приготовлена плаха.

Входятъ Паламонъ и его рыцари, въ цѣпяхъ; за ними тюремщикъ, палачъ и стража.

Паламонъ.

Иные люди сохраняютъ жизнь,
За то любовь народную теряютъ;
Бываетъ даже, что отецъ при жизни

Любовь своихъ теряетъ сыновей;
Пусть это намъ послужитъ утѣшенемъ.
Мы здѣсь умремъ, но будутъ насъ жалѣть:
Хотѣли бъ люди, чтобъ мы долго жили;
Мы смертію своей предупредимъ
Всѣ огорченья старости унылой,

Подагры злой, одышки избѣжимъ,
Которыя встрѣчаютъ посѣдѣвшихъ.
Мы юными и чистыми придемъ
Къ богамъ, не отягченные грѣхами:
Богамъ пріятенъ будетъ нашъ приходъ
И нектаръ, вѣрно, намъ они предложатъ,
Какъ чистымъ душамъ. Милые собратья,
Чѣмъ я могу еще утѣшить васъ
За то, что вы сейчасъ лишитесь жизни?
Такъ дешево вы продали ее.

Первый рыцарь.

О, нѣтъ; исходомъ мы вполне довольны.
Какое преимущество надъ нами
Имѣютъ побѣдители? Лишь счастье!
Мгновенна эта выгода, а смерть
Всѣмъ людямъ неизбежна; что жъ до чести,
То въ насъ ея ни на волосъ не меньше,
Чѣмъ въ нихъ.

Второй рыцарь.

Итакъ, «прости» другъ другу скажемъ
И досадимъ своимъ терпѣньемъ стойкимъ
Измѣнчивой Фортунѣ, чьи пути
Невѣрны даже въ самомъ вѣрномъ дѣлѣ.

Третій рыцарь.

Кто жъ первый начинаетъ?

Паламонъ.

Тотъ, конечно,

Кто пригласилъ васъ всѣхъ на этотъ пиръ.
(Тюремщику). А, другъ мой, и тебя я здѣсь встрѣчаю!
Когда-то дочь красавица твоя
Меня освободила, а сегодня,
Какъ видишь, я навѣкъ освобожусь!
Какъ поживаетъ дочь твоя? Я слышалъ,
Что не совсѣмъ она здорова: это
Мнѣ было грустно.

Тюремщикъ.

Принцъ, теперь она
Поправилась и скоро выйдетъ замужъ.

Паламонъ.

Клянусь остаткомъ жизни: очень радъ!
И ей прошу сказать, что эта радость
Моей послѣдней радостью была.
Ей передай поклонъ мой, а вотъ это
Ты приложи къ приданому ея.

(Даетъ кошелекъ).

Первый рыцарь.

Позволь намъ всѣмъ участвовать.

Второй рыцарь.

Вѣдь это

Дѣвица?

Паламонъ.

Да, добрейшее созданье,

Которому обязанъ я такъ много,

Что никогда не могъ бы заплатить.

Всѣ рыцари *(давая кошельки)*.

Привѣтъ нашъ передай ей.

Тюремщикъ.

Пусть васъ боги

Всѣхъ наградятъ и пусть велятъ, чтобъ вѣчно

Она благодарила васъ!

Паламонъ.

Прощай;

Пусть жизнь мою теперь возьмутъ такъ скоро,

Какъ скоро я простился.

Рыцари.

Начинай,

Кузень отважный! Всѣ мы за тобою

Пойдемъ на смерть съ отрадой.

(Паламонъ кладетъ свою голову на плаху. За сценой раздается сильный шумъ и крики: «бѣгите, спасите, остановите!»).

Вѣстникъ *(вбѣгая)*.

Стойте, стойте!

Пиритой *(входя)*.

Стой, стой, стой, стой! Будь проклята поспѣшность,

Остановитесь!.. Храбрый Паламонъ,

Знай: въ жизни той, которую ты снова

Теперь начнешь, желаютъ боги славу

Свою явить.

Паламонъ.

Какъ можетъ это быть?

Вѣдь я сказалъ, что не права Венера.

Что тамъ случилось?

Пиритой.

Встань, великій принцъ,

И выслушай извѣстье, сердцу вмѣстѣ

И сладкое, и горькое.

Паламонъ *(вставая)*.

Въ чемъ дѣло?

П и р и т о й .

Аркитъ, кузень твой,

Сѣлъ на коня, котораго ему
Эмилиа когда то подарила.
Конь этотъ черень; бѣлаго на немъ
Нѣтъ волоска; поэтому онъ многимъ
Не нравится; они бы ни за что
Себѣ такую лошадь не купили, —
И оправдалось суевѣрье ихъ!
Сѣвъ на коня, Аркитъ на немъ поѣхалъ,
Не торопясь, по улицамъ Аѳинъ;
Конь смирно шель, копытами своими
Какъ бы считая камни мостовой, —
Онъ милю вмигъ бы за собой оставилъ,
Когда бѣ сѣдокъ его поторопилъ.
Такъ подвигался онъ впередъ, гарцуя,
Какъ бы внимая музыкѣ подковъ,
Которыхъ звонъ былъ, точно, музыкалень.
Какъ вдругъ одинъ завистливый кремень,
Холодный, какъ Сатурнъ, и затаившій
Въ себѣ, какъ онъ, пылающую злобу,
Далъ искру, или вдругъ изъ-подъ подковъ
Откуда то огонь явился сѣрный;
Горячій конь, самъ пылкій, какъ огонь,
Взбѣсился, сталъ неистово метаться,
То прыгалъ, то взвивался на дыбы,
И позабылъ свою всю дрессировку,
Хоть выѣзженъ былъ очень хорошо;
Какъ поросенокъ, онъ визжалъ, свирѣпо
Грызъ удила, стараясь ихъ сломать,
И ничего не слушался; всѣ силы
Упрямства злого, бѣшенства, коварства —
Онъ въ ходъ пустилъ, чтобъ сбросить сѣдока,
Державшаго узду рукою крѣпкой;
Когда жъ ничто не помогло, — уда
Не порвалась, не лопнула подпруга,
И бѣшенымъ прыжкомъ не удалось
Ослабить силу всадника, который
Приросъ къ сѣдлу, держа коня въ ногахъ, —

То быстро конь на заднія всталъ ноги,
Такъ круто, что Аркитъ внизъ головой
Повисъ, и съ головы его свалился
Вѣнокъ побѣдный; вслѣдъ затѣмъ назадъ
Упала лошадь, тяжестью своею
Обрушась на Аркита. Онъ покамѣстъ
Не умеръ, но подобенъ кораблю,
Который только ждетъ волны ближайшей,
Чтобъ потонуть. Онъ хочетъ говорить
Съ тобой. Но вотъ онъ самъ сюда явился.

Входятъ Тезей, Ипполита, Эмилиа; Аркита *вносятъ на кресль.*

П а л а м о н ь .

Какъ грустно нашъ кончается союзъ!
О боги, вы могучи! Если силы
Тебѣ еще позволять, другъ Аркитъ,
Скажи свое послѣднее мнѣ слово!
Я Паламонъ; люблю тебя душою
Въ послѣдній часъ твой!

А р к и т ь .

Паламонъ, возьми

Эмилию и съ ней всю радость міра.
Подай свою мнѣ руку — и прости.
Я былъ неправъ, но не измѣнникъ дружбѣ.
Прости меня, кузень. Теперь одинъ
Лишь поцѣлуй Эмилиі прекрасной.

(Цѣлуетъ ее).

Возьми ее, мой другъ. Я умираю.

(Умираетъ).

П а л а м о н ь .

Твой храбрый духъ въ Элизіумъ помчится!

Э м и л і я .

Глаза твои я закрываю, принцъ;
Среди блаженныхъ душъ да поселится
Душа твоя! Прекраснымъ человѣкомъ
Ты былъ, и этотъ день, пока жива,
Я посвящу слезамъ.

П а л а м о н ь .

И я всѣмъ сердцемъ

Тотъ день чтить буду.

Т е з е й .

Здѣсь, на этомъ мѣстѣ

Сражались вы, и я прервалъ вашъ бой.
О Паламонъ, богамъ благодаренье
Воздай за то, что жизнь ты сохранилъ!

Аркитъ, кузень твой, роль свою окончилъ;
Хоть коротка была она, но славно
Исполнилъ онъ ее; твои же дни
Должны продлиться: ихъ благословила
Роса небесъ. Могучая Венера
Присутствіемъ почтила свой алтарь
И дивный даръ любви тебѣ вручила;
Владыка Марсъ Аркиту показаль
Благоволенье, давъ ему побѣду;
Такъ справедливость оба божества
Явили намъ. Несите трупъ отсюда.

П а л а м о н ь .

О дорогой кузень мой! Отчего
Стремимся мы всегда къ тому, что снова
Приноситъ намъ потерю! Почему
Нельзя владѣть безцѣнною любовью,
Не потерявъ безцѣнную любовь!

Т е з е й .

На этотъ разъ была игра Фортуны
Изысканно тонка, какъ никогда.
Кто побѣжденъ, — побѣду торжествуетъ,
Кто побѣдилъ, — лишень ея плодовъ;

288

Тотъ и другой равно почтенъ богами.
О Паламонъ, кузень твой самъ призналь,
Что право на невѣсту — за тобою;
Ее ты первый увидалъ, ты первый
Провозгласилъ, что любишь ты ее;
Завоевавъ ее, онъ драгоценность
Твою похитилъ, умирая жъ — вновъ
Ее тебѣ онъ возвратилъ, желая
Уйти въ тотъ міръ съ прощеньемъ отъ тебя.
Такъ боги судъ изъ рукъ моихъ изъяли,
Желая сами должное воздать.
Итакъ, возьми веди свою невѣсту
И отъ порога смерти призови
Друзей своихъ, которые моими
Друзьями стануть. Будемъ мы скорбѣть
День или два до похоронъ Аркита,
А послѣ, свѣтлый брачный видъ принявъ,
Мы возликуемъ вмѣстѣ съ Паламономъ,

Котораго всего лишь часъ назадъ
Мнѣ было жаль, какъ жаль теперь Аркита.
О чародѣи вышніе небесъ,
Что вы творите съ нами! Мы ликуемъ
О томъ, что суждено намъ потерять,
Скорбимъ о томъ, что будетъ намъ на радость!
Мы дѣти передъ вами! Благодарность
Примите же отъ насъ и намъ простите
Сужденія о томъ, что выше насъ!
Итакъ, пойдёмъ же и свой долгъ исполнимъ.
(Уходятъ).

ЭПИЛОГЪ.

Нельзя ль узнать о пьесѣ ваше мнѣнье?
Признаться, ваше выслушать сужденье,
Какъ школьникъ, я боюсь. Позвольте мнѣ
Взглянуть на васъ. Никто не улыбнется?
Ну, если такъ, то плохо намъ придется.
Пусть ктонибудь, въ сердечной глубинѣ
Въ красавицу влюбленный, — здѣсь найдется
Такой, конечно, — вставъ, освищеть насъ
И этимъ насъ погубить въ тотъ же часъ,
Хотя бы противъ совѣсти. Но тщетно
Я жду рѣшенья. Ну, куда ни шло:
Все выслушать готовъ я безотвѣтно,
Но я не смѣлъ и наше ремесло
Нуждается въ поддержкѣ. Если пьеса,
Которая была сейчасъ дана, —
А цѣль ея похвальна и честна, —
Для васъ имѣетъ хоть немного вѣса, —
Мы цѣль свою достигнутой сочтемъ
И лучшія надѣмся потомъ
Мы сочинить и дать вамъ представленье,
Чтобъ ваше къ намъ продлить расположенье;
Къ услугамъ вашимъ будемъ мы всегда.
Итакъ, спокойной ночи, господа!

Н. Холодковскій.

¹ Переводъ съ рукописи Е. А. Егорова. См. т. IV, стр. 68, прим. 2.

² Въ подлинникѣ игра словъ *coz*: *cousin* (кузень) и *cozener* (предатель). *Примѣч. переводчика.*